

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ЭКОНОМИКА

Том 27 № 2 (2019)

DOI 10.22363/2313-2329-2019-27-2

<http://journals.rudn.ru/economics>

Научный журнал

Издается с 1993 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61177 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

Рязанцев С.В., доктор экономических наук, профессор кафедры международных экономических отношений экономического факультета Российского университета дружбы народов, директор Института социально-политических исследований РАН, заведующий кафедрой демографической и миграционной политики Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД России, член-корреспондент РАН

Заместитель главного редактора

Маньшин Р.В., кандидат экономических наук, доцент кафедры международных экономических отношений экономического факультета Российского университета дружбы народов

Ответственный секретарь

Лукьянец А.С., кандидат экономических наук, доцент кафедры международных экономических отношений экономического факультета Российского университета дружбы народов

Члены редакционной коллегии

Бруно Серджио – доктор наук, профессор Университета Мессины (Мессина, Италия), исследователь Центра российских и евразийских исследований имени Дэвиса Гарвардского университета (Кембридж, США)

Гишар Ж.П. – профессор факультета права и политических наук Университета Ниццы София Антиполис (Ницца, Франция)

Грей Россарин Суттипонг – доктор наук, профессор, директор Института населения и социальных исследований Университета Махидол (Бангкок, Таиланд)

Гусаков Н.П. – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой международных экономических отношений экономического факультета Российского университета дружбы народов (Москва, Россия)

Давыдов В.М. – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, директор Института Латинской Америки (Москва, Россия)

Де Конти Бруно Маргарелло – доктор наук, профессор Университета Кампинас (Кампинас, Бразилия)

Доброхлеб В.Г. – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения РАН (Москва, Россия)

Инглис Кристине Бренда – доктор наук, профессор Университета Сиднея (Сидней, Австралия)

Ионцев В.А. – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой демографии Высшей школы современных социальных наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Кумо Казухиро – доктор наук, профессор Института экономических исследований Университета Хитотубаши (Токио, Япония)

Мазырин В.М. – доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра изучения Вьетнама и АСЕАН Института Дальнего Востока РАН (Москва, Россия)

Мартин Филипп – доктор наук, профессор, директор Центра исследований населения Калифорнийского университета имени Гиффорд в Дейвисе (Дейвис, США)

Марушиакова Елена – доктор наук, профессор, Институт этнологии Болгарской академии наук (София, Болгария)

Мосейкин Ю.Н. – доктор экономических наук, профессор, декан экономического факультета Российского университета дружбы народов (Москва, Россия)

Реджепаджич С. – профессор-исследователь, заместитель директора Института экономики Сербии (Белград, Сербия)

Родионова И.А. – доктор географических наук, профессор кафедры региональной экономики и географии экономического факультета Российского университета дружбы народов (Москва, Россия)

Стрыякевич Т. – профессор, директор Института социально-экономической географии и пространственного менеджмента Университета имени Адама Мицкевича (Познань, Польша)

Сутырин С.Ф. – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой мировой экономики Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

Пизарро С.А. – доктор наук, профессор, Университет Буэнос-Айреса (Буэнос-Айрес, Аргентина)

Порфирьев Б.Н. – академик РАН, доктор экономических наук, руководитель лаборатории анализа и прогнозирования природных и техногенных рисков экономики Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (Москва, Россия)

Топилин А.В. – доктор экономических наук, профессор, заведующий сектором Института макроэкономических исследований Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития РФ (Москва, Россия)

Туруна Надине – доктор наук, профессор, директор Института администрации предприятий Университета Ниццы София Антиполис (Ницца, Франция)

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ЭКОНОМИКА

ISSN 2313-2329 (Print); ISSN 2408-8986 (Online)

4 выпуска в год.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ по специальностям: 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством; 08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит; 08.00.14 – Мировая экономика.

Опубликованные в журнале статьи индексируются в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: РИНЦ Научной электронной библиотеки (НЭБ), DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat, East View, Dimensions, Mendeley, EBSCOhost.

Цели и тематика

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика – это научный журнал общезакономерного содержания, где публикуются статьи теоретической и практической направленности. Целями журнала являются публикация статей российских и зарубежных исследователей по актуальным проблемам развития российской и мировой экономики, формирование научного сообщества экономистов, повышение научной активности сложившихся и молодых ученых РУДН и других вузов.

В журнале публикуются статьи, которые направлены на достижение следующих целей: проведение экономического анализа по современным вопросам макро- и микроэкономики, осмысление опыта решения важнейших социально-экономических вопросов в различных регионах и странах мира, поощрение дискуссий и обмена мнениями в области современной экономической науки.

Основные рубрики журнала:

- вопросы экономической теории;
- аспекты продвижения экономических реформ в России и других странах СНГ;
- проблемы экономической интеграции и глобализации;
- задачи экономик развитых и развивающихся стран;
- валютно-финансовые проблемы;
- аспекты экономики отраслевых рынков;
- вопросы менеджмента и маркетинга;
- междисциплинарные исследования;
- методика и методология преподавания экономических дисциплин;
- экономические обзоры и прикладные исследования;
- рецензии и др.

Основная аудитория журнала – профессиональные экономисты, преподаватели, аспиранты вузов, руководители федеральных и региональных органов власти, представители бизнеса.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/economics>

Электронный адрес: econj@rudn.ru

Редактор *Ю.А. Заикина*
Компьютерная верстка *Ю.А. Заикиной*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии серии «Экономика»:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Тел.: +7 (495) 438-83-65; e-mail: econj@rudn.ru

Подписано в печать 12.08.2019. Выход в свет 19.08.2019. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 17,22. Тираж 500 экз. Заказ № 633. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов» (РУДН)
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН
Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF ECONOMICS

VOLUME 27 NUMBER 2 (2019)

DOI 10.22363/2313-2329-2019-27-2

<http://journals.rudn.ru/economics>

Founded in 1993

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Ryazantsev S.V., Doctor of Economics, Professor of the Department of International Economic Relations, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Director of Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of the Demographic and Migration Policy, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) of the Ministry Foreign Affairs of the Russian Federation, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences

DEPUTY OF THE EDITOR-IN-CHIEF

Manshin R.V., Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor of the Department of International Economic Relations, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

EXECUTIVE SECRETARY

Lukyanets A.S., Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor of the Department of International Economic Relations, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

EDITORIAL BOARD

Bruno Sergio – Doctor of Economics, Professor of Political Economy University of Messina (Messina, Italy), Researcher of Davis Center for Russian and Eurasian Studies, Harvard University (Cambridge, USA)

Guichard Jean-Paul – Professor of Economics, Department of Law and Political Sciences, University of Nice Sophia Antipolis (Nice, France)

Gray Rossarin Soottipong – Doctor of Economics, Associate Professor, Deputy Director of the Institute for Population and Social Research (IPSR), Mahidol University (Bangkok, Thailand)

Goussakov N.P. – Doctor of Economics, Head of the Department of International Economic Relations, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russia)

Davydov V.M. – Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Professor, Director of the Institute for Latin America of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

De Conti Bruno Martarello – Doctor of Economics, Professor, Institute of Economics of the University of Campinas (Campinas, Brazil)

Dobrokhleb V.G. – Doctor of Economics, Professor, The Institute of Social and Economic Studies of Population of the Russian Academy of Sciences

Inglis Christine Brenda – Doctor of Economics, Associate Professor of the University of Sydney (Sydney, Australia)

Iontsev V.A. – Doctor of Economics, Professor, Higher School of Modern Social Sciences of the Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Kumo Kazuhiro – Doctor of Economics, Professor of the Institute of Economic Research, Hitotsubashi University (Tokyo, Japan)

Mazyrin V.M. – Doctor of Economics, Professor, Head of the Centre of Vietnamese and ASEAN Studies of the Institute for Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Martin Philip – Doctor of Economics, Professor, Head of the Gifford Center for Population Studies of the University of California, Davis (Davis, USA)

Marushiakova Elena – Associate Professor, Senior Researcher, Institute of Ethnology and Folklore of the Bulgarian Academy of Sciences (Sofia, Bulgaria)

Moseikin Yu.N. – Doctor of Economics, Professor, Dean of the Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russia)

Redžepagić Srdjan – Doctor of Economics, Research Professor, Deputy Director of the Serbian Academy of Sciences (Belgrade, Serbia)

Rodionova I.A. – Doctor of Geography, Professor of the Department of Regional Economics and Geography, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russia)

Strykiewicz Tadeusz – Full Professor, Director of the Institute of Socio-Economic Geography and Spatial Management, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poznan, Poland)

Sutyryn S.F. – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of World Economy, Faculty of Economics, Saint Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russia)

Pizarro Cynthia Alejandra – Independent Researcher, Technical and Scientific Research Council, Professor of Anthropology, School of Agriculture, University of Buenos Aires (Buenos Aires, Argentina)

Porfiriev B.N. – Academician, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director and Head of the Laboratory for Analysis and Forecasting of Natural and Technological Risks to Economic Development in the Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Topilin A.V. – Doctor of Economics, Professor, Institute of Macroeconomic Research, Russian Foreign Trade Academy of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Tournois Nadine – Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Business Administration, University of Nice Sophia Antipolis (Nice, France)

RUDN JOURNAL OF ECONOMICS

Published by the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

ISSN 2313-2329 (Print); ISSN 2408-8986 (Online)

4 issues per year.

Languages: Russian, English.

Indexed by DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, Google Scholar, WorldCat, East View, Dimensions, Mendeley, EBSCOhost.

Aims and Scope

RUDN Journal of Economics is a general-interest economic journal, which publishes papers of theoretical, empirical and practical issues.

The goals of the journal are publication of papers of Russian and foreign authors on topical questions of national and world economic development, as well as building-up of academic economic society, increasing of scientific activity of senior and young researchers from Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) and other higher institutions.

The journal aims to publish articles that will serve several goals: to provide economic analysis in the field of macro- and microeconomics and finance; to integrate lessons learned from different regions and countries experience in tackling socio-economic problems; to encourage cross-fertilization of ideas among the fields of economic thinking.

Main subject fields of the journal include:

- questions of economic theory;
- economic reforms in Russia and Commonwealth countries;
- economic integration and globalization;
- developed and developing countries economy;
- monetary and financial questions;
- industrial organization markets;
- questions of management and marketing;
- interdisciplinary research;
- methodology of teaching economic subjects;
- economic reviews and applied research;
- books' reviews, etc.

Main audience of the journal – professional economists, high school teachers, postgraduate students, representatives of federal and municipal government bodies as well as business leaders.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/economics>

E-mail: econj@rudn.ru

Copy Editor *Iu.A. Zaikina*
Layout Designer *Iu.A. Zaikina*

Address of the editorial board:

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation
Tel.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board series "Economics":

6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 438-83-65; e-mail: econj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
"Peoples' Friendship University of Russia" (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House
3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation
Tel.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

- Галищева Н.В.** Промышленная политика как драйвер развития экономики Индии 205
- Митрофанова И.Б., Лиознер В.Л.** Социально-экономическая ситуация в ЮАР в начале 2000-х годов 223
- Chuchuryna V.A., Olenev N.N.** Scenarios of the Polish economy dynamics in 2017–2022 on the Ramsey type model basis (Сценарии развития польской экономики в 2017–2022 гг. на базе модели типа Рамсея) 235
- Rinawati H.S.** Government policy in developing social capital of small industry in facing ASEAN Economy Community era (Государственная политика развития социального капитала малого бизнеса в странах АСЕАН) 249

ЭКОНОМИКА ОТРАСЛЕВЫХ РЫНКОВ

- Андропова И.В., Якимович Е.А.** Мировой рынок рыбы: современные тенденции, состояние и перспективы 259
- Бондаренко С.О., Сауренко Т.Н., Гапов М.Р., Шакун Е.Н.** Обоснование предупредительных замен элементов технических средств таможенного контроля 269
- Егорова О.В.** Теоретические и методологические основы организации кормопроизводства 280
- Сидорова А.А.** Сотрудничество университетов и бизнеса: направления взаимодействия 290
- Alhammoud M.F., Zobov A.M., Almyshrqı H.** Labor performance as one of the elements of personnel control and management in hotels in Syria (Производительность труда как один из элементов контроля кадров и управления в отелях Сирии) 303

МИРОВОЙ РЫНОК ТРУДА И МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ

- Очирова Г.Н., Моисеева Е.М., Максимова А.С.** Взаимосвязь природно-климатических изменений и миграционной ситуации в Океании 313
- Pletneva Iu.E.** The role of labour market integration, language proficiency and inter-ethnic contacts in shaping life satisfaction among immigrants in the Netherlands (Роль интеграции на рынке труда, владения языком и межэтнических контактов в формировании удовлетворенности жизнью среди иммигрантов в Нидерландах) 326

МИРОВОЙ РЫНОК КАПИТАЛА

- Быстряков А.Я., Григорьева Е.М., Савенкова Е.В.** Финансовые факторы стимулирования потребительской активности для достижения целей национальной экономической безопасности страны 338
- Смирнов Е.Н.** Деофшоризация экономики России: эволюция подходов и основные приоритеты современного этапа 353
- Lee H.-S.** The impact of the Turn to the East Policy on foreign direct investment in the Russian Far East (Влияние политики «Поворот на Восток» на прямые иностранные инвестиции на Дальнем Востоке) 366

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

- Комов М.С.** Классификация интеграционных объединений по степени развития единого транспортного пространства 375
- Коновалова Ю.А., Ушанов С.А.** ЕС в системе торговых интересов США 386

CONTENTS

ECONOMIC GROWTH AND SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT

Galischeva N.V. The industrial policy as a driver of the Indian economy's development	205
Mitrofanova I.B., Liozner V.L. The socio-economic situation in South Africa in the early 2000-ies	223
Chychuryna V.A., Olenev N.N. Scenarios of the Polish economy dynamics in 2017–2022 on the Ramsey type model basis	235
Rinawati H.S. Government policy in developing social capital of small industry in facing ASEAN Economy Community era	249

INDUSTRIAL ORGANIZATION MARKETS

Andronova I.V., Yakimovich E.A. World fish market: current trends, state and prospects	259
Bondarenko S.O., Saurenko T.N., Gapov M.R., Shakun E.N. Justification of the warning replacement of the elements of technical means of customs control	269
Egorova O.V. Theoretical and methodological aspects of the formation of an effective forage base	280
Sidorova A.A. University-business cooperation: directions of interaction	290
Alhammoud M.F., Zobov A.M., Almyshrqj H. Labor performance as one of the elements of personnel control and management in hotels in Syria	303

INTERNATIONAL LABOR MARKET AND INTERNATIONAL MIGRATION

Ochirova G.N., Moiseeva E.M., Maksimova A.S. The relation of environmental and climatic changes and migration situation in Oceania	313
Pletneva Iu.E. The role of labour market integration, language proficiency and inter-ethnic contacts in shaping life satisfaction among immigrants in the Netherlands	326

WORLD CAPITAL MARKET

Bystriakov A.Ya., Grigorieva E.M., Savenkova E.V. Financial factors for stimulating consumer activity to achieve the goals of the country's national economic security	338
Smirnov E.N. Deoffshorization of economy of the Russian Federation: evolution of approaches and main priorities of the present stage	353
Lee H.-S. The impact of the Turn to the East Policy on foreign direct investment in the Russian Far East	366

GLOBALIZATION AND ECONOMIC INTEGRATION

Komov M.S. Classification of integration associations according to the degree of development of a single transport space	375
Konovalova Yu.A., Ushanov S.A. EU in the system of trade interests of USA	386

DOI 10.22363/2313-2329-2019-27-2-205-222
УДК 339.97

Научная статья

Промышленная политика как драйвер развития экономики Индии

Н.В. Галищева

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России
Российская Федерация, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76

Целью настоящего исследования является анализ промышленной политики Индии в 1950–2010-е гг., ее основных направлений и перспектив будущей эволюции. Методологической основой послужили такие методы научного познания, как индукция и дедукция, анализ и синтез. При этом базовым стал системный подход к изучению индийской экономики в целом и промышленной политики в частности. Детально рассматриваются основные специфические черты промышленной политики в дореформенный период, а также выявляются причины и характер ее трансформации в начале 1990-х гг. Подчеркивается, что, учитывая национально-специфические особенности многоукладного общества, промышленная политика дореформенного этапа содействовала успешному проведению индустриализации, в процессе которой промышленный сектор превратился в самую быстрорастущую отрасль экономики. Акцентируется внимание на главных направлениях современной промышленной политики Индии, среди которых выделяются отказ от системы лицензирования, уменьшение масштабов госсектора в экономике, ослабление антимонопольного законодательства, привлечение прямых иностранных инвестиций и иностранных технологий, либерализация промышленной политики на местном уровне и ослабление валютного законодательства. Кроме того, в статье приводятся отдельные, наиболее репрезентативные концепции индийских экономистов (Р. Агравала и Ч. Рангараджана), внесших существенный вклад в формирование промышленной политики пореформенного этапа. Также рассмотрены и вероятные элементы принципиально новой политики, формирующейся в Индии в настоящее время. Особое внимание обращается на то, что при всем своем разнообразии на разных этапах социально-экономического развития промышленная политика Индии всегда учитывала две составляющие – экономическую и социальную (новая промышленная политика 1991 г. добавила к двум составляющим еще и третью – экологическую). Таким образом, стимулируя ускорение темпов экономического роста, она содействовала решению целого комплекса социальных проблем – от создания в стране новых рабочих мест до снижения масштабов бедности и недоедания, а также сдерживания роста социального неравенства. В статье приведены статистические данные по динамике валовых сбережений и валовых накоплений в экономике Индии в пореформенный период, среднегодовым темпам экономического роста в Индии с 1990–1991 по 2016–2017 финансовый год и отраслевой структуре ВВП Индии в 2000–2017 гг.

Ключевые слова: Индия; промышленная политика; «Владычество разрешений»; лицензия Радж; политика дезинвестиций; либеральные реформы

© Галищева Н.В., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Введение

За период независимости¹ промышленный сектор Индии превратился в быстрорастущую отрасль экономики. Из отсталого и традиционного он стал современным, оснащенным высокотехнологичным оборудованием сегментом национального хозяйства. Несмотря на то что сельское хозяйство Индии по-прежнему продолжает оставаться важной отраслью экономики – здесь занято около половины работающих, выращивается главный для населения продукт – продовольственное зерно, обеспечивается четверть экспорта, – именно промышленность, и прежде всего обрабатывающая, является локомотивом развития индийской экономики. Первоочередным фактором успеха столь успешных индийских преобразований, предпринятых в 1950–1980-е гг., в ходе которых произошло становление, развитие и модернизация базовых отраслей промышленности, по праву можно считать грамотную, продуманную промышленную политику, традиционно предусматривающую (еще с конца 1940-х гг.) высокую степень участия государства. Это во многом позволяет, с одной стороны, стимулировать развитие перспективных для страны отраслей и межотраслевых комплексов и защищать их от влияния мировых кризисов и дефицита финансовых ресурсов, а с другой – решать различные социальные проблемы.

Целями настоящей работы являются выявление условий и причин становления и реформирования промышленной политики в Индии в период ее независимости, определение ее основных векторов, ее роли в трансформации места Индии в мировом хозяйстве, а также обозначение вероятных направлений ее дальнейшего развития. Исходя из этого, автор определяет следующие основные задачи:

- выявить объективные причины и условия становления и реформирования промышленной политики и проанализировать ее роль в деле стимулирования экономического развития Индии;
- показать специфику реформирования промышленной политики Индии в 1990–2010-е гг.;
- рассмотреть основные направления современной промышленной политики Индии.

Обзор литературы

Важнейшим фундаментом статьи стали исследования советских и российских индологов, содержащих ценный материал для анализа специфики становления и трансформации промышленной политики в 1950–2010-е гг. Среди них труды А.Е. Грановского (Индия 1985–1986, 1987), О.В. Малярова (Маляров, 2014), А.И. Медового (Медовой, Галищева, 2009).

При подготовке статьи также использовались работы зарубежных и прежде всего индийских исследователей. Среди них Р. Агравал (Agraval, 2002),

---

¹ В экономической истории Индии четко просматриваются два этапа: дореформенный – развитие по модели государственного капитализма (до начала 1990-х гг.) и пореформенный – этап либеральных реформ (1991–2010-е гг.).

Ч. Рангараджан и У. Капила (Indian Economy..., 2004–2005), С.К. Мисра и В.К. Пури (Misra, Puri, 2001), Б.Р. Шеной (Shenoy, 1963), Р.Дж. Венкатесваран и Д.М. Митхани (Venkateswaran, Mithani, 1989). И хотя их труды посвящены скорее отдельным проблемам развития индийской экономики либо рассмотрению общих тенденций развития на разных этапах, тем не менее переосмысление их отдельных положений сыграло роль в достижении поставленных целей и задач.

Для написания статьи были тщательно изучены тексты «Промышленной политики 1948 г.» (Industrial Policy Resolution, 1948) и «Промышленной политики 1956 г.» (Industrial Policy Resolution, 1956 г.), а также проект новой формирующейся промышленной политики (Industrial Policy – 2017).

Методы и подходы

Методологической основой исследования являются такие методы научного познания, как индукция и дедукция, анализ и синтез. При этом базовым стал системный подход к изучению индийской экономики в целом и предмета исследования в частности. Для решения поставленных задач были применены исторический и логический, статистический и динамический методы, с помощью которых выявлены в том числе причины, условия и характер преобразований в промышленной политике Индии в период независимости.

Эволюция промышленной политики в Индии в 1940–1980-х гг.

Промышленная политика дореформенного этапа предметно ограничивала стихийное развитие частного предпринимательства в промышленной сфере малоразвитого капиталистического общества и фактически реализовывалась под флагом «социализации вакуума». Это означало, что государственные предприятия будут создаваться в тех сферах, где частные предприятия не могут адекватно удовлетворять нужды страны. Таким образом, государственный сектор постепенно превращался в локомотив национальной экономики. Все три документа по промышленной политике дореформенного периода – Резолюция о промышленной политике 1948 г. (Industrial Policy Resolution, 1948), Резолюция о промышленной политике 1956 г. (Industrial Policy Resolution, 1956), Промышленная политика 1980 г. (Industrial Policy, 1980) – определяли место различных социально-экономических секторов в экономике в рамках общего социально-экономического курса, признавая важность как государственного, так и частного секторов в развитии индийской промышленности. При этом для предотвращения установления господства частных монополий в ключевых отраслях экономики ряд отраслей полностью или частично резервировался за госсектором. Так, исключительной монополией центрального правительства, в соответствии с Резолюцией о промышленной политике 1948 г., стали оборонная и атомная промышленности, а также железнодорожный транспорт². Резолюция о про-

² Industrial Policy Resolution, 1948. URL: <https://www.gktoday.in/gk/industrial-policy-resolution-1948/> (дата обращения: 17.01.2019).

мышленной политике 1956 г. увеличила их число до четырех, добавив воздушный транспорт³. Обе резолюции выделяли «смешанный сектор», где за исключением отдельных случаев, когда необходимо было во имя национальных интересов развивать кооперацию государственного и частного секторов, государство имело исключительное право основывать новые предприятия в этих отраслях промышленности. При этом даже в тех отраслях, которые были закреплены за частным сектором, государство могло создавать свои предприятия, если в этом была необходимость.

Примечательно, что по мере развития национальной экономики и укрепления частного сектора индийское правительство, в соответствии с Поправкой к Резолюции о промышленной политике 1956 г. от 2 февраля 1973 г. (*The New Industrial Policy Statement*), высказало намерение ускоренными темпами развивать так называемый совместный сектор (*The Joint Sector*), который изначально задумывался как сектор, в котором государственные и частные капиталы организуют совместную производственную деятельность. Предполагалось, что инвестиции в предприятия этого сектора осуществляются обоими секторами, а государство играет важную роль в определении направления деятельности и в его контроле. Идейный вдохновитель этой идеи – Комитет Датта – исходил из того, что если государство оказывает финансовую помощь частному сектору для расширения масштабов его деятельности, то оно вправе быть представлено в управленческом органе. Между тем вследствие того, что концепция государственно-частного партнерства была прописана недостаточно ясно, а сам термин не имел четкого определения, идея была довольно быстро забыта, так практически и не реализовавшись (Misra, Puri, 2001).

В рамках выполнения своих социальных функций все три Резолюции о промышленной политике придавали существенное значение развитию мелкой, в том числе и кустарной, промышленности. Отрасли, специально резервированные за мелкой промышленностью, по замыслу архитекторов индийской экономики, должны были оставаться поставщиками рабочих мест и обеспечивать эффективную мобилизацию человеческого капитала. Помощь этому сегменту оказывалась посредством как прямых, так и косвенных мер, что в итоге привело к впечатляющим результатам. Число мелких промышленных предприятий, зарегистрированных в промышленных департаментах штатов, увеличилось с 36 тыс. в 1961 г. до 800 тыс. в 1980 г. Общая численность предприятий, нанимающих не менее одного наемного рабочего, возросла в несельскохозяйственных отраслях с 480 тыс. в 1951 г. до 3,3 млн в 1980 г. (Индия 1985–1986, 1987).

В русле реализации социальных функций «Промышленная политика 1980 г.» указывала, что выгоды от индустриализации и модернизации должны получить все слаты общества. Для этого в ней продвигалась идея предоставления многочисленных льгот предприятиям, связанным с сельским хозяйством, а также создания новых предприятий в отсталых районах и стиму-

---

³ Industrial Policy Resolution, 1956. URL: <https://www.gktoday.in/gk/industrial-policy-resolution-1956/> (дата обращения: 17.01.2019).

лирования экономического федерализма посредством скоординированного развития мелких, средних и крупных предприятий.

Для поддержания мелкой промышленности и борьбы с частными монополиями в дореформенный период были приняты Закон о промышленном развитии и контроле 1951 г. (The Industrial Development and Control Act, 1951), который предусматривал необходимость получения государственной лицензии (так называемой лицензии Радж – The License Raj) для расширения всех существующих и вновь учреждаемых промышленных предприятий, а также введение государственного контроля за масштабами их производства, и Закон о монополиях и ограничении торговой и промышленной деятельности 1969 г. (The Monopolies and Restrictive Trade Practices Act, 1969), введивший определенные рамки экономического доминирования крупных компаний путем ограничения их возможности инвестирования в производство. В соответствии с последним законом также был усилен контроль за практикой так называемого перекрестного владения акциями предприятий, сохранившейся, однако, в Индии до сих пор. Таким образом, ограничивались возможности применения излишков капитала, а вхождение компаний в новые для них отрасли экономики стало весьма затруднительным. Расширение уже существующего предприятия также требовало получения соответствующего разрешения властей. Несмотря на определенную разумность принятия этих законов, в стране, по образному выражению индийского экономиста Белликота Рагунатха Шеноя, утвердилась система «Владычества разрешений» (The Permit Raj) (по аналогии с системой «Британского владычества» – The British Raj), просуществовавшая в Индии с середины 1950-х до конца 1980-х гг. Именно она подтолкнула крупный бизнес к вывозу капитала за рубеж, который в то время фактически принимал форму бегства капитала (Shenoy, 1963).

Между тем, справедливости ради, следует отметить, что, несмотря на предпринимаемые меры, процессы усиления концентрации производства и централизации капитала в крупном бизнесе все-таки усиливались. В 1972–1982 гг. активы 20 крупнейших монополистических групп возросли с 28,8 до 89,9 млрд руп., хотя их отношение к ВВП и снизилось с 6,7 до 6,2 %. К концу дореформенного этапа в Индии насчитывалось около 80 монополистических групп с активами свыше 1 млрд руп. каждая (Индия 1985–1986, 1987).

Важным вопросом, поднимающимся во всех трех документах о промышленной политике дореформенного этапа, была и необходимость решения проблемы нехватки выработки электроэнергии, ликвидации узких мест в инфраструктуре (нехватки дорог и электроэнергии), а также сокращения региональных дисбалансов и диспропорций. С этой целью в отсталых регионах страны должны были реализовываться инфраструктурные проекты. Также делался акцент на сбалансированном развитии сельского хозяйства и промышленности в каждом штате. Таким образом, политический и экономический истеблишмент Индии фактически предпринимал попытку посредством промышленной политики добиться формирования единого рынка в рамках национальной экономики. Следует отметить, что это направление проводимой промышленной политики было реализовано в целом неудовле-

творительно. Разрыв между уровнями подушевого дохода в трех наиболее развитых (Пенджаб, Харьяна и Махараштра) и трех наименее развитых (Ассам, Орисса и Бихар) штатах Индии увеличился с 66,7 % в 1960–1961 финансовом году до 90,2 и 122,1% в 1970–1971 и 1980–1981 финансовых годах соответственно. За эти годы доходы на душу населения в развитых штатах росли в 2,3 раза быстрее, чем в отсталых (Индия 1985–1986, 1987).

Таким образом, учитывая национально-специфические особенности многоукладного общества, промышленная политика дореформенного этапа содействовала формированию его гражданской составляющей, повышала грамотность населения, профессионализм, уровень жизни, предпринимательскую активность, организацию научно-исследовательских учреждений. Индустриализация, в процессе которой промышленный сектор превратился в самую быстрорастущую отрасль экономики, сформировала базу для независимого экономического развития Индии и привела к качественным изменениям как в отраслевой структуре ВВП, так и собственно в структуре промышленности, ее места в национальном хозяйстве и темпах роста. Индия стала одной из немногих развивающихся стран, которая уже на первом этапе индустриализации приступила к созданию многоотраслевого национального промышленного комплекса, охватывающего широкий круг производств полного цикла в тяжелой промышленности. При этом приток частного предпринимательского капитала резко ограничивался. Значительную помощь в создании такого комплекса оказали иностранные государства, в том числе и СССР, при содействии которого в Индии сооружено свыше 80 объектов в ключевых отраслях промышленности.

В целом промышленная политика дореформенного периода создала условия, при которых достигнутая социальная и экономическая многоукладная совместимость позволила в конце концов приступить к снятию части ограничений, вплоть до отмены обязательных промышленных лицензий для частных предпринимателей, обеспечив им при этом свободный доступ почти во все сферы хозяйства, и одновременно понизить уровень протекционизма для мелкого производства (Медовой, Галищева, 2009). Так, уже в «Промышленной политике 1980 г.» для стимулирования развития мелкой промышленности был поднят возможный для вложения потолок инвестиций с 10 до 20 млн руп. Аналогичным образом был увеличен потолок инвестиций для вспомогательных предприятий, связанных с мелкой промышленностью, – с 15 до 25 млн руп. Число отраслей, развитие которых представлялось особенно важным для страны и которые ранее резервировались за госсектором и мелкой промышленностью, но в соответствии с «Промышленной политикой 1980 г.» теперь были открыты для иностранных инвестиций, увеличилось с 19 до 34. Кроме того, началось постепенное сокращение масштабов системы «Владычества разрешений», свидетельством чему стала отмена в марте 1985 г. лицензирования на 25 видов товаров, таких как сталь, сельскохозяйственное и электрическое оборудование, ряд электронных и механических изделий. В июне 1985 г. делицензирование охватило 82 вида лекарств (Venkateswaran, Mithani, 1989).

Промышленная политика Индии на современном этапе

Начиная с 1991 г. происходит постепенная либерализация индийской экономики. Главное направление современной промышленной политики – формирование конкурентной культуры, создание равных рыночных условий для всех предпринимателей, включая государственный сектор. Как отмечалось в материалах Плановой комиссии Индии, «путеводной нитью, проходящей через экономические реформы», является освобождение экономики от государственного контроля, чтобы дать возможность рыночным законам определять экономическую активность⁴. Этот подход касается не только частного, но и государственного сектора, который также тестируется на рыночные условия.

Концептуальные основы промышленной политики Индии в пореформенный период

Существенный вклад в формирование промышленной политики пореформенного этапа внесли видный индийский экономист, теоретик и практик, 19 глава Резервного банка Индии Ч. Рангараджан и профессор Делийской школы экономики, член Всеиндийской ассоциации менеджмента Р. Агравал.

Так, Ч. Рангараджан выступил с идеей проведения частичной приватизации – продажи лишь части акций государственных предприятий (в индийской литературе этот процесс именуется дезинвестициями (от англ. *disinvestment*). При этом он выделял две причины этой политики – необходимость увеличения доходной части государственного бюджета и повышение эффективности работы предприятий. Примечательно, что в отличие от многих других индийских экономистов, предлагавших вырученные от дезинвестиций средства направлять прежде всего на погашение государственного долга, он настаивал на том, чтобы они тратились на развитие человеческого потенциала. Ч. Рангараджан отмечал, что объем государственных расходов в Индии как на федеральном, так и на местном уровнях в пореформенный период увеличивается в результате неизбежного роста финансирования социальной сферы (в первую очередь систем образования и здравоохранения). Уровень дезинвестиций, как подчеркивал Ч. Рангараджан, должен устанавливаться в каждом конкретном случае, так как зависит от цели, преследуемой государством. Однако Ч. Рангараджан также предпринял попытку сформировать общий подход: если предприятие находится в так называемом стратегическом секторе, то уровень дезинвестирования вообще должен отсутствовать, в «ключевом секторе» соответствовать 49 %, в «неключевом и нестратегическом секторе» не превышать 51 % (Rangarajan, 2004–2005).

Р. Агравал, рассуждая о месте государственного сектора в выработке промышленной политики в условиях либерализации, отмечал, что цель государственного регулирования частного сектора заключается в организации управления национальной экономикой таким образом, чтобы достигался

---

⁴ Report of the Working Group on Competition Policy / Planning Commission. Government of India. 2007. P. 15.

максимум социальной защиты основной массы населения (Agraval, 2002). Среди основных форм выделяются следующие: общее управление и регулирование инвестиционной активности частных предприятий, что достигается посредством планирования и промышленной политики; регулирование размещения, размеров, инвестиций и расширения деятельности частных предприятий путем разумного промышленного лицензирования; регулирование цен на товары посредством законодательной базы и систематического мониторинга структуры издержек предприятий; регулирование деятельности монополий; регулирование уровня заработной платы и бонусов для работников предприятий частного сектора; регулирование корпоративного управления; регулирование спекулятивных сделок на фондовом рынке.

Основные направления «Новой промышленной политики»

«Новая промышленная политика» (The New Industrial Policy, 1991), провозглашенная 24 июля 1991 г. и являющаяся актуальной и поныне, в значительной мере дерегулировала промышленный сектор страны. Ее главными целями стали коррекция дисбалансов в национальной экономике, поддержание устойчивого роста уровня занятости и производительности труда, повышение конкурентоспособности индийской продукции на мировом рынке. Объявленная промышленная политика исходила из ряда основополагающих принципов.

1. *Отказ от системы лицензирования (то есть системы «Владычества разрешений»)* в промышленном секторе. На первых порах лицензирование сохранялось в 18 отраслях, стратегически значимых с точки зрения обороноспособности страны, по социальным мотивам и т.п. Между тем уже к апрелю 1993 г. это число было сокращено до 15, к июлю 1997 г. – до 9, а к 1999 г. – до 6 (фармацевтика, производство алкоголя, производство сигарет, производство взрывчатых веществ, производство электроники для авианавигации и оборудования для оборонной промышленности, производство опасных химикатов).

2. *Уменьшение масштабов государственного сектора в экономике.* Новая промышленная политика резервировала за государственным сектором 8 отраслей (оборонная промышленность; атомная энергетика; угольная промышленность; минеральное топливо; добыча железной, хромовой, марганцевой руды, гипса, золота и алмазов; добыча меди, свинца, цинка, молибдена и вольфрама; добыча минералов, используемых в атомной энергетике; железнодорожный транспорт). К июню 2001 г. за госсектором было зарезервировано уже только 3 отрасли (атомная энергетика; добыча минералов, используемых в атомной энергетике; железнодорожный транспорт). Контроль за ценами сохранился лишь на четыре наименования социально значимых товаров (бензин, удобрения, сахар и лекарства).

Новая промышленная политика существенно изменила роль, отводящую государственному сектору. Государственные предприятия, в том числе кредитно-финансовые, получили разрешение финансировать увеличение своей капитальной базы и расширение мощностей за счет дополнительных

выпусков ценных бумаг и продажи их на фондовых биржах. Примечательно, что наибольшую автономию получили самые прибыльные предприятия, способные стать конкурентоспособными гигантами мирового уровня. Среди них Корпорация по нефти и природному газу (Oil and Natural Gas Corporation), Национальная корпорация тепловых электростанций (National Thermal Power Corporation), холдинговая компания государственных комбинатов черной металлургии Steel Authority of India Limited и др.

Эти предприятия не должны были зависеть от бюджетной поддержки правительства, им надлежало самостоятельно мобилизовать необходимые ресурсы с помощью резервных фондов и рынка капитала. Кроме того, они получили свободу в проведении своей реструктуризации, определении и сокращении численности работников, а также в осуществлении капиталовложений и создании совместных предприятий на территории Индии и за рубежом.

В 1991–1992 финансовом году в Индии начался процесс частичной приватизации – продажи акций государственных компаний (иначе говоря, процесс дезинвестирования). Он прошел в три основных этапа:

– с 1991–1992 по 1997–1998 финансовый год правительство продавало до 20 % своих акций в избранных государственных предприятиях для адаптации этих предприятий к рыночным условиям функционирования, причем зачастую эти акции продавались государственным же институциональным инвесторам. Таким образом, происходила продажа миноритарных пакетов внутри самого государственного сектора;

– с 1998–1999 по 2003–2004 финансовый год за исключением узкого круга стратегических предприятий, участие государства в акционерном капитале остальных, нестратегических, предприятий было снижено до 26 % и менее.

– с 2004–2005 финансового года упор вновь был сделан на продажу миноритарных пакетов акций в сочетании с выпуском предприятиями центрального правительства новых акций.

Между тем фактические масштабы продажи акций государственных предприятий были зачастую значительно меньше установленных планов (с 1991–1992 по 2004–2005 финансовый год 477 млрд руп. против 968 млрд, то есть 49,3 %), а с 2005–2006 финансового года планы вообще перестали устанавливаться, и сама продажа акций перестала носить обязательный характер (Маляров, 2013). Таким образом, передача государственных предприятий в частный сектор не являлась целью индийского государства.

Специальные меры предпринимались в отношении хронически убыточных предприятий (в индийской литературе – *sick enterprises*). Среди них – текстильные предприятия, национализированные еще в 1970-е гг. (например, British India Corporation, Bird Jute & Exports, NTC и др.), предприятия, функционирующие в отсталых районах страны (например, Nagaland Pulp & Paper Company Ltd.), ряд сахарных, вагоностроительных предприятий. Они не могли быть оздоровлены без значительных капиталовложений, а закрытие их было невозможно по политическим соображениям, исходя из приоритета социальной стабильности. К основным мерам, используемым для возрождения хронически убыточных предприятий, относились финансовая реструктуризация (осуществление инвестиций правительства в предприятие в фор-

ме участия в его акционерном капитале, предоставление ему займов и грантов, списание его прошлых долгов, конверсия процента в займ, мораторий на выплату займов или процента по ним и т.п.); реструктуризация бизнеса (изменение управленческих органов предприятия, отделение от предприятия жизнеспособных производственных единиц для формирования отдельной компании, закрытие нежизнеспособных производственных единиц и т.п.); рационализация используемой рабочей силы (избавление от излишней рабочей силы с использованием Программы добровольного увольнения).

Результаты промышленной политики рельефно отражаются в современных макроэкономических показателях. Валовые сбережения в 2015–2016 финансовом году достигли 32,4 % ВВП, из которых на долю частного сектора приходится 31,1 % ВВП. В валовых капиталовложениях доля частного и государственного секторов составила 23,9 % и 7,5 % ВВП соответственно. При этом очевидно, что доля госсектора в валовых сбережениях и валовых капиталовложениях в пореформенный период существенно сократилась (табл. 1).

Таблица 1

**Валовые сбережения и валовые накопления в экономике Индии
в пореформенный период (% ВВП)**

[Table 1. Gross domestic savings and gross domestic capital formation in the Indian economy during the period of the liberal reforms (% GDP)]

Финансовый год	Валовые сбережения			Валовые накопления		
	Госсектор	Частный сектор	Всего	Госсектор	Частный сектор	Всего
1990–1991	1,8	21,1	22,9	10,6	14,3	24,9
2000–2001	–1,3	25,0	23,7	7,1	16,3	24,1
2010–2011	2,6	31,1	33,7	8,4	26,0	36,5
2015–2016	1,3	31,1	32,4	7,5	23,9	32,9

Источник: Economic Survey 2016/17 / Government of India, Ministry of Finance, Department of Economic Affairs, Economic Division. February 2018. A-20, A-21.

3. *Ослабление антимонопольного законодательства.* Существовавшая в соответствии с Законом о монополиях и ограничительной торговой практике 1985 г. «верхняя планка» уставного капитала компаний в 1 млрд руп. для вхождения в определенные отрасли была отменена. Ранее такие предприятия должны были получить одобрение государства.

4. *Привлечение прямых иностранных инвестиций (ПИИ) и иностранных технологий.* Новая промышленная политика Индии реализуется в русле увеличения открытости национальной экономики и приветствует привлечение в страну иностранного предпринимательского капитала, прежде всего не приводящего к образованию внешней задолженности.

В настоящее время зарубежным инвесторам предоставлены значительные возможности инвестирования своего капитала практически в любую отрасль национального хозяйства. Кроме того, в ряд отраслей иностранные предприниматели могут осуществлять инвестиции автоматически, без получения предварительного одобрения индийского правительства, а для индийских компаний – участников совместного предприятия (СП) оставлен лишь уведомительный характер получения ПИИ.

В то же время для предотвращения чрезмерной зависимости индийской экономики от зарубежных инвесторов, в том числе от нерезидентов ин-

дийского происхождения, правительство Индии ставит перед ними определенные условия. Например, в производстве автомобильных двигателей иностранные фирмы обязаны использовать местные автокомпоненты, а импорт комплектующих разрешается им при улучшении показателей экспорта за предыдущий финансовый год.

Согласно World Investment Report 2018, общий объем накопленных ПИИ в экономике Индии на 1 января 2018 г. составил 377,7 млрд долл. При этом основной прирост накопленных инвестиций произошел в период с апреля 2000 г. по декабрь 2015 г. – около 300 млрд⁵.

5. *Либерализация промышленной политики на местном уровне.* В соответствии с «Новой промышленной политикой 1991 г.», для открытия новых промышленных предприятий в городах с населением менее 1 млн жителей было отменено необходимое ранее получение одобрения центра. В городах с населением более 1 млн жителей разрешалось открытие предприятий, не загрязняющих окружающую среду. Предприятия, загрязняющие окружающую среду, не должны были открываться в радиусе 25 км от города (исключение – предприятия по производству электроники и программного обеспечения). Таким образом, очевидно, что «Новая промышленная политика 1991 г.», в отличие от всех предыдущих, попыталась соединить воедино три важнейшие задачи – экономическую эффективность, социальную защищенность и экологическую безопасность.

6. Ослабление валютного законодательства. В условиях значительной либерализации экономики Индии валютное законодательство перестало вписываться в новую систему хозяйствования. Пришедший на смену Закону о регулировании обмена валюты (The Foreign Exchange Regulation Act, 1973 – FERA) Закон об организации валютного обмена (The Foreign Exchange Management Act, 1999 – FEMA), вступивший в силу 1 июня 2000 г., отличался более либеральным подходом к регулированию валютных операций и движения капитала в целом. При этом важно отметить, что FEMA корреспондировался с соответствующим законодательством развитых стран. В развитие FEMA индийским парламентом был принят Закон о предотвращении отмыwania денег (Prevention of Money Laundering Act, 2002), вступивший в силу 1 июля 2005 г.

В целом «Новая промышленная политика 1991 г.» определяла современные направления в индустриализации и модернизации экономики, вступившей в фазу либерализации. Она была нацелена на либерализацию системы «Владычества разрешений», а также гораздо более активное, чем прежде, привлечение в национальную экономику ПИИ и иностранных технологий. Важно отметить, что она не ставила своей целью демонтаж государственного сектора экономики и переход государственных предприятий в частный сектор. Несмотря на значительное сокращение масштабов государственного регулирования в индийской экономике, в руках правительства по-прежнему сохраняются весомые экономические инструменты воздействия на макроэкономическую ситуацию в стране. Так, на государственные банки приходится 75 % объема всех банковских операций в стране, а государство и поныне выступает в роли относительно крупного инвестора в основные

⁵ World Investment Report 2018 / UNCTAD. 2018. Pp. 184–186. URL: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2018_en.pdf (дата обращения: 17.08.2018).

фонды. Госсектор аккумулирует около 70 % рабочих, занятых в организованном секторе, и эта цифра практически не изменяется с 1981 г. (*Indian Economy...*, 2004–2005) При этом также нельзя не упомянуть и о прагматичном подходе индийского политического и экономического истеблишмента к формированию и реализации как внешней политики, одним из главных приоритетов которой стал учет насущных экономических потребностей Индии, так и тесно связанной с ней внешнеэкономической политики. Первостепенной задачей в отношении частного сектора явилось повышение его эффективности и конкурентоспособности.

Результат реализации «Новой промышленной политики 1991 г.» налицо – среднегодовые темпы экономического роста существенно ускорились (табл. 2).

Отраслевая структура ВВП все в большей мере приобретает адекватный для современной экономики вид (табл. 3).

Таблица 2

Среднегодовые темпы экономического роста в Индии с 1990–1991 по 2016–2017 финансовый год в ценах 2004–2005 финансового года⁶ (%)
[Table 2. Annual average economic growth rates in India from 1990–1991 to 2016–2017 financial year at 2004–2005 financial year prices (%)]

	Темпы прироста внутренней нормы доходности в постоянных ценах 2004–2005 финансового года	Темпы прироста внутренней нормы доходности на душу населения в постоянных ценах 2004–2005 финансового года
Два годовых плана (1990–1991 и 1991–1992 финансовые годы)	3,2	0,8
Восьмой пятилетний план (с 1992–1993 по 1996–1997 финансовый год)	6,5	4,4
Девятый пятилетний план (с 1997–1998 по 2001–2002 финансовый год)	5,6	3,4
Десятый пятилетний план (с 2002–2003 по 2006–2007 финансовый год)	7,6	5,9
Одиннадцатый пятилетний план (с 2006–2007 по 2011–2012 финансовый год)	7,8	6,0
Двенадцатый пятилетний план (с 2011–2012 по 2016–2017 финансовый год)	6,8	5,3

Источник: Economic Survey 2016/17 / Government of India, Ministry of Finance, Department of Economic Affairs, Economic Division. February 2018. A-5.

Таблица 3

Отраслевая структура ВВП Индии в 2000–2017 гг. (%)
[Table 3. The Indian GDP by industry of origin in 2000–2017 (%)]

	2000	2016	2017
ВВП	100,0	100,0	100,0
Сельское хозяйство, лесное хозяйство, рыболовство	21,9	16,3	15,5
Промышленность и строительство	28,4	26,6	26,2
Услуги	49,7	57,1	58,3

Источник: Economic Survey 2016/17 / Government of India, Ministry of Finance, Department of Economic Affairs, Economic Division. February 2017. A-10.

⁶ Финансовый год в Индии начинается 1 апреля и заканчивается 31 марта следующего календарного года.

Между тем в индийской экономике по-прежнему остается целый ряд вызовов, сдерживающих ее рост. Среди них низкое качество инфраструктуры; трудовое законодательство, затрудняющее увольнение работников, что приводит к нежеланию работодателей нанимать последних на постоянный контракт; несовершенство деловой среды (запутанное налоговое законодательство, трудности в открытии и ведении бизнеса); медленные темпы освоения технологий; невысокий уровень производительности труда (по разным оценкам – 1/3 от китайского уровня); недостаточное финансирование научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР), сохраняющиеся и поныне существенные территориальные диспропорции. Разрыв между уровнями подушевого дохода в четырех наиболее развитых штатах (Гоа, Пенджаб, Харьяна, Махараштра) и столичной территории Дели и пяти наименее развитых штатах (Бихар, Орисса, Трипура, Уттар Прадеш и Манипур) Индии в пореформенный период увеличился с 2,6 раза в 1990–1991 финансовом году до 3,5 раз в 2014–2015 финансовом году. За эти годы доходы на душу населения в развитых штатах росли примерно в 1,5 раза быстрее, чем в отсталых.

В настоящее время в Индии активно прорабатывается вопрос формирования принципиально новой, современной промышленной политики, которая была бы актуальна и отвечала требованиям и реалиям современности. С точки зрения политического и экономического истеблишмента, современная промышленная политика должна быть нацелена на повышение конкурентоспособности индийской продукции на мировом рынке, обеспечение промышленных предприятий квалифицированными кадрами и технологиями⁷. Промышленная политика формируется с учетом изменений в экономическом и деловом циклах в индийской и мировой экономике, а также с учетом геополитических трендов.

Ожидается, что современная промышленная политика фактически будет включать уже реализуемые в Индии программы Make in India, Digital India, Start up in India, Skill India и прочие и вероятней всего будет опираться на следующие основные элементы.

1. *Установление глобальных связей.* Как отмечают индийские специалисты, важнейшей проблемой современной Индии являются слабые позиции брендов индийских компаний на мировом рынке, а также ограниченное участие Индии в глобальных стоимостных цепочках. В этой связи политический и экономический истеблишмент страны ставит целью увеличить долю Индии в производстве готовой одежды и обуви, где страна уже имеет сравнительные преимущества, а также добиться включения мелких и средних предприятий в глобальные стоимостные цепочки.

2. *Повышение уровня конкурентоспособности производимой продукции.* Как отмечают индийские специалисты, повысить конкурентоспособность производимой продукции поможет снижение издержек, прежде всего инфраструктурных (энергии, логистики), а также сокращение капиталоемкости продукции и повышение производительности труда. Современная производствен-

⁷ Industrial Policy – 2017. A Discussion Paper / Department of Industrial Policy and Promotion, Ministry of Commerce and Industry. 2017.

ная инфраструктура в Индии страдает от нехватки фондов и неэффективности. Кроме того, необходимы корректировки в налоговой системе: в настоящее время высокие ставки прямых налогов и таможенных пошлин в индийской экономике не способствуют развитию внутренних производителей.

Как указывают индийские специалисты, в среднесрочном плане необходимо развивать цифровую инфраструктуру, с тем чтобы поддерживать ускоренное развитие цифровых технологий. В долгосрочном плане необходимо сокращать масштабы госсектора, а также развивать индустрию прямых и обратных связей.

3. *Обеспечение самоподдерживаемого роста.* Весьма актуальной задачей, по мнению индийских специалистов, представляется разработка альтернативных источников энергии. Примечательно, что Индия намеревается стать лидером в развитии зеленой энергетики и связанных с ней зеленых технологий.

4. *Дальнейшее ускоренное развитие системы НИОКР.* Одной из отличительных особенностей экономического развития современной Индии является быстрое наращивание научно-технического потенциала. Осознавая, что научно-технический фактор превращается в современных условиях в ведущий фактор экономического развития и оказывает решающее влияние на конкурентоспособность страны, индийское правительство при достижении необходимых условий (увеличение золотовалютных запасов и др.) активно взялось за его «упрочение». Страна располагает мощной научной и учебной базой, позволяющей ей не только готовить кадры для национальной экономики, но и оказывать серьезную помощь другим развивающимся государствам. Международный обмен технологиями (например, в рамках Диалогового форума ИБСА) также оказывает свой неоценимый вклад в укрепление научно-технического потенциала, серьезное наращивание которого Индия планирует осуществить в ближайшие 10–20 лет. При этом показатель наукоемкости предполагается довести с нынешних 0,98 % до 2–2,5 % ВВП.

В свое время Индия проявила изобретательность в поисках собственной ниши в мировом хозяйстве и заняла первое место в мировом экспорте программного обеспечения и аутсорсинга бизнес-процессов. Теперь по замыслу политического и экономического истеблишмента страны Индия должна пойти дальше и стать «цифровой фабрикой мира», превратившись в авангард цифровой революции.

Между тем в настоящее время в Индии существует определенная проблема оторванности инноваций от нужд промышленности и экономики. Кроме того, несмотря на то что Индия активно привлекает ПИИ, новых разработок с ними в страну приходит достаточно мало. Имеющиеся технологии в основном сосредоточены на уровне сборочных предприятий.

Заключение

Промышленная политика Индии пореформенного этапа имеет всеобъемлющий характер. В ее орбиту включены практически все важнейшие направления развития национальной экономики, а также обобщен опыт реа-

лизации преобразований за годы независимости. В условиях независимости индийская промышленная политика сыграла решающую роль в заложении прочного фундамента национальной экономики, способной на современном этапе легко адаптироваться к различным негативным явлениям в мировом хозяйстве. На каждом этапе социально-экономического развития промышленная политика, четко отражавшая его цель, реализовывалась сообразно с проводимыми преобразованиями в сельском хозяйстве, социальном и внешнеэкономическом секторах и была, как и все в стране, подчинена идее скорейшего проведения индустриализации (позднее – модернизации) и достижения самообеспеченности. Неизбежно изменяясь от первого программного документа (Резолюции о промышленной политике 1948 г.) к последнему («Новой промышленной политике 1991 г.»), в зависимости от специальных условий эволюции социально-экономической модели страны, а также с учетом кратко- и среднесрочных задач, промышленная политика, с одной стороны, стимулировала в индийской экономике создание здоровой конкуренции, структурные технологические изменения, постепенное развитие и внедрение инноваций, а с другой – поощряла становление необходимых и перспективных для страны отраслей и межотраслевых комплексов, используя такие инструменты, как торговый протекционизм, предоставление субсидий и льгот и прочее. Таким образом, промышленная политика в Индии со всеми ее ошибками и промахами в основе своей – пример успешно реализуемой комбинированной модели, включающей в себя активное использование аспектов как функциональной (горизонтальной) политики, так и селективной (вертикальной).

Примечательно, что при всем ее разнообразии на разных этапах социально-экономического развития промышленная политика Индии всегда учитывала две составляющие – экономическую и социальную (при этом «Новая промышленная политика 1991 г.» добавила к двум составляющим третью – экологическую). То есть, стимулируя ускорение темпов экономического роста, она содействовала решению целого комплекса социальных проблем – от создания в стране новых рабочих мест до снижения масштабов бедности и недоедания, а также сдерживания роста социального неравенства. Таким образом, на каждом этапе социально-экономического развития индийская промышленная политика представляла собой попытку достижения общественного консенсуса, учитывающего интересы всех страт общества.

Список литературы

- Индия 1985–1986: ежегодник. М.: Главная редакция восточной литературы, 1987. 383 с.
- Маляров О.В. Государственный сектор экономики Индии. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. С. 123.
- Медовой А.И., Галищева Н.В. Экономика Индии. М.: МГИМО-Университет, 2009. 352 с.
- Agrawal R. Business Environment. 2nd ed. New Delhi: Excel Books, 2002. 818 p.
- Indian Economy since Independence. 16th ed. / ed. by Uma Kapila. New Delhi: Academic Foundation, 2004–2005. 1040 p.
- Industrial Policy – 2017. A Discussion Paper / Department of Industrial Policy and Promotion, Ministry of Commerce and Industry. 2017.

- Industrial Policy Resolution, 1948. URL: <https://www.gktoday.in/gk/industrial-policy-resolution-1948/> (дата обращения: 17.01.2019).
- Industrial Policy Resolution, 1956. URL: <https://www.gktoday.in/gk/industrial-policy-resolution-1956/> (дата обращения: 17.01.2019).
- Misra S.K., Puri V.K.* Indian Economy – Its Development Experience. 19th Revised and Enlarged Edition. New Delhi: Himalaya Publishing House, 2001. 955 p.
- Rangarajan C.* Disinvestment: Strategies and Issues // Indian Economy since Independence. 16th ed. / ed. by Uma Kapila. New Delhi: Academic Foundation, 2004–2005. Pp. 531–536.
- Report of the Working Group on Competition Policy / Planning Commission, Government of India. 2007. 105 p.
- Shenoy B.R.* Indian Planning and Economic Development. Bombay: Asia Publishing House, 1963. 152 p.
- Venkateswaran R.J., Mithani D.M.* Rajiv Gandhi: Economic Perspective Towards 21st Century. Bombay: Himalaya Publishing House, 1989. 239 p.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 08 апреля 2019

Дата проверки: 20 мая 2019

Дата принятия к печати: 22 июня 2019

Для цитирования:

Галищева Н.В. Промышленная политика как драйвер развития экономики Индии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2019. Т. 27. № 2. С. 205–222. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-2-205-222>

Сведения об авторе:

Галищева Наталья Валерьевна – доктор экономических наук, заведующая кафедрой мировой экономики Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России. E-mail: galistcheva@yandex.ru

Research article

The industrial policy as a driver of the Indian economy's development

Natalia V. Galischeva

MGIMO University of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76 Vernadskogo prospect, Moscow, 119454, Russian Federation

Abstract. The aim of this research is the Indian industrial policy in 1950–2010s, its main direction and perspectives of its future evolution. The methodological basis of the study is such methods as induction and deduction, analysis and synthesis. The systematic approach to the overall study of the Indian economy and the Indian industrial policy in particular has become the base of this research. The author thoroughly analyses its main specific features during the pre-reform period, as well as identifies the causes and the nature of its transformation at the beginning of the 1990s. At the same time the author underlines that taking into account the national-specific features of a mixed society, the industrial policy of the pre-reform stage facilitated the successful holding of industrialization during which the industrial sector has become the fastest growing sector of the Indian economy. The author underlines

the main directions of the *New Industrial Policy, 1991*, among which the most important ones are the following: abolition industrial licensing, the reduction of the public sector in the national economy, amendment of *Monopolies and Restrictive Trade Practices Act, 1969*, attraction of foreign direct investment and advanced technologies, liberalization of industrial policy at the local level and the replacement the *Foreign Exchange Regulation Act, 1973*, by the *Foreign Exchange Management, 1999*. Apart from that the author examines the most representative theories of the Indian economists (R. Agrawal and C. Rangarajan) which made a significant contribution to working out the industrial policy in 1990s. The author also draws attention to the main elements of a future ready industrial policy discussed in India at the present time. The author stresses that for all its diversity at different stages of socio-economic development the Indian industrial policy always based on both the economic and social components (the *New Industrial Policy, 1991*, also added the ecological component). It means that accelerating the annual economic growth rate, the Indian industrial policy has contributing to solving a wide range of social tasks – from the creation of new jobs to poverty and undernourishment alleviation. The article also presents statistical data on the dynamics of gross domestic savings and gross domestic capital formation in the Indian economy, annual average economic growth rates in India from 1990–1991 to 2016–2017 financial year as well as the Indian GDP by industry of origin in 2000–2017.

Keywords: India; industrial policy; Permit Raj system; the License Raj; disinvestment; liberal reforms

References

- Agrawal R. (2002). *Business Environment*. 2nd Edition. New Delhi, Excel Books. 818 p.
- Department of Industrial Policy and Promotion, Ministry of Commerce and Industry. (2017). *Industrial Policy – 2017. A Discussion Paper*.
- Indiya 1985–1986: Ezhegodnik [India 1985–1986: Yearbook]*. (1987). Moscow, Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury Publ. 383 p. (In Russ.)
- Industrial Policy Resolution, 1948*. Retrieved from <https://www.gktoday.in/gk/industrial-policy-resolution-1948/>
- Industrial Policy Resolution, 1956*. Retrieved from <https://www.gktoday.in/gk/industrial-policy-resolution-1956/>
- Malyarov O.V. (2013). *Gosudarstvennyy sektor ekonomiki Indii [Public sector of the Indian economy]*. Moscow, Instityt vostokovedeniya RAN Publ. 360 p. (In Russ.)
- Medovoy A.I., Galischeva N.V. (2009). *Ekonomika Indii [The Indian Economy]*. Moscow, MGIMO-Universitet Publ. 352 p. (In Russ.)
- Misra S.K., Puri V.K. (2001). *Indian Economy – Its Development Experience*. 19th Revised and Enlarged Edition. New Delhi, Himalaya Publishing House. 955 p.
- Planning Commission, Government of India. (2007). *Report of the Working Group on Competition Policy*. 105 p.
- Rangarajan C. (2004–2005). Disinvestment: Strategies and Issues. In Uma Kapila (Ed.), *Indian Economy since Independence*. 16th Edition (pp. 531–536). New Delhi, Academic Foundation.
- Shenoy B.R. (1963). *Indian Planning and Economic Development*. Bombay, Asia Publishing House. 152 p.
- Uma Kapila. (Ed.). (2004–2005). *Indian Economy since Independence*. 16th Edition. New Delhi, Academic Foundation. 1040 p.
- Venkateswaran R.J., Mithani D.M. (1989). *Rajiv Gandhi: Economic Perspective Towards 21st Century*. Bombay, Himalaya Publishing House. 239 p.

Article history:

Received: 08 April 2019

Revised: 20 May 2019

Accepted: 22 June 2019

For citation:

Galischeva N.V. (2019). The industrial policy as a driver of the Indian economy's development. *RUDN Journal of Economics*, 27(2), 205–222. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-2-205-222>

Bio note:

Natalia V. Galischeva – Doctor of Economics, Head of Department of the World Economy, MGIMO University of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. E-mail: galistcheva@yandex.ru

DOI 10.22363/2313-2329-2019-27-2-223-234
УДК 339.97

Научная статья

Социально-экономическая ситуация в ЮАР в начале 2000-х годов

И.Б. Митрофанова¹, В.Л. Лиознер²

¹Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России

Российская Федерация, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76

²Школа № 1948 «Лингвист-М»

Российская Федерация, 117420, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 64, корп. 2

В статье охарактеризованы политические изменения, неустойчивое экономическое развитие и сложная социальная ситуация в стране после падения режима апартеида. Показаны место и сырьевая направленность ЮАР в международном разделении труда, а также слабое развитие отраслей обрабатывающей промышленности вследствие узости внутреннего рынка и отсутствия инвестиций. Установлены факторы снижающие темпы экономического роста – низкая инвестиционная активность внутри страны, снижение объемов поступления иностранных инвестиций, отсталая структура промышленного производства, в которой доминирующие позиции занимают отрасли добывающей промышленности, растущая безработица, низкий уровень образования и здравоохранения. Дана характеристика катастрофического расслоения южноафриканского общества, положения белого меньшинства. Рассмотрены основные секторы экономики ЮАР, среди которых отрасли промышленности, сельского хозяйства, финансовая сфера и транспортная сеть. После отмены режима апартеида ЮАР в своей внешней торговле сохранила акцент на экспорт минерального сырья, каменного угля и продукции металлургии. Сегодня ЮАР сталкивается с рядом серьезных социально-экономических проблем, порожденных как наследием апартеида, так и влиянием современных факторов (внутренних и внешних), которые напрямую воздействуют на экономику страны и взаимно усугубляют друг друга. Крупной социально-экономической проблемой ЮАР является низкий уровень образования. Она берет отсчет со времен апартеида, когда широкие массы неполноправного населения либо вовсе были неграмотными, либо получали образование плохого качества. Другая серьезная проблема – вопиющий уровень социального расслоения и нищеты, сохранившийся со времен апартеида.

Ключевые слова: диверсифицированная экономика; узость внутреннего рынка; прямые иностранные инвестиции; реальный сектор; социальное расслоение

Введение

После изменения политического режима и отказа по существу от англо-саксонской системы экономическое и социальное положение в ЮАР

© Митрофанова И.Б., Лиознер В.Л., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

резко ухудшилось. Снизилось участие страны в мировом хозяйстве, сократились инвестиции в отрасли хозяйства и уровень их кредитования. Резко упали производительность труда и объемы производства в промышленности и сельском хозяйстве (Емельянов, 2012). Узость внутреннего рынка, невысокие доходы населения, наличие избыточной, но низкоквалифицированной рабочей силы, сырьевая направленность отраслей хозяйства, отказ от англосаксонского правового законодательства не создают предпосылок экономического роста и возврата страны в ранг «точки роста» на африканском континенте.

Обзор литературы

С начала 2000-х годов страны Африки, в том числе и ЮАР, обладая значительными природными ресурсами и прежде всего минеральными, представляют все больший экономический интерес для нашей страны. Экономика, политика, социальные проблемы стран региона являются сферой исследования научных институтов и организаций, таких как Институт Африки РАН, Институт мировой экономики и международных отношений РАН, МГИМО МИД России и др. Разработке африканской проблематики посвящены работы А.А. Архангельской (Архангельская, 2012), А.Л. Емельянова (Емельянов, 2012), В.Н. Шитова (Шитов, 2010, 2017), В.Г. Шубина (Шубин, 2013) и др.

Методы и подходы

Внутриэкономическое и социальное положение в ЮАР, отношения страны с другими странами в начале XXI века существенно изменились. Для выявления и характеристики происшедших изменений использованы методы анализа и синтеза междисциплинарных показателей, а также методы дедукции и теоретический анализ.

Основная часть

К концу 1990-х годов правящая элита ЮАР взяла курс на отмену апартеида в стране. Этому послужило сдерживание интеграции ЮАР в мировое сообщество как в политической, так и в экономической сферах. Страна вышла из Британского Содружества, с 1974 г. перестала принимать участие в работе Генеральной Ассамблеи ООН. Антирасистские общественные движения в странах мира устраивали бойкоты южноафриканским товарам, введение экономических санкций со стороны США привело к запрету предоставления кредитов и инвестиций в ЮАР, экспорта высокотехнологичной продукции, отказу от закупок южноафриканского сырья (урановых руд, золота, каменного угля). Обострились социальные проблемы. За период 1980–1994 гг. выросла безработица с 9,2 до 23 %, а по неофициальным данным, этот показатель составил более 45 %, росла преступность, отмечалось падение производительности труда. Нарастала волна национально-освободительного движения чернокожего населения, часто принимавшая формы террора. Все

это дестабилизировало внутривнутриполитическую и экономическую обстановку в стране. Поэтому правительство белого меньшинства взяло курс на отмену режима апартеида и демократизацию южноафриканского общества, что, по мнению правящей элиты, позволило бы добиться отмены экономических санкций, больше интегрировать страну в мировое хозяйство, активизировать участие чернокожего и цветного населения в экономической жизни страны. Предполагалось, что отмена ограничительных барьеров в быту, передвижении, бизнесе, образовании, занятости снизит протестные настроения чернокожего населения (Емельянов, 2015). При этом белое меньшинство полагало, что, занимая командные высоты в экономике и политике страны, даже после свертывания режима апартеида и передачи значительной политической власти чернокожему населению, оно не утратит своего доминирования. В 1994 году в результате свободных выборов к власти в ЮАР пришел Африканский национальный конгресс (АНК), была принята новая конституция, что ознаменовало конец апартеида.

В первые годы после смены режима страна сохранила диверсифицированную экономику. Так, в 2015 году ВВП составил 315 млрд долл. (3-е место в Африке), что почти в 3 раза больше аналогичного показателя в 1974 году¹. Структура экономики страны соответствовала структуре развитых стран. Например, доля сферы услуг составила 69 %, доля сельского хозяйства – 2 %, доля промышленности – 29 %. Ведущей материальной отраслью хозяйства оставалась промышленность, в структуре которой на долю добывающих отраслей приходилось 8 % ВВП (в 1980-е годы в среднем около 14 % ВВП), на отрасли обрабатывающей промышленности – 13 % ВВП. Основными отраслями промышленности являлись горнодобывающая, металлургия, тяжелое машиностроение, нефтепереработка, производство минеральных удобрений, текстильная и пищевая.

В соответствии с государственной программой была создана автомобильная промышленность, ориентированная на экспорт, при участии иностранных инвесторов Ford, Toyota, Nissan, General Motors, Fiat, MAN, Volkswagen.

Вместе с тем наметились кризисные явления в электроэнергетике. Если в 1994 году ее мощности были избыточны на 20 %, то к началу 2000-х годов с ростом потребления электроэнергии как в промышленности, так и в коммунальном хозяйстве ее мощности увеличились недостаточно, что привело к падению производства на 2 % в этот период. Производство электроэнергии в ЮАР составляет 4,5 млрд. кВт·ч, а по ее потреблению страна находится на 15-м месте в мире. Основой электроэнергетики являются тепловые станции, которые генерируют 84 % всей электроэнергии, в том числе 7 % атомной. Государственная компания Eskom производит 95 % электроэнергии страны. В топливно-энергетическом балансе доминирует уголь, поэтому компания уделяет внимание развитию альтернативной электроэнергетики. Планируется строительство генерирующих мощностей с использованием солнечной и ветровой энергии, энергии приливов и отливов, а также строительство 6 ядерных реакторов. Интерес к этому атомному проекту проявил «Росатом».

¹ Statistics by the CIA. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/geos/sf.html> (дата обращения: 12.02.2019).

Что касается продукции электротехнической, электронной, авиационной промышленности, производства удобрений, то они ориентированы на экспорт в страны африканского региона, так как качество продукции не отвечает уровню рынков развитых стран. В конце 1990-х годов были сделаны попытки развить экспортно ориентированные производства в текстильной и швейной промышленности, куда было вложено около 900 млн долл. Но эти попытки не оправдались. Получила успешное развитие целлюлозно-бумажная промышленность, которая в 2015 году вышла на внешние рынки. Удерживают свои позиции в производстве и экспорте винодельческая, сахарная и плодоконсервная отрасли.

Развитие сельского хозяйства ЮАР шло преимущественно по «европейскому» пути. Именно европейцы заложили основу аграрного сектора вследствие собственного уровня развития и отсутствия «конкуренции» со стороны местных племен. Сложилась фермерская система хозяйства. В отрасли занято 4 % населения, немногим более 10 % территории страны пригодны для возделывания сельхозкультур. Особенности агроклиматических ресурсов являются малое количество осадков, ограниченность поверхностных вод, обилие соли в почве. В стране всего 12 млн га плодородных земель.

Республика – лидер африканского региона по производству сельскохозяйственной продукции, полностью обеспечивает себя продовольствием и является одним из ведущих мировых экспортеров сельскохозяйственной продукции. ЮАР – лидер в производстве главной зерновой культуры Африки – кукурузы (23,5 % регионального производства), занимает 2-е место по производству пшеницы – 21 % регионального производства, единственный в регионе производитель ржи, а также производит 12 % редкого для Африки ячменя. При этом достаточно слабо развито производство традиционных для Африки зерновых культур – сорго, просо, не распространено производство клубнеплодовых – ямса, батата, маниоки. Абсолютным лидером ЮАР является по производству фруктов (яблок, груш, персиков, нектаринов) и винограда. Ведущие позиции страна занимает по производству цитрусовых – грейпфрутов, лимонов, а также травяного чая (rooibos tea).

Страна является лидером в производстве продукции животноводства. По производству мяса говядины на долю ЮАР приходится 20 %, свинины – 25 %, бройлеров – 53 %. Страна занимает 4-е место в мире по настиргу шерсти и производит 50 % мирового мохера. Республика занимает лидирующие позиции в регионе в морском рыболовстве.

Крушение апартеида и приход к власти черного большинства сделали фермеров почти беззащитными. Несправедливо лишенные политических прав и возможностей, чернокожие жители ЮАР искренне считают, что белые украли у них землю, и теперь пытаются «вернуть свое». Работать эти люди на белых фермеров все чаще отказываются, учащаются случаи насилия, убийства фермеров, поджога их имущества и разграбления самих ферм (в первом десятилетии XXI века число подобных случаев увеличивалось почти трехкратно каждый год). При этом правительство негласно поддерживает эти преступления. В итоге число фермеров уменьшилось с 1994 года в 9 раз, что немедленно привело к падению производства, замене многих сельскохозяйственных продуктов иностранными аналогами.

Сфера услуг представляет собой динамично развивающийся сектор экономики ЮАР. Особо выделяются финансовая сфера (крупная биржа в Йоханнесбурге, четыре крупных банка) и туризм (с 2010-х годов стабильно занимает 1-е место в Африке южнее Сахары). В 2015 году в страну прибыло 8,9 млн туристов. Для повышения привлекательности страны для бизнеса и туризма были проведены такие крупные мероприятия, как Чемпионат мира по футболу (2010 г.), V Саммит БРИКС в Дурбане (2013), саммиты Африканского союза в 2002 (Дурбан) и 2015 (Йоханнесбург) годах.

Сохранилась и развивается в ЮАР транспортная сеть. По протяженности железных дорог страна занимает 13-е место в мире и 1-е в Африке (около 21 тыс. км, из них электрифицировано 45 %), по протяженности автомобильных дорог – 10-е место в мире и 1-е в Африке (747 тыс. км, из них с твердым покрытием – 21 %). Крупнейшие морские порты – Кейптаун, Дурбан, Порт-Элизабет. В ЮАР 566 аэропортов (11-е место в мире и 1-е место в Африке), из них 144 с забетонированными взлетными полосами.

ЮАР в мировой экономике

После запуска процесса отмены апартеида в начале 1990-х годов ЮАР восстановила нормальные политические и экономические отношения со странами мира. Число торговых партнеров ЮАР с 1992 по 2015 год выросло с 163 до 225. Их география существенно расширилась: если в начале 1990-х годов основными торговыми партнерами были США, страны Западной Европы и Япония, то в последнее время в их число вошли такие крупные страны, как Китай и Индия. ЮАР вступила во всемирные организации – ВТО (1995 г.), G20 (1999 г.), БРИКС (2011 г.). Расширились контакты с африканскими странами: в 1994 г. ЮАР вступила в региональные интеграционные группировки – Африканский Союз и Сообщество развития юга Африки; в 2015 г. Нигерия заняла 4-е место среди партнеров ЮАР по импорту, поставляя в страну нефть и природный газ.

После отмены режима апартеида ЮАР в своей внешней торговле сохранила акцент на экспорт минерального сырья, каменного угля и продукции металлургии: в 2015 г. в структуре южноафриканского экспорта главное место занимали сталь и железо (7,1 %), каменный уголь (5,7 %) и необработанная платина (4,3 %), а всего доля сырья в экспорте составляла 25,9 %, полуфабрикатов – 33,9 %. На первый взгляд, это выглядит логично, учитывая собственную богатую сырьевую базу. Ведь страна занимает 9-е место в мире по запасам каменного угля, 2-е место по запасам хромовых руд, 3-е место по запасам золота, 1-е место по запасам платины и марганцевых руд, 5-е место по запасам алмазов и урановых руд. Кроме того, в стране избыток низкоквалифицированной и дешевой рабочей силы. Однако в современном мире этот путь сопряжен с большим риском.

Во-первых, мировые цены на сырье и металлы, начав падать во второй половине XX века, вероятно, сохранят эту тенденцию и в XXI веке, несмотря на кратковременные их подъемы, как было в 2002–2007 годах. Именно к этому периоду относится стремительный рост ВВП ЮАР с 115,5 до 300 млрд долл. Падение цен на сырьевые товары связано с уменьшением материало-

энергоёмкости промышленного производства в странах мира. В целом экспорт ЮАР упал с 107,9 до 69,6 млрд. долл.² Поскольку внутренний рынок сырья в ЮАР невелик, по мере снижения спроса падают и объемы производства в добывающей промышленности. Например, в 2015 году добыча угля и золота снижались.

Во-вторых, недостаточное развитие высокотехнологичного машиностроения и химической промышленности приводит ЮАР к зависимости от импорта этих товаров. В 2015 году машины и оборудование составили 37 % импорта. Высокотехнологичные товары имеют существенно большую добавленную стоимость, чем сырье, поэтому в условиях снижения цен на сырье торговый баланс ЮАР после отмены апартеида был отрицательным.

В условиях узости внутреннего рынка вследствие невысоких доходов населения и сырьевой экспортной ориентации отраслей хозяйства экономический рост был весьма нестабилен. ВВП в период 1995–2002 годов снизился с 155 до 115,5 млрд долл. В период 2011–2015 годов также отмечалось падение ВВП с 416,4 до 314,5 млрд долл., а в национальной валюте годовой прирост ВВП в эти годы упал с 3,3 до 1,63 %³.

Одной из важнейших причин отмены апартеида была нехватка поступлений прямых иностранных инвестиций в южноафриканскую экономику из-за санкций. К началу 2000-х годов их объем возрос в силу богатых сырьевых ресурсов ЮАР, дешевой рабочей силы и невысоких налогов, сниженных правительством, и в 2015 году составил 125 млрд долл., то есть около 40 % ВВП страны. Это отразилось прежде всего на таких отраслях производства, как автомобилестроение и добывающая промышленность. В то же время их не хватает для проведения геологоразведки и разработки новых месторождений, например, разведка марганцевых руд ведется не в полную силу именно из-за недостатка инвестиций в этой отрасли. Электроэнергетика ЮАР не может обеспечить потребности страны из-за недостатка средств для расширения производства. Слабое развитие высокотехнологичных отраслей промышленности сдерживается недостатком инвестиций в них. В целом в реальный сектор экономики поступает лишь около половины всех инвестиций, так как инвестиции в основной капитал составляют 20,1 % ВВП ЮАР, а остальное уходит в сферу финансов. Причин, по которым инвесторы не рискуют вкладывать свои средства в реальный сектор экономики ЮАР, несколько. Например, по сравнению с Пакистаном, Индонезией, Нигерией и некоторыми другими развивающимися странами здесь выше доля малоквалифицированной рабочей силы, относительно небольшой объем внутреннего рынка и большие риски на рынках стран Африки, куда идет значительная часть южноафриканской продукции.

Стоит отметить, что после отмены апартеида южноафриканский капитал начал активную экспансию на мировые рынки и в первую очередь в страны тропической Африки. Инвестиции ЮАР в экономики зарубежных стран в 2016 г. оцениваются в 168,2 млрд долл. Чаще всего южноафриканские инве-

² Statistics by the CIA. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/geos/sf.html> (дата обращения 12.02.2019).

³ Там же.

сторы вкладываются в добывающую промышленность Ганы, Мали, Намибии, Танзании и в инфраструктуру Зимбабве и Мозамбика.

Социально-экономические проблемы ЮАР

В период своего демократического развития ЮАР столкнулась с рядом серьезных социально-экономических проблем, порожденных как наследием апартеида, так и влиянием современных факторов (внутренних и внешних.) Эти проблемы напрямую воздействуют на экономику страны и, более того, взаимно усугубляют друг друга. Основной социально-экономической проблемой ЮАР, безусловно, является ставшая хронической безработица, особенно среди чернокожего населения (в 2009 г. при общей доле безработных в 24 % доля безработных среди черных составила около 30 %, а в целом черные составляют порядка 90 % безработных). С 1985 года по настоящее время она никогда не опускалась ниже 15 %, а в 2015 году этот показатель составил 25,4 %⁴.

Демократизация и включение ЮАР в мировой рынок сначала улучшили положение на рынке труда, благодаря притоку иностранных инвестиций и отмене ограничений для черных и цветных, но затем безработица снова начала расти и ныне составляет порядка 30 %. В ходе демократизации южноафриканского общества развилось мощное профсоюзное движение среди черных и цветных, которое способствовало повышению оплаты труда членам профсоюзов, а бизнес был вынужден уменьшить количество рабочих мест (Шитов, 2016). Ведущие отрасли южноафриканской экономики, в прошлом требовавшие большого количества малоквалифицированной рабочей силы, в настоящее время, благодаря автоматизации, нуждаются в меньшем количестве рабочих, а такие трудоемкие отрасли, как текстильная и швейная не получают развития из-за конкуренции с развивающимися странами Азии, где рабочая сила дешевле и квалифицированнее. Спады производства в вышеуказанных отраслях еще больше усугубляют безработицу. Кроме того, низкий уровень образования большинства населения ЮАР мешает им в трудоустройстве. Хроническая безработица отстраняет от участия в экономике миллионы трудоспособных людей, ведет к нищете, высокому уровню преступности и огромным расходам государства на социальное обеспечение,

Другой крупной социально-экономической проблемой ЮАР является низкий уровень образования. Она берет отсчет со времен апартеида, когда широкие массы неполноправного населения либо вовсе были неграмотными, либо получали образование плохого качества. Благодаря развернутой в начале 1990-х годов реформе образования, направленной на распространение грамотности и образованности среди темнокожего населения, в 2015 году грамотными были уже 94 % населения, но качество образования по-прежнему остается низким. Так, лишь 15 % выпускников школ поступают в вузы.

В период 1994 – начала 2000-х годов около 2 млн квалифицированных рабочих покинули страну и уехали работать преимущественно в развитые англоязычные страны. Следует отметить и значительную эмиграцию белых юж-

⁴ 2015 World Development Indicators. Table 2.5. Washington: The World Bank, 2015.

ноафриканцев в этот период – более 1 млн человек покинули страну, а именно они составляли основную часть высококвалифицированных специалистов⁵.

Следующая серьезная проблема – вопиющий уровень социального расслоения и нищеты, сохранившийся со времен апартеида. Коэффициент Джини в этой стране составляет 0,625, что является одним из самых высоких показателей имущественного расслоения в мире. За чертой бедности проживает 36 % населения ЮАР. Надо признать, что расширение экономических и социальных возможностей для черных и цветных привело к вхождению представителей этих расовых групп в средний класс. Но после отмены апартеида появились белые, живущие за чертой бедности, их численность составляет 500 тыс. человек. Ситуация усугубляется тем, что в государственные организации белым дорога напроць закрыта, за исключением очень востребованных специальностей, например, инженеров, электриков, медиков. Статус дискриминируемых по цвету кожи белые получили постепенно с отменой апартеида и проведением политики «экономической реабилитации» чернокожего населения, которая заключалась в намеренном увеличении чернокожего населения в любой сфере занятости и в сокращении сотрудников с белым цветом кожи. Это – закреплённая законом практика.

Пока что белое меньшинство по-прежнему удерживает мощные позиции в контроле над экономикой ЮАР. Особенно ярко это проявляется в земельном вопросе: 70 % земли в стране принадлежит белым, несмотря на земельную реформу по перераспределению земли, провозглашенную АНК в начале 1990-х годов. Но и здесь проявляются негативные явления. Фермерство в ЮАР создает порядка 60 тыс. рабочих мест и обеспечивает страну продовольствием. Но именно фермеры в настоящее время подвергаются наиболее частым грабёжам и физическому насилию вплоть до убийства. Причина – «промывание мозгов» правительством. Если фермерство в стране будет уничтожено (как в Зимбабве), то экономика ЮАР придет в упадок.

Нищета и безработица – благодатная почва для социальной напряженности. Наиболее ярко она проявляется в высоком уровне преступности в ЮАР. Число убийств на 10 тыс. населения в 2015 году составило 32 человека (в среднем около 50 человек в день). Некоторые виды преступлений носят социально-расовый подтекст, например, нападения на сельскохозяйственные фермы и убийства их белых хозяев. Социальная напряженность проявляется также и в забастовочной активности профсоюзов. Однако нынешняя социальная напряженность не идет ни в какое сравнение с ситуацией конца 1980-х – начала 1990-х годов, когда в ЮАР имели место вооруженные столкновения между властями и различными экстремистскими группировками, а число убийств на 10 тыс. населения превышало 75 человек.

Неблагоприятна для экономики ЮАР и ситуация со здравоохранением. Его низкий уровень для неполноправного населения в годы апартеида привел в 1990-е годы к вспышке эпидемии ВИЧ-инфекции, которая длится и по сей день. Это повлекло за собой падение средней ожидаемой продолжительности жизни с 62 лет в 1992 году до 51 года в 2005 году. В 2015 году этот

---

⁵ *Мировая экономика и международные экономические отношения* / под ред. А.С. Булатова. М.: КНОРУС, 2017. С. 625.

показатель составил 63 года, однако около 7 млн южноафриканцев (в основном черных) по-прежнему ВИЧ-инфицированы. Также в ЮАР высок риск заболевания кишечными инфекциями, тифом, гепатитом. Правительство реализует государственные программы по обеспечению сельской местности, заселенной в основном темнокожими, санитарными удобствами и электричеством. Хотя до успеха далеко – в 2015 году санитарными удобствами были обеспечены 66,4 % населения. В целом расходы на здравоохранение составляют 9 % ВВП, но здравоохранение ЮАР сталкивается с острой нехваткой врачей (в 2015 году 0,78 на 1000 населения), что во многом вызвано эмиграцией белых специалистов.

В заключение следует сказать, что демократизация южноафриканского общества позволила ЮАР глубже интегрироваться в мировой рынок, получить иностранные инвестиции и самой вести экономическую экспансию в странах тропической Африки, став региональной державой как в военно-политическом, так и в экономическом смысле. Однако объективная конъюнктура мирового рынка оставляет за ЮАР положение сырьевого придатка развитых и ведущих развивающихся стран.

Гораздо труднее обстоят дела со внутренней социально-экономической ситуацией. Прогресс в этой области, несомненно, есть. Например, формирование среднего класса выходцами из ранее неполноправных слоев населения, но он весьма ограничен. Недостаточны пока успехи в образовании, здравоохранении, создании новых рабочих мест, борьбе с преступностью. Как итог, социальная напряженность хотя и не доходит до точки взрыва, но сохраняет высокий уровень.

Заключение

В заключение следует отметить следующее.

Проведение политики правящим режимом, направленной на сдерживание интеграции страны в мировое сообщество, привело к сокращению предоставления кредитов и инвестиций, запрету ввоза в страну высокотехнологичной продукции и вывоза из страны значительной части сырьевой продукции. Темпы экономического развития упали до 2 %.

Резко ухудшилось положение белых фермеров. Правительство негласно поддерживает тенденцию вытеснения их с земли, что привело к уменьшению их числа в 9 раз с конца 1990-х годов и в результате – к падению сельскохозяйственного производства.

Обострились социальные проблемы. Так, уровень безработицы приближается к 25 %, растет преступность. В стране низкий уровень образования и, как следствие, низкий уровень квалификации трудовых ресурсов.

Список литературы

- Архангельская А.А.* Внешняя политика демократической ЮАР. М.: Института Африки РАН, 2012. 264 с.
- Емельянов А.Л.* Имитационная демократия: африканский вариант // Новая и новейшая история. 2015. № 5. С. 104–124.

- Емельянов А.Л.* Постколониальная история Африки южнее Сахары. М.: МГИМО-Университет, 2012. 492 с.
- Емельянов А.Л.* Социалистическая ориентация в странах Африки: исторический опыт // Новая и новейшая история. 2017. № 1. С. 100–108.
- Косухин Н.Д.* Политология развития африканских стран М.: РУДН, 2009. 394 с.
- Робинсон Д., Аджемоглу Д.* Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ, 2016. 693 с.
- Статистический справочник ЦРУ. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/geos/sf.html> (дата обращения: 12.02.2019).
- Шитов В.Н.* Факторы и тенденции развития Африки южнее Сахары. М.: МГИМО-Университет, 2010. 148 с.
- Шитов В.Н.* Экономические пространства экваториальной Африки. М.: МГИМО-Университет, 2017. 127 с.
- Шубин В.Г.* Горячая «холодная война»: юг Африки (1960–1990). М.: Институт Африки РАН, 2013. 368 с.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 08 апреля 2019

Дата проверки: 21 мая 2019

Дата принятия к печати: 23 июня 2019

Для цитирования:

Митрофанова И.Б., Люзнер В.Л. Социально-экономическая ситуация в ЮАР в начале 2000-х годов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2019. Т. 27. № 2. С. 223–234. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-2-223-234>

Сведения об авторах:

Митрофанова Ирина Борисовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России. E-mail: mitrofanovaib@mail.ru

Люзнер Владимир Львович – учитель географии школы № 1948 «Лингвист-М». E-mail: lnozner@mail.ru

Research article

The socio-economic situation in South Africa in the early 2000-ies

Irina B. Mitrofanova¹, Vladimir L. Liozner²

¹Moscow State Institute of International Relations (University) of
the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76 Vernadskogo prospect, Moscow, 119454, Russian Federation

²School No. 1948 “Linguist-M”

64 Novocheremushkinskaya St., bldg. 2, Moscow, 117420, Russian Federation

Abstract. The article describes political changes, unstable economic development and the difficult social situation in the country after the fall of the apartheid regime. South Africa’s raw materials orientation in the international division of labor and the weak development

of manufacturing industries due to the narrow domestic market and lack of investment are shown. The factors that reduce economic growth rates have been identified: low investment activity in the country, declining volumes of foreign investment, a backward structure of industrial production in which extractive industries dominate, rising unemployment, low levels of education, and health care. The characteristic of the catastrophic stratification of South African society, the position of the white minority is given. The place of the country in the international division of labor is shown. Considered the main sectors of the economy of South Africa, among them: industry, agriculture, financial sector and transport network. After the abolition of the apartheid regime, South Africa retained in its foreign trade an emphasis on the export of mineral raw materials, coal and metallurgy products. Today, South Africa faces a number of serious socio-economic problems, generated both by the legacy of apartheid and by the influence of modern factors, both internal and external, that directly affect the country's economy and mutually aggravate each other. Second, a low level of education is a major socio-economic problem in South Africa. It takes a countdown from the days of apartheid, when the broad masses of a non-full population were either completely illiterate or received an education of poor quality. Thirdly, a serious problem is the glaring level of social stratification and poverty, which has been preserved since the days of apartheid.

Keywords: diversified economy; narrow domestic market; foreign direct investment; real sector; social stratification

References

- Arkhangel'skaya A.A. (2012). *Vneshnyaya politika demokraticheskoy YUAR [Foreign policy of democratic South Africa]*. Moscow, Institut Afriki RAN Publ. 264 p. (In Russ.)
- Kosukhin N.D. (2009). *Politika razvitiya Afriki [Politics of African development]*. Moscow, RUDN University. 394 p. (In Russ.)
- Robinson D., Atsemoglu D. (2016). *Pochemu odni strany bogatye, a drugiye bednye. Proiskhozhdeniye vlasti, protsvetaniya i bednosti [Why are some countries rich and others poor. The origin of power, prosperity and poverty]*. Moscow, AST Publ. 693 p. (In Russ.)
- Shitov V.N. (2010). *Faktory i tendentsii v stranakh Afriki k yugu ot Sakhary [Factors and trends in sub-Saharan Africa]*. Moscow, MGIMO-University Publishing Agency. 148 p. (In Russ.)
- Shitov V.N. (2017). *Ekonomicheskoye prostranstvo ekvatorial'noy Afriki [Economic space of Equatorial Africa]*. Moscow, MGIMO-University Publishing Agency. 127 p. (In Russ.)
- Shubin V.G. (2013). Goryachaya “kholodnaya voyna”: afrikanskiy yug (1960–1990) [The hot “cold war”: African South (1960–1990)]. Moscow, Institut afrikanskikh issledovaniy Publ. 368 p. (In Russ.)
- Statistics by the CIA. Retrieved from <https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/geos/sf.html>
- Yemel'yanov A.L. (2012). Postkolonial'naya istoriya Afriki k yugu ot Sakhary [Postcolonial history of Africa South of the Sahara]. Moscow, MGIMO-University Publishing Agency. 492 p. (In Russ.)
- Yemel'yanov A.L. (2015). Imitatsiya demokratii: afrikanskaya versiya [Imitation democracy: African version]. *Novaya i sovremennaya istoriya*, (5), 104–124. (In Russ.)
- Yemel'yanov A.L. (2017). Sotsialisticheskaya oriyentatsiya v Afrike: istoricheskiy opyt [Socialist orientation in Africa: a historical experience]. *Novaya i sovremennaya istoriya*, (1), 100–108. (In Russ.)

Article history:

Received: 08 April 2019

Revised: 21 May 2019

Accepted: 23 June 2019

For citation:

Mitrofanova I.B., Liozner V.L. (2019). The socio-economic situation in South Africa in the early 2000-ies. *RUDN Journal of Economics*, 27(2), 223–234. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-2-223-234>

Bio notes:

Irina B. Mitrofanova – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of World Economy Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. E-mail: mitrofanovaib@mail.ru

Vladimir L. Liozner – teacher of geography, School No. 1948 “Linguist-M”. E-mail: lnozner@mail.ru

DOI 10.22363/2313-2329-2019-27-2-235-248
UDC 338.1

Research article

Scenarios of the Polish economy dynamics in 2017–2022 on the Ramsey type model basis

Valeriya A. Chychuryna¹, Nikolay N. Olenev^{2,3}

¹European University in Warsaw

22 Białostocka St., Warsaw, 03-741, Republic of Poland

²Dorodnicyn Computing Centre, FRC CSC RAS

40 Vavilov St., Moscow, 119333, Russian Federation

³Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

Abstract. The article contains a methodology of identification of the dynamic Ramsey model for the Polish economy. It includes two different scenarios of the development of the Polish economy for five years (2017–2022) and the comparison of the forecasts made on their basis. The first scenario is built using the model parameters estimated basing on the data for the period 1991–2016. The second scenario considers a more recent period (2010–2016), which is picked according to a hypothesis that the statistical data of this period describing the labor force dynamics shows its trend more representatively. The method of model identification is based on evaluating the proximity between the calculated and statistical time series of macroeconomic indicators (output, consumption, investment, export, import). The GDP and investments volumes are predicted for the five years' period and the visualization of the forecasted trend is made for the both identified models.

Keywords: Ramsey model; Polish economy; dynamic model; parameter identification; computer simulation; economy forecasting; forecast scenarios; gross domestic product; investments

Introduction

Effective forecasting of the economy is one of the most urgent scientific, political and social problems. There are several reasons for the negative affect on the accuracy of economic forecasts, in addition to the basic problem of uncertainty. Among the first ones the increased complexity of the economic system and the feedback loop (Shaw, 2017; Clements, Hendry, 2002) are traditionally named. An effective means of decreasing the feedback loop effect is to build several variants of forecast with a graded probability measure.

In its turn, the increased complexity led to the failure of traditional theory of economic forecasting (Joutz, 2006). In terms of development of scientific researches in this field this meant moving from linear models and unconditional forecasting to dynamic models, based on time series approximation.

© Chychuryna V.A., Olenev N.N., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

The dynamic model of the economy, in which production is defined by the neoclassical production function, and the production factors (labor and capital) are changing due to the given differential equations, was called the Ramsey model in honor of the fundamental work of Frank Plampton Ramsey (Ramsey, 1928), in which the problem of the optimal level of savings in a closed economy was considered. This simplest dynamic model of the economy was used by many scientists in the theoretical studies of the economy, both before and after Ramsey (Moiseev, 1975), Robert Solow's great contribution to the study of the economic growth with the help of this model and the production function of Cobb – Douglas (Solow, 1956) resulted in the fact that this version was called in his honor 'the Solow model' (some its modification was called 'the Solow – Swan model').

In this paper we consider two forecast options of the Polish economy development designed basing on the simplest dynamic model for an open economy. The dynamic model of the economy proposed in (Olenev, Pechenkin, 2007) and used in the paper is called the Ramsey type model, since a great attention in this work is paid to determining the share of accumulation in the economy. In order to make the forecast possible, the problem of identifying the external parameters of the whole model is solved.

The identification of the model (Olenev, Pechenkin, 2007) made it possible to determine the reasons for the economic growth in the 2000s in Russia. The growth was caused by the return of the production assets excluded from the production process during the unsuccessful experiments of the 1990s, and involved again after the default of 1998. This interpretation of the identification results allowed to calculate it at the end of 2006 that in 2008 the problems caused by the depletion of the reserve production assets were going to arise in the Russian economy. Unfortunately, the forecast (Olenev, Pechenkin, 2007) was not heard in time, so the relevant measures were not taken in advance. This resulted in the crisis of 2008, which was first explained by the global financial crisis that happened that year. Only ten years later it was officially recognized that the causes of the Russian crisis were internal.

Here we consider the problem of building several forecast scenarios that reflect the variants of the future economy dynamics in the most accurate way. We build a basic scenario according to the obtained external parameters of the dynamic Ramsey model for the Polish economy. Using the original numerical-analytical method, we find all the external parameters of the model, including parameters of a homogeneous production function with a constant elasticity of substitution. The method includes the evaluation of the proximity between the model trajectories calculated with the given parameters and their statistical analogs: this means the real historical time series of macroeconomic indicators, such as the gross domestic product (GDP) Y , investment J and other components of the balance of GDP usage. Further a choice of such a set of parameters, for which the compared trajectories are closest to each other basing on the criterion of the Theil inequality, is made.

Then we design an optimistic scenario, taking into account the period 2010–2016, which reflects the nowadays trend of labor force in Poland most representatively. We reidentify the parameters of the model, investigate the accuracy of the model basing on the Theil criterion.

And finally we calculate the future values of gross domestic product and investments according to both scenarios, make a comparison and visualization, which lets us make an analytical interpretation of the obtained results.

Model description

In order to describe the Polish economy model, we consider a Ramsey type dynamic model (Olenev, Pechenkin, 2007; Kamenev, Olenev, 2015) of a kind

$$Y(t) = Y_0[a(L(t)/L_0)^{-b} + (1 - a)(K(t)/K_0)^{-b}]^{-1/b}, \quad (1)$$

where Y is gross domestic product, L is amount of people involved in the economy, K is amount of capital involved in the economy. Y_0, L_0, K_0 are initial conditions for the functions Y, L, K at the chosen moment of time (year), given at constant 2010 prices. According to their economic sense, parameters a, b are restricted by the relations

$$a \in (0, 1), b > -1.$$

Then, basing on the statistical data (The United Nations Statistics Division, 2018; International Labour Organization, 2018), we make the next assumptions about the labor L and investments J

$$\frac{dL}{dt} = \gamma L, L(0) = L_0, \quad (2)$$

$$\frac{dK}{dt} = J(t) - \mu K, K(0) = K_0, \quad (3)$$

where J is gross capital formation, $\gamma > 0, \mu$ are parameters of the model.

Basic model scenario

In order to build the basic forecast of the Polish economy development, we consider the time period from 1900 till 2016. Further everywhere in this section it is assumed that $t = 0$ corresponds to 1990. Then, if the number of the year is denoted as n , the internal time is $t = n - 1990$.

Formula (1) shows that the gross domestic product $Y(t)$ is determined by a homogeneous production function with a constant elasticity of substitution.

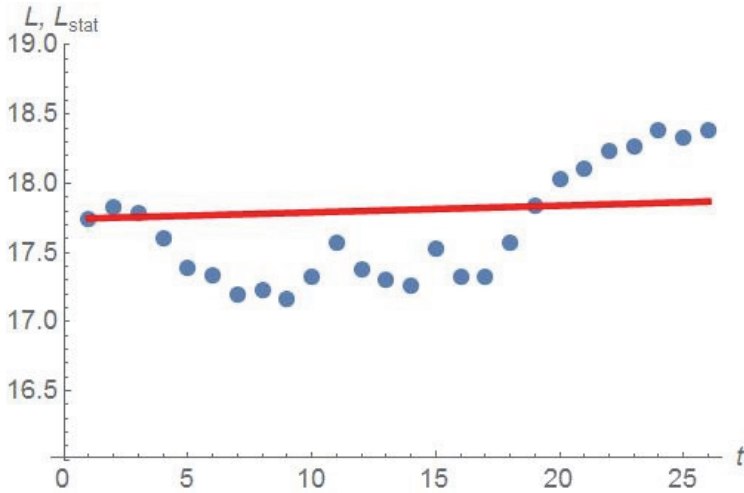
The initial conditions for the three functions L, K, Y are

$$L_0 = 17.438, K_0 = 635.507\eta, Y_0 = 635.507 \quad (4)$$

and are taken as the values for 1990 from (Solow, 1956). The values of the function L are given in millions of people, of the functions K, Y – in billions of zlotys.

Let us consider the graph of the function L_{stat} (Figure 1). The corresponding values from (Solow, 1956) are represented by dots in this graph. By using a least-squares method to find a fit to a list of data of values L_{stat} we obtain the equality

$$L(t) = 17.438 e^{-0.001t}. \quad (5)$$

Figure 1. Points represent values of L_{stat} and the straight line is defined by the equation (5)

Source: own elaboration

Functions $J(t), Y(t)$ are connected to each other by the relation

$$J(t) = \frac{\sigma}{p(t)} * Y(t), \tag{6}$$

where the coefficient $\frac{\sigma}{p(t)}$ is defined from the tables (The United Nations Statistics Division, 2018), σ is the average value of the ratio of investments in a given year at current prices to GDP in the same year at current prices, and $p(t)$ is equal to $\frac{pJ(t)}{pY(t)}$; the numerator of this fraction is the ratio of the investments at current prices to its value at constant 2010 prices and the denominator is the same ratio of GDP.

The graph of the coefficient $\frac{\sigma}{p(t)}$ appropriately to years is depicted on Figure 2. The corresponding values of the function $p(t)$ are calculated basing on the statistical data (The United Nations Statistics Division, 2018), and coefficient σ is defined as the average value σ_{av} ; then we use the least squares method to build a line

$$\frac{\sigma}{p(t)} = 0.179 + 0.002t. \tag{7}$$

Taking into account the equality (7), we rewrite the relation (6) in the form

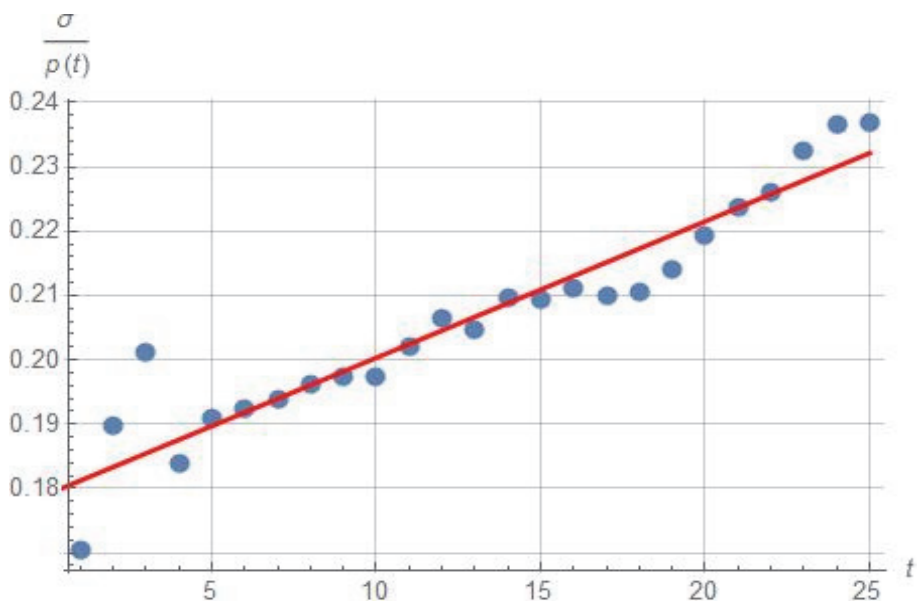
$$J(t) = (0.179 + 0.002t) * Y(t). \tag{8}$$

We solve differential equation (3) as a difference equation. Using the Euler method with a time step of 1 year, as well as taking into account the initial conditions (4) and relation (5) we obtain

$$\mathcal{K}(t + 1) = (1 - \mu) \mathcal{K}(t) + (104.402 + 1.476t)(ae^{0.0003b} + (1 - a)e^{6.454b(\frac{\mathcal{K}(t)}{\eta})^{-b}})^{-1/b}, \tag{9}$$

where $t = 5$.

Figure 2. Points represent values of $\frac{\sigma}{\rho(t)}$, the straight line is defined by the equation (7)

Source: own elaboration.

Substituting (4) and (9) into (1), we obtain a recurrence relation for the function Y .

Using the method outlined in the paper (Ramsey, 1928), according to the formula

$$U(X, Y) = 1 - \sqrt{\frac{\sum_{t=1}^n (X_t - Y_t)^2}{\sum_{t=1}^n X_t^2 + \sum_{t=1}^n Y_t^2}}$$

we build the coefficient of proximity U_Y for the function Y , and then, considering the formula (7), we build the coefficient of proximity U_J for the function J . Then we build a closure (Olenev, Pechenkin, 2007) for the product of functions $U_Y U_J$ and find its maximum on the following intervals of variation of the parameters

$$a \in (0.1, 1), b \in (0.1, 1), \mu \in (0.01, 0.09), \eta \in (0.1, 1.5).$$

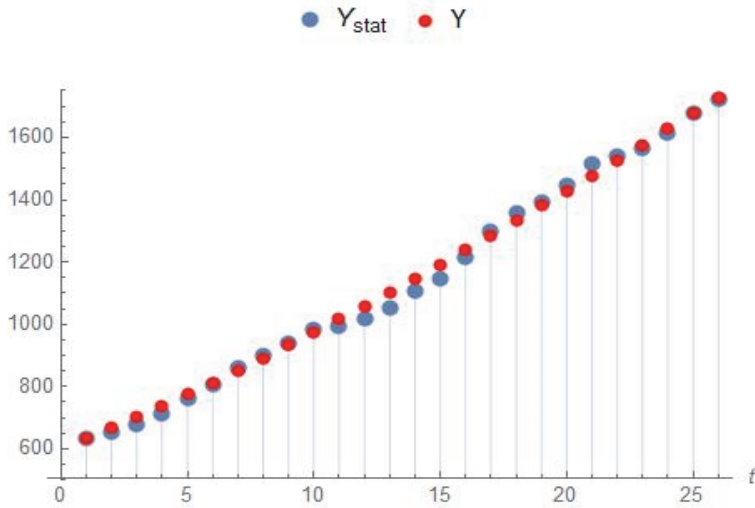
Such intervals are chosen on the basis of economic considerations (Olenev, Pechenkin, 2007).

Carrying out the numerical analysis of the values of parameters on the indicated intervals using the method of enumeration with the step of 0.1 for the parameter a , with the step of 0.1 for the parameter b , with the step of 0.01 for the parameter μ , with the step of 0.1 for the parameter η , we obtain the set of parameters

$$(a, b, \mu, \eta) = (0.3, 0.3, 0.05, 1.3), \tag{10}$$

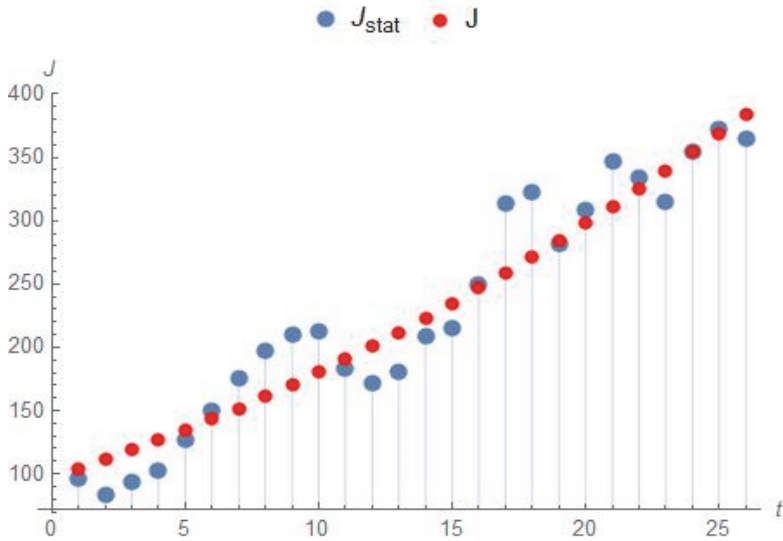
under which the product $U_Y U_J$ take the value 0.9124.

Let us draw graphics for the functions Y and Y_{stat} (Figure 3) and J and J_{stat} (Figure 4).

Figure 3. Comparison of calculated Y and statistical Y_{stat} values of GDP

Source: own elaboration.

Figure 4. Comparison of calculated J and statistical J_{stat} values of investment

Source: own elaboration.

Assuming that the parameters (a, b, μ, η) keep their values for the next 5 years, we make a forecast for 2017–2021. In order to do this, we calculate the values of the functions Y and J for 2017–2021 (Tables 1 and 2).

Table 1

The values of the function Y for 2017–2021

Year	2017	2018	2019	2020	2021
Y_{prog}	1779.01	1830.23	1881.66	1933.28	1985.05

Table 2

The values of the function J for 2017–2021

Year	2017	2018	2019	2020	2021
Y_{prog}	399.695	415.455	431.501	447.828	464.430

In order to show visually how the situation is going to change according to this scenario, we will draw the graphs of the obtained function values of Y and J for 2017–2021 as the continuation of the graphs of the values of these functions for 1991–2016 (Figures 5 and 6) showing the beginning part of the trend.

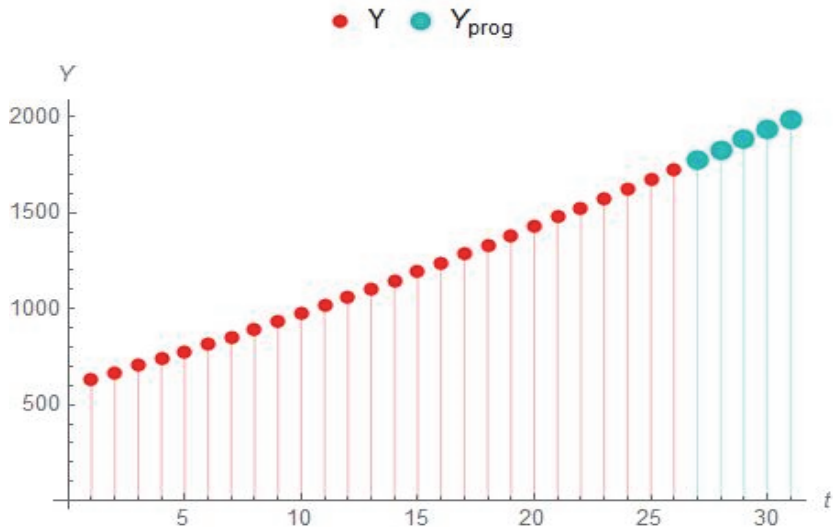

Figure 5. The forecast of GDP dynamics for 2016–2020 according to the first scenario

Source: own elaboration.

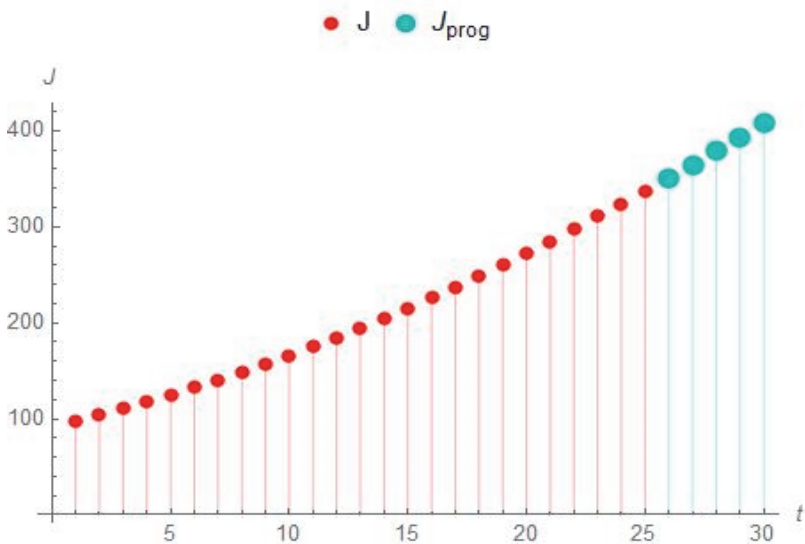

Figure 6. The forecast of investment dynamics for 2016–2020 according to the first scenario

Source: own elaboration.

Alternative model scenario

One of the crucial functions of economic modeling is to present several scenarios of forecasts considering different changes in separate parameters. This function lets the decision-makers observe the situation from different points of view, estimate the alternative costs of each direction that can hypothetically be chosen.

In our case, observing the data series of the parameter L (the number of people involved in an economy) on the Figure 1, we can see, that the nowadays trend has its beginning in the twentieth point, which corresponds to the year 2010.

The declines in the amount of economically active people can be easily explained, if we take a look at the time period which they belong to. This time period corresponds to the process of Polish integration to EU, which caused the significant outflow of workers from Poland.

So, assuming that till 2010 this process has burnt out and the further curve shows us the actual trend of the labor force dynamics, we look for the function to define the function L between the years 2010–2016. In this case, if the number of the year is denoted as n , the internal time is $t = n - 2010$.

In order to make a forecast based on this shorter period, we have to reidentify the model according to the statistical data, related to this period. If we take year 2010 as the starting point, the initial conditions for the three functions L, K, Y are

$$L_0 = 18.036, K_0 = 1445.297\eta, Y_0 = 1445.297 \quad (11)$$

also taken from (The United Nations Statistics Division, 2018; International Labour Organization, 2018), like in the first case.

Basing on the statistical data, we build a graphic of the coefficient $\frac{\sigma}{p(t)}$, which is defined from the tables (The United Nations Statistics Division, 2018), during the 2010–2016 period. Then we find a function, which approximates the obtained curve best. In our case, this function is next

$$\frac{\sigma}{p(t)} = 0.209 + 0.003t - 0.003 \sin t. \quad (12)$$

Visually the way this function approximates $\frac{\sigma}{p(t)}$ is shown on the Figure 7.

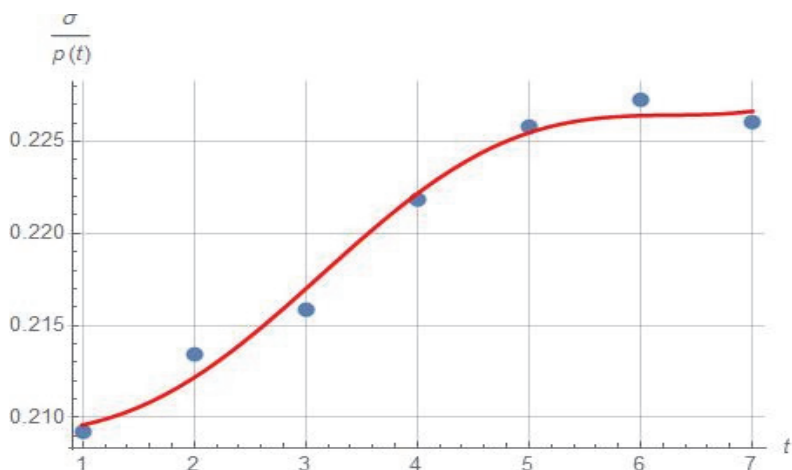
We apply the same method to design the function, approximating the L function. The obtained function is the core of this forecast scenario, and, basing on the statistics (International Labour Organization, 2018), we get the next its form:

$$\mathcal{L}(t) = 17.966 + 0.193t - 0.049 + 0.004t^3 - 0.093 \sin t. \quad (13)$$

Like in the first case, we solve differential equation (3) as a difference equation. Using the Euler method and taking a time step of 1 year, as well as taking into account the initial conditions (4) and relation (5) we obtain

$$\begin{aligned} \mathcal{K}(t+1) = & \mathcal{K}(t) - \mu \mathcal{K}(t) + (302.226 + 3.983t - 3.887 \sin t) \times \\ & \times (a(0.996 + 0.011t - 0.003t^2 + 0.0002t^3 - 0.005 \sin t))^{-b} + \\ & + (1-a)e^{7.276b} \left(\frac{\mathcal{K}(t)}{\eta} \right)^{-b} \frac{1}{b}, \end{aligned} \quad (14)$$

where $t = 5$.

Figure 7. Points represent values of $\frac{\sigma}{p(t)}$, the straight line is defined by the equation (12)

Source: own elaboration.

Substituting (11) and (14) into (1), we obtain a recurrence relation for the function Y .

We are using the same method, outlined in the paper (Olenev, Pechenkin, 2007), as it was done in the first case, to build a closure (Olenev, Pechenkin, 2007) for the product of functions $U_Y U_J$ and find its maximum on the following intervals of variation of the parameters

$$a \in (0.1, 1), b \in (0.1, 1), \mu \in (0.01, 0.09), \eta \in (0.1, 1.5).$$

Such intervals are chosen on the basis of economic considerations (Olenev, Pechenkin, 2007).

Carrying out the numerical analysis of the values of parameters on the indicated intervals using the method of enumeration with the step of 0.05 for the parameter a , with the step of 0.05 for the parameter b , with the step of 0.005 for the parameter μ , with the step of 0.05 for the parameter η , we obtain the set of parameters

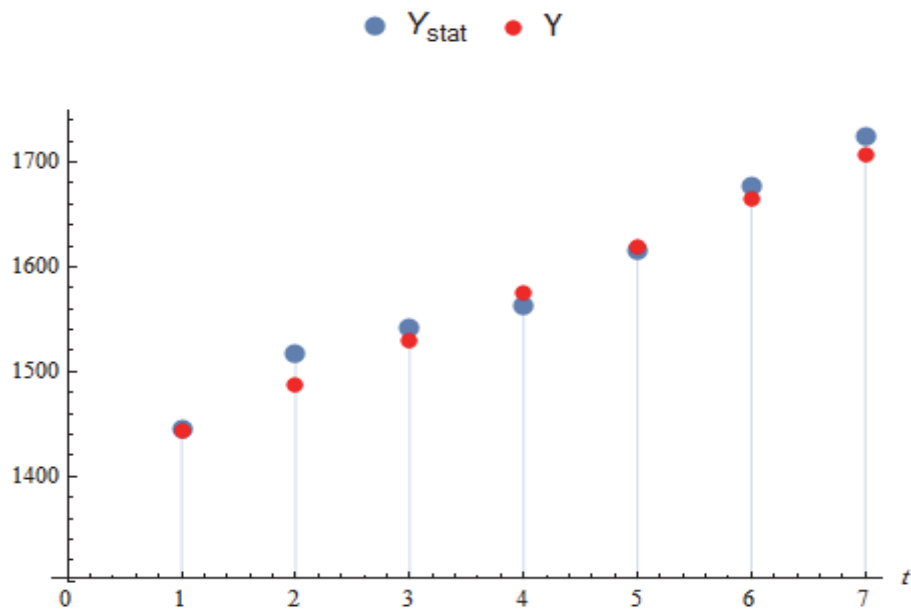
$$(a, b, \mu, \eta) = (0.4, 0.9, 0.09, 1.5), \quad (15)$$

under which the product $U_Y U_J$ take the value 0.953553.

Let us draw graphics for the functions Y and Y_{stat} (Figure 8) and J and J_{stat} (Figure 9).

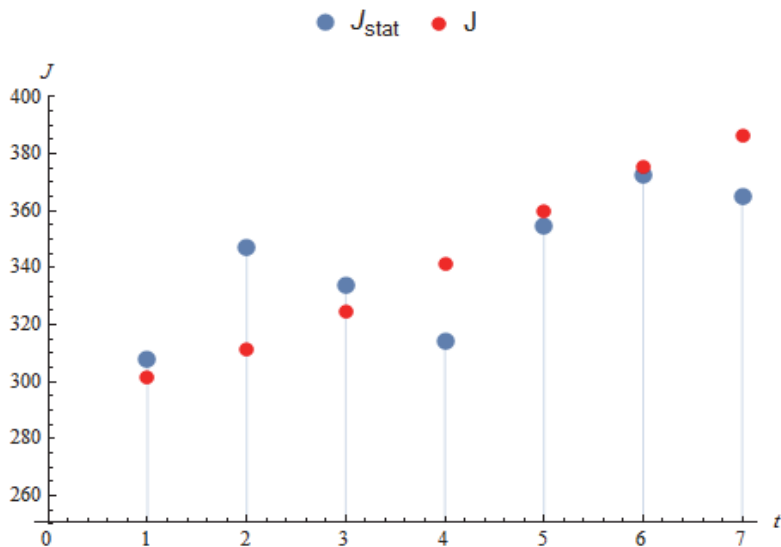
Assuming that the parameters (a, b, μ, η) keep their values for the next 5 years, we make a forecast for 2017–2021. In order to do this, we calculate the values of the functions Y and J for 2017–2021 (Tables 3 and 4).

In order to show visually how the situation is going to change according to this scenario, we will draw the graphs of the obtained function values of Y and J for 2017–2021 as the continuation of the graphs of the values of these functions for 1991–2016 (Figures 10 and 11) showing the beginning part of the trend.

Figure 8. Comparison of calculated Y and statistical Y_{stat} values of investment according to the second scenario

Source: own elaboration.

Figure 9. Comparison of calculated J and statistical J_{stat} values of investment according to the second scenario

Source: own elaboration.

Table 3

The values of the function Y for 2017–2021

Year	2017	2018	2019	2020	2021
Y_{prog}	1749.11	1796.26	1852.80	1920.17	1997.20

Table 4

The values of the function J for 2017–2021

Year	2017	2018	2019	2020	2021
Y_{prog}	396.408	410.439	431.341	457.255	483.552

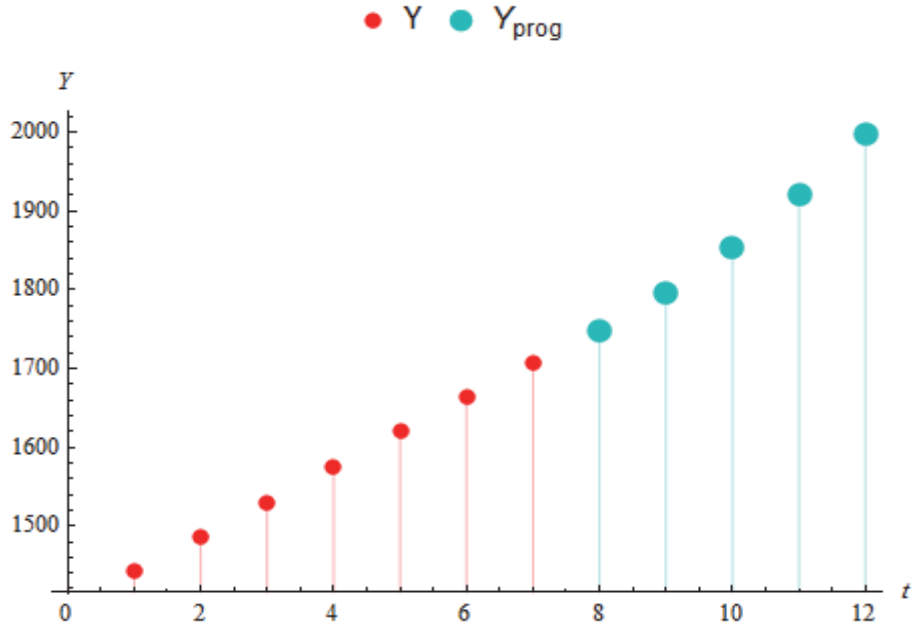

Figure 10. The forecast of GDP dynamics for 2016–2020 according to the second scenario

Source: own elaboration.

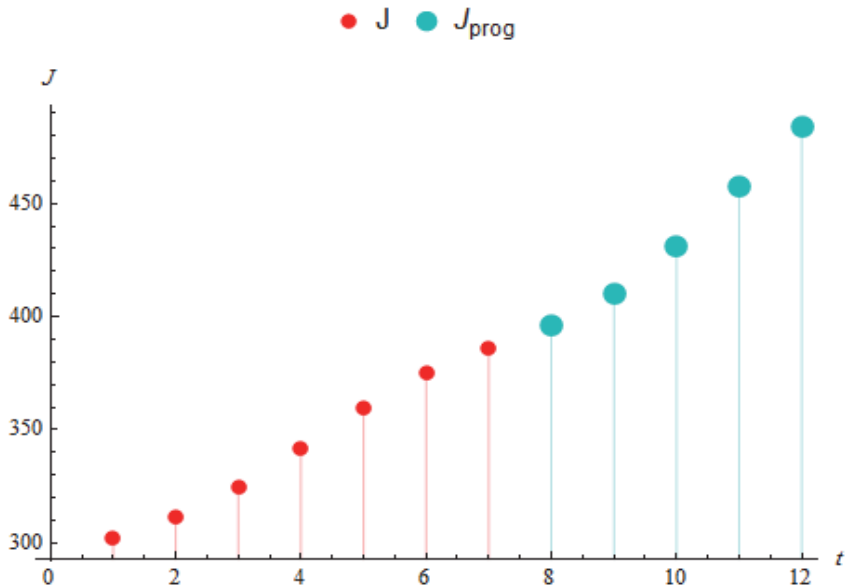

Figure 11. The forecast of investments dynamics for 2016–2020 according to the second scenario

Source: own elaboration.

Conclusion

The main results obtained during the study of the paper are next:

Identification values of the parameters for the Ramsey type model (1)–(3), got basing on the data of Polish economy of 1991–2016 in the first case and on the same statistics of 2010–2016 in the second one, are different. Their values are next:

- first scenario: $a = 0.3, b = 0.3, \mu = 0.05, \eta = 1.3$;
- second scenario: $a = 0.4, b = 0.9, \mu = 0.09, \eta = 1.5$.

The forecasted values of gross domestic product and investments show different dynamics. According to the first scenario, where we assume, that the trend of the future economy parameters changes will stay the same during the forecasted period, we get the next results:

- forecasted gross domestic product in 2021 – 1997.20 billions of zlotys, average annual increment – 3.37%;
- forecasted investments in 2021 – 483.552 billions of zlotys, average annual increment – 0.5%.

According to the second scenario, where we assume, that the trend of the future economy parameters changes is conditioned by the changes in labor force during 2010–2016, we get the next results:

- forecasted gross domestic product in 2021 – 1985.05 billions of zlotys, average annual increment – 2.78%;
- forecasted investments in 2021 – 464.430 billions of zlotys, average annual increment – 3.8%.

This leads us to the conclusion, that considering the whole period 1990–2016 when identifying model, we get a higher forecasted value of GDP of year 2021 by 0.6% than considering the period 2010–2016. At the same time, we get a significantly higher rate of the investments growth (0.59 percentage points).

Acknowledgements and Funding. This work was partly supported by the Russian Science Foundation, Project No. 14-11-00432.

References

- Clements M.P., Hendry D.F. (2002). An Overview of Economic Forecasting. *A Companion to Economic Forecasting* (Chapter 1). Oxford, Blackwells.
- International Labour Organization. (2018, February 13). *ILOSTAT database*. Retrieved from <https://data.worldbank.org/indicator/SL.TLF.TOTL.IN?locations=PL>
- Joutz F.L. (2006). *Econometric Forecasting Models*. The Middle Atlantic Actuarial Club.
- Kamenev G.K., Olenev N.N. (2015). Study of the Russian Economy's Identification and Forecast Stability Using a Ramsey Type Model. *Mathematical Models and Computer Simulations*, (2), 79–189.
- Moiseev N.N. (1975). Prostejšie matematicheskie modeli jekonomicheskogo rosta [Simplest mathematical models of economic growth]. *Matematika, kibernetika*. Moscow. 66 p. (In Russ.)
- Olenev N.N. (2015). A study of structural changes influence on Russian economy. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Economics*, (1), 150–157.
- Olenev N.N., Pechenkin R.V., Chernetsov A.M. (2007). *Parallel'noe programirovanie v MATLAB i ego prilozhenija* [Parallel MATLAB programming and its applications]. Moscow, VC RAN Publ. 120 p. (In Russ.)

- Ramsey F.P. (1928). A Mathematical Theory of Saving. *The Economic Journal*, 38(1520), 543–559.
- Shaw A. (2017). Why economic forecasting has always been a flawed science. *The Guardian*. Retrieved from <https://www.theguardian.com/money/2017/sep/02/economic-forecasting-flawed-science-data>
- Solow R.M. (1956). A Contribution to the Theory of Economic Growth. *The Quarterly Journal of Economics*, (1), 65–94.
- The United Nations Statistics Division. (2018, February 13). *National Accounts Main Aggregates Data*. Retrieved from <https://unstats.un.org/unsd/snaama/dnllist.asp>

Article history:

Received: 24 December 2018

Revised: 15 February 2019

Accepted: 02 April 2019

For citation:

Chychuryna V.A., Olenev N.N. (2019). Scenarios of the Polish economy dynamics in 2017–2022 on the Ramsey type model basis. *RUDN Journal of Economics*, 27(2), 235–248. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-2-235-248>

Bio notes:

Valeriya A. Chychuryna, PhD Student, European University in Warsaw. E-mail: takotsubocard@gmail.com

Nikolay N. Olenev, Cand. Sc. (Phys. and Math.), Docent, Leading Researcher, Dorodnicyn Computing Centre – Federal Research Center of Computer Science and Control under the Russian Academy of Sciences; Associated Professor, Nikol'skii Mathematical Institute, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: nolenev@mail.ru

Научная статья

Сценарии развития польской экономики в 2017–2022 гг. на базе модели типа Рамсея

В.А. Чичурина¹, Н.Н. Оленев^{2,3}

¹Европейский университет в Варшаве

Республика Польша, 03-741, Варшава, ул. Белосток, 22

²Вычислительный центр имени А.А. Дородницына ФИЦ ИУ РАН

Российская Федерация, 119991, Москва, ул. Вавилова, 42

³Российский университет дружбы народов

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Макляя, 6

Статья содержит методологию определения параметров динамической модели типа Рамсея для польской экономики. Приводятся два различных сценария развития польской экономики на пять лет (2017–2022 гг.) и сопоставляются между собой прогнозы, сделанные на их основе. Первый сценарий строится с использованием параметров модели, рассчитанных на основе статистических данных за период 1991–2016 гг. Второй сценарий основывается на использовании данных за более поздний период (2010–2016 гг.), который выбран согласно гипотезе о том, что статистические данные

этого периода, описывающие динамику роста рабочей силы, более репрезентативны с точки зрения текущей тенденции развития экономики. Метод идентификации модели базируется на оценке близости между расчетным и статистическим временным рядом макроэкономических показателей (выпуск, потребление, инвестиции, экспорт, импорт). Для объема ВВП и инвестиций составлен прогноз на пятилетний период, а также построена визуализация динамики прогнозируемых показателей.

Ключевые слова: модель Рамсея; польская экономика; динамическая модель; идентификация параметров; компьютерная симуляция; экономическое прогнозирование; прогнозные сценарии; выпуск; инвестиции

Благодарности и финансирование. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ, проект № 14-11-00432.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 24 декабря 2018

Дата проверки: 15 февраля 2019

Дата принятия к печати: 02 апреля 2019

Для цитирования:

Chychuryna V.A., Olenov N.N. Scenarios of the Polish economy dynamics in 2017–2022 on the Ramsey type model basis (Сценарии развития польской экономики в 2017–2022 гг. на базе модели типа Рамсея) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2019. Т. 27. № 2. С. 235–248. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-2-235-248>

Сведения об авторах:

Чичурина Валерия Александровна – аспирант Европейского университета в Варшаве. E-mail: takotsubocard@gmail.com

Оленев Николай Николаевич – кандидат физико-математических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Вычислительного центра имени А.А. Дородницына Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» Российской академии наук; доцент Математического института имени С.М. Никольского Российского университета дружбы народов. E-mail: nolenev@mail.ru

DOI 10.22363/2313-2329-2019-27-2-249-258
UDC 332.146

Research article

Government policy in developing social capital of small industry in facing ASEAN Economy Community era

Herrukmi Septa Rinawati

Universitas Bhayangkara

Jl., Ahmad Yani 114, Surabaya, Jawa Timur 60231, Republic of Indonesia

Abstract. This study aimed to know the obstacles and the government policy in developing the social capital of small industry in facing competition in ASEAN Economy Community (AEC) period. Using quantitative and qualitative as the methodology, this study obtained the data through interview and focus group discussion. The result showed that the development of social capital that not maximum enough was becoming the obstacle for small industry. The connection between the businessman association with other party, such as big industry, civil society organization, banking and other stake holders should be expanded. Meanwhile the government had done some policy in developing the social capital of small industry by holding a training and competition, increasing the access and relation of small industry with foreign and national company, also helping on the social capital. Therefore, small industry still can survive in facing the AEC era.

Keywords: ASEAN Economy Community; social capital; small industry; government policy

Introduction

There was a change in economic structure in the last of twentieth century and the early of twenty-first century. The first was the market expand and crossed the country to the level between individuals due to information technology that allowed the contact became easier. The second was producer had access in marketing by minimize the selling price because of the dismissal of the admission charge or import duty. It cannot be separated with the amount of agreement between governments in a certain region, such as ASEAN Economy Community (AEC). The third was the changing of the capital ownership mastery that crossed the countries barrier. It meant that within the multinational corporation (MNC), the capital ownership of foreign country established a factory with natural resources and human resources around, and made it into market. The fourth was the product did not appear in the form of goods and stock, and also currency. Thus, as a result, the currency exchange rate was very susceptible and depend on the demand and supply. This susceptibility had effect on the basic material and the product selling price.

© Rinawati H.S., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

However, Indonesia had strategy in overcoming these condition. Nowadays, the association of regional businessman and merchant, especially in small industry, were developed under the license of Industrial Ministry, Cooperative and UMKM (Micro, Small, and Medium Enterprises), and other related institutions. This association was useful for the members in information distribution on the management of business, production technology, and marketing, especially in facing the competition in AEC era. Indonesia must increase the competitiveness of industrial products and services, and also develop the industry which based on value-added. Therefore, it was needed a hard work to do the product downstream policy by processing the primary production result. The implementation of African Continental Free Trade Area (ACFTA) and AEC had impact on reducing the cost of export and import for 0–5%, also the deletion of quantitative restriction and other non-tariff barriers.

The opening of free trading spaces in ASEAN region was predicted to be able to push Indonesian economy development in positive way. The first was pushing the national income through export and import. The second was opening an opportunity of new industrialization in Indonesia region that had been retarded due to monetary crisis in 1998. The third was expanding the professional job opportunity for new young generation and giving a career opportunity in various region in ASEAN. However, at the same time, the market economy became a frightening specter for Indonesian entrepreneurs in the middle of the weak competitiveness of local industry, the weakness of national protection toward local industries was afraid to decrease the potential of local businessman and some small medium enterprise (UKM Bank) that still lack of economy aspects. AEC as an opportunity yet challenge for Indonesia, had purpose to increase the economic stabilization in ASEAN region. Some sectors that became Indonesia's leading in AEC 2015 were natural resources, information technology, and economy creative. These three sectors were stronger in Indonesia than the other ASEAN countries.

Since the acknowledgment of batik as one of the Indonesian cultural heritage by UNESCO on October, 2nd 2009. Batik which identic as a costume for special occasion was started to shift into a high valued fashion product that increase the demand of batik in market. Almost all Indonesian regions, including East Java, produced batik. In other side, started from 2012, Indonesia imported batik cloth and batik product from China with total price for 30 million US dollar or 285 million rupiah. It was an irony since batik was identic with Indonesian product. Moreover, according to the leader of Indonesian Textile Association (API – Asosiasi Pertekstilan Indonesia), Ade Sudrajat, the invasion on textile product, especially batik from China, had been occurred since the last 4 years. Based on the data of Central Bureau of Statistic (BPS), there were 1.037 ton of batik imported from China. These imported batik were categorized as a cheap batik which popular in lower middle class society.

Besides batik cloth, other China products that invaded local market in Indonesia were jacket, blazer, pants, woman and man clothes, handkerchief, scarf, and tie. This caused the domestic textile production became worse due to Indonesian market displacement by imported goods. Until the last of February 2013 the composition of imported clothes had reach 60% from the whole stock which marketed in Tanah Abang, Jakarta. The big amount of imported clothes from China was in-

separable from ASEAN-China Free Trade Agreement 2010 in which the custom duty for import product could be decreased significantly. Therefore, in the era of AEC, social capital was very needed by the middle class industry in facing the invasion of goods and services from ASEAN countries. Hence, this study aimed to know the obstacles and the government policy of small industry social capital in facing AEC era.

Literature review

Small industry

The regulation of the Minister of Industry No. 64/M-IND/PER/2016 concerning on the total amount of labor and infestation for industrial business classification mentioned that small industry is an industrial activity which at most employ 19 labors and has infestation for less than 1 million rupiah, excluding the business land and building (Article 3, Paragraph 1). The business land and building as written on Paragraph 1 is a land and building which the location becomes one with the owner's place. According to Central Agency of Statistic (BPS – Badan Pusat Statistik), the definition of small industry is a business unit of industrial processes sector with the total of worker around 5–19 people. Sutojo and Ahmad (1994) stated that the general characteristic of small industry were consisted of: a) the activity tend to be informal and rarely have a business plan; b) the organization structure is simple; c) the worker is limited on the loose labor division; d) most of the small industry did not separate between private property and business property; e) bad accounting system, even has no accounting system; f) small economy scale which difficult in pressing the cost; g) marketing ability and market diversification is limited; h) thin profit margin.

The delayed growth of small industry in developed countries was occurred by the farmer's inability in recruiting workers (Tambunan, 2009). Meanwhile, the growth of labor was keep on growing along with the growth of the population, but not followed by the expansion of the agriculture land and the efficiency of agriculture economy due to food technology development. The other non-recruited labors were making urbanization to city and developing non-formal sector. Meanwhile, for those who stay were developing the non-farm sector, such as small industry for household. The main development fund was come from owner's private saving, loan from relatives, or from seller as delayed payment and down payment from customers.

Social capital

The concept of social capital was developed since 1950 with early application and get notice from experts in the last twenty year this year. Grootaert (2002) defined the social capital as an institution, a relationship, an attitude and a value which organize interaction among people and contribute to economic and social development. In wider definition, social capital was classified in two elements. The first element was structural social capital which relatively easy to be observed in objective way, such as network, association, institution, regulation and institutionalized procedure. While the second element was cognitive social capital which more subjective and hard to measured, such as attitude, behavior, value, interrelationship and trust.

These two elements also differed based on the observation scope of micro, meso or macro level. In micro level the form of social capital was horizontal network from individual and family and the value which underlie the network. While in meso level the form was both horizontal and vertical network between groups, and between individual and group, such as local association. The widest scope was in macro level. The form of social capital in this level was institutional and political environment that covered all social and economic activities. These three levels of social capital could be seen below.

Macro	
State Institution Rule of Law	Governance
Local Institution, Working Network	Trust, Local Norm, and Value
Micro	

Figure 1. The social capital form and scope (Grootaert, 2002)

Bourdieu (1986) defined social capital as a group of potential or actual sources that connected to network ownership that could last for long from more institutional relation of mutual acquaintance or knowledge. It was social obligation (connection) that could be exchanged in a certain condition to the economic capital and could be institutionalized as a title within the society. Along with Wacquant, Bourdieu (1992) revised the definition of social capital as the total of actual or virtual sources grew within the individual or group with the kindness of a network that could last for long from more or less institutional relation of mutual acquaintance or knowledge. Meanwhile Coleman (1990) defined social capital based on its function. To him, social capital was not an entity but a kind of different entities. Putnam (1993) defined social capital as a characteristic of social organization, such as network, norms, and social trust, which facilitated the coordination and partnership for mutual benefit. Moreover, Fukuyama (1995) stated that social capital as people ability to cooperate in achieving goal within the group or organization which measured by the trust.

ASEAN Economy Community (AEC)

As a regional organization, ASEAN has recognized the importance of district integration. The ASEAN vision on 2020 was based on three pillar: economic, politic and social culture. As an effort to strengthen the ASEAN integration, in the 9th of ASEAN Summit Conference in 2003 in Bali, ASEAN Community was established based on those three pillars, namely ASEAN Political Security Community, ASEAN Economic Community, and ASEAN Socio-Culture Community.

AEC was the form of ASEAN economic integration which establish the liberal trade system among ASEAN countries. The ASEAN Economy Community was officially released in the early year of 2016 with four pillar of AEC. The first pillar was ASEAN as a single market production based that supported by free flow of goods, service, infestation, educated labor, and free flow of modal. The second was ASEAN as a high competition sector with element of competition rules, consumer protection, right of intellectual property, infrastructure development, taxes,

infrastructure, e-commerce. The third pillar was ASEAN as a sector with equal economy development along with the element of micro, meso, and macro business development, and ASEAN integration initiative with CMLV countries (Cambodia, Myanmar, Laos, and Vietnam) and the fourth was ASEAN as a fully integrated sector with global economy (ASEAN Secretariat, 2008).

In the 9th ASEAN Summit Conference in 2003, 11 Priority Integration Sectors (PIS) was established. However in 2006, the PIS was developed into 12 which divided in two sections: 7 sectors of industrial good and 5 sectors of service. The 7 sectors of industrial good were consisted of agricultural based product, electronic, fishery, rubber based product, textile, automotive, and wood based product. While the 5 sectors of service were air transportation, e-ASEAN, health service, tourism, and logistic service.

In greeting the period of ASEAN liberal trade in 12th sectors, Indonesia has been issued an important regulation of Act No. 7/2014 on trade which has been introduced to society as one of the strategy to block up the import product in Indonesia. It organized the general requirements on license for business agent who involved in trading activity in order to use Indonesian language in labeling and increasing the use of local product. Through this, government was required to control the availability of basic material for all Indonesian region, to define the barrier or prohibition of goods or services for national benefits to protect the national security.

Methodology

Research Methodology. This study used quantitative and qualitative methodology. Started with doing survey on some small industry craftsmen in Bojonegoro and Tulungagung. Then, using Forum Group Discussion (FGD) to deepen the research. Through these, the researcher developed the obtained data.

Data Collection. The data collection was done with survey and continued with interview with the Regional Stakeholder Organization of small industry development. The interviewees were coming from Department of Industry and Trade, Bappeda (Development Planning Agency at Sub-National Level), Agency for Community Empowerment, and small industry craftsmen who merged into small batik business center in Bojonegoro and Tulungagung.

Data Analyzing. The data were analyzed using descriptive and correlation statistic. Through the descriptive statistic, the capitals of culture were analyzed by connecting the government policy on strengthening micro small industry. However, the researcher was having a bit difficulty in getting the data on productivity and small industry marketing result.

Result and Discussion

Obstacles

Even though, the social capital of small industry was good enough which proved by the strong bonding between the craftsmen, but there were still some obstacles that interfere. The social capital of bridging and linking which connect the groups of businessman, such as big industry, civil society organization, banking, and other

stakeholders, were not maximum yet. Thus, it needed to enhance the social capital of bridging and linking in order to develop the existing business through capital, marketing network expansion, business management enhancement and technical ability enhancement. Social capital with strong bonding within sociological system could create the feeling of sympathy, responsibility, reciprocity believe and acknowledgement of mutual believed cultural value. Tradition was an immortal behavioral norms which had strong integration with social behavior pattern. It had strong bonding with sanctions for the offender. Social bridging as an institution or mechanism was a social bonding that appeared as a reaction for various group characteristic. It was social lubricant that helped the development of capital social within a community and broader working space, either across the ethnical or private group. It also could be seen from public involvement as a citizenship, association, and network. Meanwhile, social linking as a social connection/network with relationship among some levels of social power or social status within the society.

Government policy toward small industry

This study showed that some of social capitals were not fully support the business. The social capital did not have a positive correlation with the sales turnover significantly. It was a compounding variable of politic, reciprocity and social solidarity participation, however only the politic participation (SCapPart) which had no significant correlation. Meanwhile, the social solidarity showed negative significant which meant the higher the social solidarity (SCapSS), the lower the turnover sales, and vice versa. Seeing on this result, then the social solidarity had role as bonding social capital. On the contrary, the reciprocity became supporter on social capital. The higher the reciprocity, the higher the profit. This could be seen in table below.

Table 1

Matrix correlation between sales turnover and social capital

		Sales Turnover	SCapPart	SCapRep	SCapSS
Sales Turnover	Pearson Correlation	1	,077	,253**	-,280**
	Sig. (2-tailed)		,421	,008	,003
	N	110	110	110	110
SCapPart	Pearson Correlation	,077	1	-,056	,664**
	Sig.(2-tailed)	,421		,563	,000
	N	110	110	110	110
SCapRep	Pearson Correlation	,253**	-,056	1	-,021
	Sig.(2-tailed)	,008	,563		,827
	N	110	110	110	110
SCapSS	Pearson Correlation	-,280**	,664**	-,021	1
	Sig.(2-tailed)	,003	,000	,827	
	N	110	110	110	110

The data showed that the amount of organization was donated the turnover significantly. Through the ANOVA analysis and the average ratio, this study showed that for those who had membership on more than one organization had bigger turnover in average. In short, if a businessman wanted to success, then he must be involved in some organizations which linked to his business. Though, by looking on the ANOVA analysis in table below, the profit or the bigger turnover could be obtained if becoming member in 3 organization of profession.

Table 2

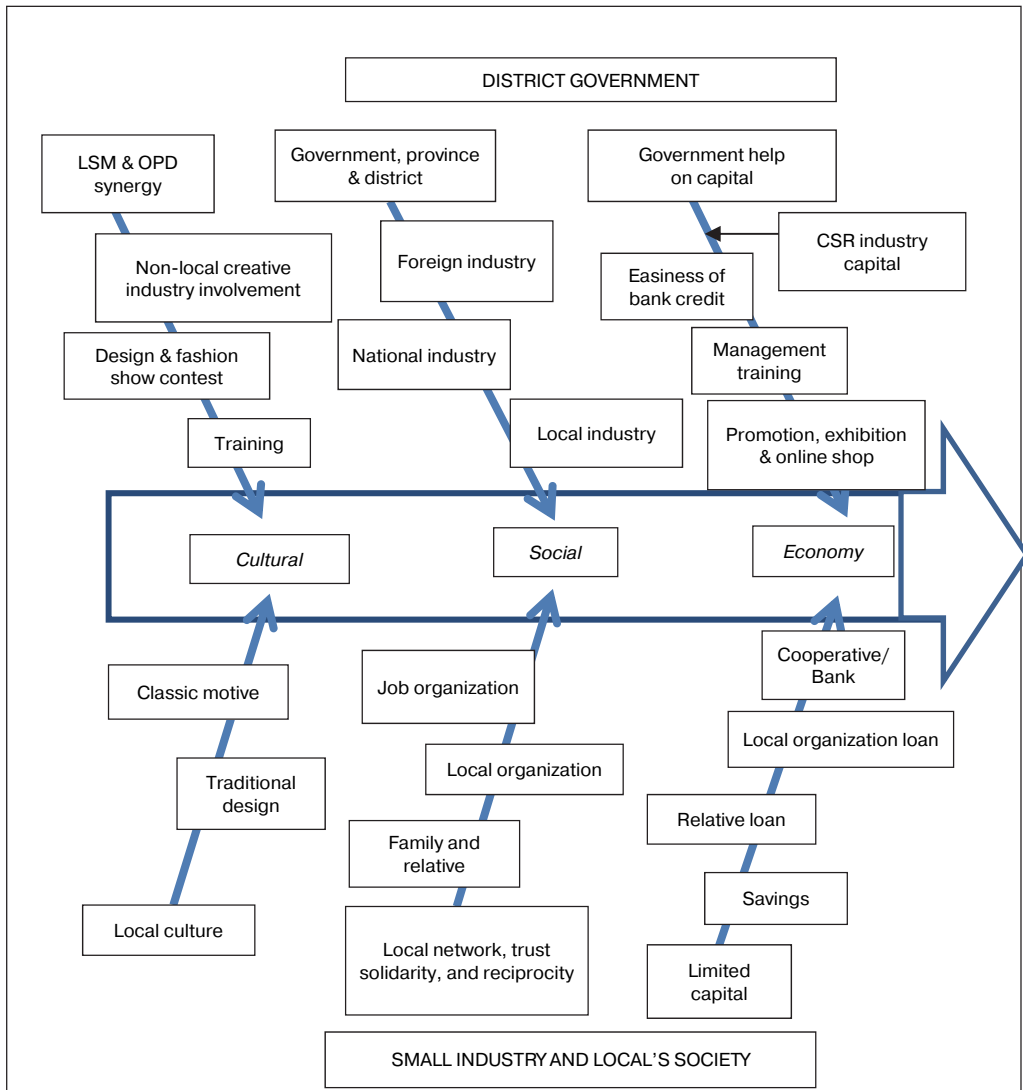
ANOVA analysis

	Sum of squares	df	Mean square	F	Sig.
Between Groups	3059620613107820,000	2	1529810306553910,000	16,935	,000
Within Groups	9665718023255810,000	107	90333813301456,200		
Total	12725338636363600,000	109			

Table 3

Tukey honestly significant difference with dependent variable: turnover

Groups (I)	Groups (II)	Mean difference (I–J)	Sig.	Std. error	95% confidence interval	
					Lower bound	Upper bound
,0	2,0	8544573,643*	,002	2463521,537	2689354,57	14399792,72
	3,0	-11583333,333*	,030	4480421,937	-22232256,67	-934409,99
2,0	,0	-8544573,643*	,002	2463521,537	-14399792,72	-2689354,57
	3,0	-20127906,977*	,000	4013231,706	-29666427,54	-10589386,41
3,0	,0	11583333,333*	,030	4480421,937	934409,99	22232256,67
	2,0	20127906,977*	,000	4013231,706	10589386,41	29666427,54

Figure 2. Government policy and local business

With this statistical analysis, some actions could be done in strengthen the social capital and emphasize the government role within. The first step was conducting a training on creativity, since batik and clothes were product with creativity. Business man should had ability to be creative or Regional Government developed the network that able to support batik and clothes creation. It could be done by digging up the local wisdom.

The second step was capital strengthening. A batik businessman was always had trouble in capital. The network development on baking world and support from Non-Batik Company within the framework of Cooperate Social Responsibility (CSR) became the important support. However, the businessman should understood the management risk on the decision they took. The third step was management strengthening for craftsmen or businessman. Within the strengthening, the craftsmen or businessman obtained knowledge and ability of SWOT analysis related to AEC and other challengers. The ability in doing self-introspection of weakness and the ability in developing the strategy to face the competition in AEC era. Besides, businessman also needed to understand and do the management risk of what they have done. The fourth step was social capital transformation on social solidarity which not mere as a bonding among businessman but as a bride and link to the business. This awareness should exist in social network built by them. The solidarity itself had strengthen the relationship among them. They did not become a rival, but they helped in building the marketing relation. Thus it showed that most of the business used relatives networking as market place. The fifth step was the reciprocity or feedback as advantaged social capital or increasing the sales turnover. Thus the businessman could use those things in some aspects of production and marketing. The business specification on each businessman could be developed and completed each other so there was no competition among them. The differentiation of batik pattern could also strengthen the relation by exchanging customers. The customers could bought two different pattern from two sellers. The last step was strengthening and adding the network profession. Since the amount of organization could help the regional product marketing. The establishment of the association which supported by the District Government became the keyword in looking for the market.

Conclusion

Based on the result and discussion above, even though the social capital which owned by the small industry businessman was good enough, proved by the social bonding between the craftsmen, but there was still an obstacle. The obstacle was the social capital of bridging and linking, which connected the association of businessman with other parties, such as big industry, civil society organization, banking, and other stake holders, was not maximum yet. It needed to develop the existing business through the access enhancement on capital, expansion of marketing network, improvement on business management, and improvement on technical ability.

Furthermore, the development of social capital of small industry was inseparable from the other forms of social capital, those were cultural and economic capital that related to each other. There were three steps of government policy; the first was regional government through civil society organization and non-local small

industry could be synergized in creating a training, design and fashion show competition, developing the classic pattern and traditional design based on local wisdom. The second was the social capital of bridging should be developed through the enhancement of connection and access from small industry businessman along with the government with foreign company and national or local company. This connection could enhance the access of small industry businessman on capital, ability and marketing. Meanwhile, within the organization of small industry (bonding), the intensity of social relationship must be increased. Such as solidarity, reciprocity, and trust within the organization itself, or the local and partnership organization. This was needed to create a safety atmosphere in improving the productivity. The third was the capital owned by small industry businessman was come from individual savings, loan from relatives, local organization, cooperative, and bank. The available capital enhancement could be done through government help or CSR help. Thus the economic capital could be increased if the capital along with the training and involvement in exhibition and market promotion were walked together.

References

- Association of Southeast Asian Nation. (2008). *ASEAN Economic Community Blueprint*. Jakarta. ASEAN Secretariat.
- Bourdieu P. (1986). The production of belief: contribution to an economy of symbolic goods. *Media, Culture and Society*, 2, 261–293.
- Coleman J. (1990). Social capital and the common good. *American Journal of Sociology*, 94, S95–S120.
- Departemen Perindustrian dan Perdagangan. (2002). *IKM Buku i Kebijakan dan. Strategi Umum Pengembangan Industri Kecil menengah*. Jakarta.
- Fukuyama F. (1995). *Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity*. Free Press. 100 p.
- Grotaert C. (1998). *Social Capital: The Missing Link?* Social Capital Initiative Working Paper No. 3. The World Bank, Social Development Family, Environmentally and Socially Sustainable Development Network.
- Putnam R.D. (1993). The masyarakat sejahtera: modal sosial dan kehidupan public. *Amerika Prospect*, 4(13), 35–42.
- Sutojo S., Achmad H. (1994). *Sumber Daya Manusia Berkualitas Mengubah Visi menjadi Realitas*. Gramedia Pustaka Utama, Jakarta.
- Tambunan T. (1999). *Perkembangan Industri Skala kecil di Indonesia*. Cetakan Pertama, PT. Mutiara Sumber Widya, Jakarta.

Article history:

Received: 08 April 2019

Revised: 12 May 2019

Accepted: 18 June 2019

For citation:

Rinawati H.S. (2019). Government policy in developing social capital of small industry in facing ASEAN Economy Community era. *RUDN Journal of Economics*, 27(2), 249–258. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-2-249-258>

Bio note:

Rinawati Herrukmi Septa – researcher, Universitas Bhayangkara Surabaya. E-mail: herruknisepta30@gmail.com

Научная статья

Государственная политика развития социального капитала малого бизнеса в странах АСЕАН

Х.С. Ринавати

Университет Бхаянгкара

Республика Индонезия, 60231, Джасава Тимур, Сурабая, Ахмад Яни, 114

Исследование посвящено изучению политики правительства и препятствий в развитии социального капитала малых предприятий в условиях конкуренции в рамках Экономического сообщества АСЕАН. Данные были собраны путем интервью и обсуждения в фокус-группах, а также с помощью количественных и качественных методов. Результат показал, что развитие социального капитала, пока недостаточно развитого, становится препятствием для малой промышленности. Должна быть расширена связь между объединением предпринимателей (например, крупной промышленностью), с одной стороны, и организациями гражданского общества, банковским сектором и прочими заинтересованными сторонами, с другой. Между тем правительство провело определенную политику в развитие социального капитала малой промышленности, организовав тренинги и соревнования, увеличивая доступ и расширяя связи малой промышленности с иностранными и национальными компаниями, а также помогая развитию социального капитала. Таким образом, малая промышленность все еще может выжить в эпоху Экономического сообщества АСЕАН.

Ключевые слова: Экономическое сообщество АСЕАН; социальный капитал; малая промышленность; государственная политика

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 08 апреля 2019

Дата проверки: 12 мая 2019

Дата принятия к печати: 18 июня 2019

Для цитирования:

Rinawati H.S. Government policy in developing social capital of small industry in facing ASEAN Economy Community era (Государственная политика развития социального капитала малого бизнеса в странах АСЕАН) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2019. Т. 27. № 2. С. 249–258. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-2-249-258>

Сведения об авторе:

Ринавати Хирукми Септа – исследователь, Университет Бхаянгкара. E-mail: herruknisepta30@gmail.com

DOI 10.22363/2313-2329-2019-27-2-259-268
УДК 339.56

Научная статья

Мировой рынок рыбы: современные тенденции, состояние и перспективы

И.В. Андропова¹, Е.А. Якимович²

¹Российский университет дружбы народов

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

²ООО «Теплоэнергоремонт»

Российская Федерация, 117246, Москва, ул. Херсонская, д. 43, корп. 3

В статье анализируется состояние мирового рынка рыбы, проблемы и перспективы его развития в контексте современных тенденций мировой экономики. Подчеркивается значимость отведенного места мировому рынку рыбы в решении глобальных проблем современности, таких как борьба с голодом, обеспечение продовольственной безопасности, устойчивого развития и т.д. Представлено современное состояние мирового рыболовства и рыбоводства, основные производители и экспортеры, место России на этом рынке. Нашли отражение вопросы, связанные с ролью развивающихся стран в данном секторе экономики. Сделаны выводы о проблемах и перспективах мирового рынка рыбы с точки зрения устойчивого развития мирового сообщества и роста потребления этого продукта питания населением планеты.

Ключевые слова: продовольствие; рыба; рыбопродукты; мировой рынок рыбы; торговля рыбой

Введение

Мировой финансово-экономический кризис 2008 г., рост неопределенности развития мировой экономики усилили внимание мирового сообщества не только к глобальным проблемам экономики, но и к социально-гуманитарным. Это нашло отражение практически во всех принятых на международных форумах документах, ставящих обеспечение продовольствием в ряд главных глобальных проблем человечества: устойчивого развития, продовольственной безопасности, борьбы с негативными последствиями изменения климата, сохранением природных ресурсов и т.д.

Как указано в последнем отчете Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), «перед человеческим обществом стоит огромная задача обеспечить продовольствием и средствами к существованию население, численность которого к середине XXI века превысит 9 мил-

лиардов человек, одновременно решая проблему несоразмерных последствий изменения климата и ухудшения состояния окружающей среды для ресурсной базы»¹.

В 2015 году под эгидой ООН был разработан и принят документ «Повестка дня в области устойчивого развития», который содержит 17 целей устойчивого развития (ЦУР) на период с 2015 по 2030 год и предлагает уникальный трансформационный и комплексный подход к реализации этих целей в интересах всего мирового сообщества.²

Продовольственный вопрос занимает ключевое значение в этом документе и имеет непосредственное отношение к мировому рыбопроизводству и рынку рыбы. В частности, 14-я цель ЦУР – сохранение и использование океанов, морей и морских ресурсов в целях устойчивого развития – предусматривает к 2020 году прекращение незаконного, несообщаемого и нерегулируемого рыбного промысла (ННН-П) и разработку мер помощи в предотвращении вредного воздействия брошенных или иным образом утраченных рыболовных снастей в интересах долгосрочного сохранения использования живых морских ресурсов.

Значимость отведенного мировому рынку рыбы места в решении глобальных проблем современности, в свою очередь, привела к усилению внимания к его регулированию – и на национальном, и на многостороннем уровнях, поскольку достижение 14-й цели ЦУР требует эффективного партнерства между всеми странами (развитыми и развивающимися), особенно в области координации политики, мобилизации финансовых и людских ресурсов и внедрения передовых технологий.

Поддержка целей устойчивого развития в области водных ресурсов совместными усилиями может принести более высокую продуктивность, а также значительные социальные, экономические и экологические выгоды.

Юрген Фогеле, директор департамента сельского хозяйства и экологических услуг Всемирного банка, считает, что «относительно недооцененный, но многообещающий факт заключается в том, что рыба может сыграть важную роль в удовлетворении вкусов растущей мировой группы людей со средним уровнем дохода, а также в удовлетворении потребностей беднейших в продовольственной безопасности. Рыба уже составляет 16 % всего животного белка, потребляемого в мире, и эта доля мировой продовольственной корзины, вероятно, еще более возрастет».³

Таким образом, по всем направлениям (социальным, гуманитарным, экономическим, экологическим) международные организации и форумы придают повышенное внимание роли рыболовства и аквакультуры⁴ в достиже-

¹ FAO. 2018. *The State of World Fisheries and Aquaculture 2018 – meeting the sustainable development goals*. Rome. Licence: CC BY-NC-SA 3.0 IGO.

² Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. URL: https://unctad.org/meetings/en/SessionalDocuments/ares70d1_ru.pdf (дата обращения: 10.03.2019).

³ Fish to 2030. *Prospects for Fisheries and Aquaculture*. The World Bank report number 83177-glb. URL: fao.org/3/a-i3640e.pdf (дата обращения: 14.03.2019).

⁴ Аквакультура (от лат. aqua – вода, cultura – возделывание, уход) – это разведение и/или содержание и выращивание объектов аквакультуры (рыб, ракообразных, иглокожих,

нии устойчивого развития, решении проблем продовольственной безопасности и питания, особенно в развивающихся странах.

Цели и методы

Объектом исследования является мировой рынок рыбы. Целями – выявление современных тенденций и особенностей его развития, оценка современного состояния и перспектив. Для достижения целей в работе были использованы такие методы научного познания, как системный анализ, логика, дедукция и индукция, наблюдение, сравнение, обобщение, статистическая обработка эмпирических данных.

Основой исследования современного состояния мирового рынка рыбы послужили официальные статистические данные о нем, а также о рыболовном промысле отдельных стран и территорий, в том числе сведения о состоянии мирового рыболовства и аквакультуры, публикуемые Всемирным банком, Всемирной торговой организацией, Продовольственной и сельскохозяйственной организацией ООН, Всемирной продовольственной программой и др.

В статье использованы данные периодических изданий, материалы различных авторов, в том числе размещенные на интернет-ресурсах, посвященные развитию мирового рынка рыбы, а также рыболовству и рыбопроизводству в отдельных странах и регионах в контексте экономических интересов России на этом рынке.

Состояние мирового рынка рыбы

Потребление рыбы растет быстрее, чем потребление мяса всех сухопутных животных в целом (2,8 %). Душевое потребление рыбы в 1961 году составляло 9,0 кг. Согласно данным официального портала рыбной отрасли РФ, средний мировой уровень потребления рыбы в 2018 году составил 20,2 кг.⁵ Общемировой объем производства рыбы, учитывая рыболовство и аквакультурное производство, в 2017 году составил 174 млн т (табл. 1).

Основная доля рыболовства приходится на морской вылов, объем которого составляет практически 90 % от общемирового рыболовства.

Основными производителями выступают: Китай (15 246 234 т), Индонезия (6 109 783 т), США (4 897 322 т), Российская Федерация (4 466 503 т), Перу (3 774 887 т), Индия (3 599 693 т), Япония (3 167 610 т), Вьетнам (2 678 406 т), Норвегия (2 033 560 т).⁶ На долю 25 стран основных производителей приходится 80 % всего промышленного вылова (табл. 2).

моллюсков, водорослей) в искусственно созданных условиях или естественной среде обитания, а также их выпуск в водные объекты рыбохозяйственного значения с целью изъятия или пополнения запасов водных биоресурсов, получения продукции аквакультуры и оказания рекреационных услуг.

⁵ Портал рыбной отрасли РФ: официальный сайт. URL: https://www.fishnet.ru/news/novosti_otrasli/77516.html (дата обращения: 16.03.2019).

⁶ FAO. 2018. The State of World Fisheries and Aquaculture 2018 – meeting the sustainable development goals. Rome. Licence: CC BY-NC-SA 3.0 IGO. URL: <http://www.fao.org/3/i9540EN/i9540en.pdf> (дата обращения: 04.03.2019).

Таблица 1

Обзор мирового рынка рыбы за 2015–2017 годах (млн т)
[Table 1. Overview of the world fish market for 2015–2017 (million tons)]

	2015	%	2016	%	2017	%	Прирост 2017/2016
Производство	169,2	100,0	170,1	100,0	174,0	100,0	2,3
Рыболовство	92,6	54,7	90,1	53,0	90,4	52,0	0,3
Аквакультура	76,6	45,3	80,0	47,0	83,6	48,0	4,5
Стоимостной объем торговли (экспорт, млрд долл. США)	133,2	100,0	142,4	100,0	153,5	100,0	7,8
Объем торговли (живой вес)	59,6	100,0	60,3	100,0	60,7	100,0	0,6
Индикаторы спроса (на душу населения)							
Потребление рыбы (кг/год)	20,2	100,0	20,2	100,0	20,3	100,0	0,7
От рыболовства	9,8	48,5	9,5	47,0	9,2	45,3	-2,4
От аквакультуры	10,4	51,5	10,7	53,0	11,1	54,7	3,3

Источник: Обзор мирового рыбного рынка // GLOBEFISH – анализ и информация о мировой торговле рыбой / ФАО ООН. URL: <http://www.fao.org/in-action/globefish/fishery-information/resource-detail/en/c/338597/> (дата обращения: 04.03.2019)

Таблица 2

Объем морского промышленного рыболовства
[Table 2. Volume of marine industrial fishing]

Страна	Производство, т		
	2005–2014 годы (средний вылов)	2015 год	2016 год
25 основных стран, всего	65 451 506	66 391 560	63 939 966
170 прочих стран, всего	14 326 675	14 856 282	15 336 882
Весь мир	79 778 181	81 247 842	79 276 848
Доля 25 основных стран	82,0 %	81,7 %	80,7 %

Источник: FAO. 2018. The State of World Fisheries and Aquaculture 2018 – meeting the sustainable development goals. Rome. Licence: CC BY-NC-SA 3.0 IGO. URL: <http://www.fao.org/3/i9540EN/i9540en.pdf> (дата обращения: 04.03.2019).

Таблица 3

Объем промышленного рыболовства во внутренних водоемах (т)
[Table 3. Industrial fishing in inland waters (tons)]

Страна	Производство, т		
	2005–2016 годы (средний вылов)	2015 год	2016 год
16 основных стран, всего	8 351 970	9 033 490	9 261 538
136 прочих стран, всего	2 172 222	2 374 585	2 371 482
Весь мир	10 524 192	11 408 075	11 633 020
Доля 16 основных	79,4 %	79,2 %	79,6 %

Источник: FAO. 2018. The State of World Fisheries and Aquaculture 2018 – meeting the sustainable development goals. Rome. Licence: CC BY-NC-SA 3.0 IGO. URL: <http://www.fao.org/3/i9540EN/i9540en.pdf> (дата обращения: 04.03.2019).

Доля общемирового объема продукции рыболовства во внутренних водоемах составляет около 11 % (11,9 млн т). Из общего объема продукции рыболовства во внутренних водоемах 80 % приходится на 16 стран (табл. 3),

большей частью расположенных в Азии, где рыболовство во внутренних водоемах – важнейший источник продовольствия для многих местных жителей. В целом же на Азию приходится две трети глобального объема вылова во внутренних водоемах (табл. 3). Основными продуцентами являются Китай (2 318 046 т), Индия (1 462 063 т), Бангладеш (1 048 242 т), Мьянма (886 780 т), Камбоджа (509 350 т), Индонезия (432 475 т), Уганда (389 244 т), Нигерия (389 244 т), Танзания (312 039 т), Россия (292 828 т).⁷

Как видно из приведенных данных, Китай с огромным опережением остается самым крупным производителем рыбы в мире (как в морском промысле, так и во внутренних водоемах). Однако проводимая в настоящее время, согласно тринадцатому пятилетнему плану страны (2016–2020 годы), политика постепенного ограничения вылова может привести уже в ближайшие годы к значительному снижению его объемов. Согласно прогнозам, к 2020 году объем продукции морского рыболовства Китая сократится на 5 млн т.⁸

Параллельно за счет развития инновационных биотехнологий происходит удешевление продукции аквакультуры, что является важным фактором для значительного роста данного сектора. Темпы наращивания рыболовства превышают темпы роста населения. Согласно данным ФАО, аквакультура сегодня развивается быстрее, чем любой другой продовольственный сектор, и ожидается, что к 2030 году за счет него будет обеспечиваться 60 % рыбы для потребления человеком (см. часть 4, раздел «Прогноз развития рыболовства, аквакультуры и рынков»)⁹.

В настоящее время аквакультура обеспечивает более 54 % потребляемых в мире рыбы и морепродуктов, и, по данным ФАО ООН, объем производства отрасли превышает 84 млн т (см. табл. 1).

Таким образом, стабилизация объемов уловов промысловой и рост объемов аквакультурной рыбы ведут к уменьшению в последние годы разницы между ними. В секторе аквакультуры доля 10 ведущих стран составляет более 80 % рыбы, разводимой в искусственных условиях. Главными объектами аквакультуры выступают карп, телapia, пангасиус, лосось и креветка. Основная часть мирового объема производства аквакультуры приходится на Китай, где главным объектом разведения является телapia. В этой стране продукция аквакультуры превосходит промысловую в 2,5 раза¹⁰. А уже с начала 1990-х годов Китай выращивает больше рыбы, чем все остальные страны мира вместе взятые.

На проходивших 13–15 сентября 2018 года в Санкт-Петербурге II Международном рыбопромышленном форуме и Выставке рыбной индустрии, море-

⁷ ФАО. 2018. The State of World Fisheries and Aquaculture 2018 – meeting the sustainable development goals. Rome. Licence: CC BY-NC-SA 3.0 IGO. URL: <http://www.fao.org/3/i9540EN/i9540en.pdf> (дата обращения: 20.03.2019).

⁸ ФАО. 2018. The State of World Fisheries and Aquaculture 2018 – meeting the sustainable development goals. Rome. Licence: CC BY-NC-SA 3.0 IGO. URL: <http://www.fao.org/3/i9540EN/i9540en.pdf> (дата обращения: 20.03.2019); Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) // Ежегодный сельскохозяйственный прогноз ОЭСР-ФАО (ОЕСД, 2017). URL: <http://www.fao.org/3/i9540ru/i9540RU.pdf> (дата обращения: 16.03.2019).

⁹ Там же.

¹⁰ The state of world fisheries and aquaculture // ФАО ООН: официальный сайт. URL: <http://www.fao.org/3/a-i5555e.pdf> (дата обращения: 05.09.2018).

продуктов и технологий ведущие специалисты и эксперты представителей стран – лидеров отрасли пришли к выводу, что в перспективе до 2050 года именно аквакультура будет способна обеспечить население недостающим объемом белка¹¹. Следовательно, аквакультура начинает выступать одним из ведущих трендов в мировом производстве и экспорте рыбы.

Торговля

В настоящее время рыба относится к одним из самых продаваемых продуктов питания в мире. Стоимостной объем мировой торговли рыбой в 2017 году составил 153,5 млрд долл. (см. табл. 1). Главные позиции в рейтинге ведущих экспортеров рыбы и рыбной продукции в 2017 году, как и в предыдущие годы, заняли страны, для которых рыболовство – традиционная и стабильно развивающаяся отрасль (табл. 4).

Таблица 4

Топ-10 ведущих экспортеров рыбы и рыбной продукции (млрд долл. США)
[Table 4. Top 10 leading exporters of fish and fish products (billion USD USA)]

№	Страна	2017
1	Китай	13,7
2	Норвегия	11,0
3	Индия	6,7
4	США	5,4
5	Вьетнам	4,5
6	Чили	5,3
7	Канада	4,8
8	Швеция	4,1
9	Испания	3,6
10	Россия	3,5

Источник: United Nations International Trade Statistics Database // База данных Comtrade ООН: официальный сайт. URL: <https://comtrade.un.org/>; International Trade Centre. URL: <http://www.intracen.org/itc/market-info-tools/trade-statistics/> (дата обращения: 18.03.2019).

На первые десять стран приходится более половины мирового экспорта рыбы. Нужно отметить, что Китай является не только лидером в мировом производстве рыбы и рыбной продукции, но и в ее экспорте. Причем за последние 10 лет экспорт Китая увеличился почти в 2 раза. Следом за Китаем по объему экспорта идет Норвегия. Норвегия поставляет на внешние рынки широкий ассортимент продукции – начиная от выращиваемых лососевых и заканчивая мелкими пелагическими видами и традиционной продукцией из белой рыбы. Значительный прирост экспорта рыбы и рыбной продукции наблюдается в Индии – 252,35 %, занявшей 3-е место по экспорту.

За период с 1976 по 2016 год мировой экспорт рыбы и рыбопродуктов вырос с 8 до 143 млрд долл. США, а в живом весе увеличился на 245 % (60 млн т). В 2017 году за счет усиления спроса и роста цен стоимость мирового экспорта рыбы увеличилась на 7 % до 153,5 млрд долл. США (см. табл. 1).

¹¹ Мировая аквакультура готовится к новым вызовам // Федеральное агентство по рыболовству: официальный сайт. URL: <http://fish.gov.ru/press-tsentr/obzor-smi/24445-mirovaya-akvakultura-gotovitsya-k-novym-vyzovam> (дата обращения: 25.09.2018).

В течение последних сорока лет развивающиеся страны демонстрировали более высокие темпы роста экспорта, чем развитые. Этому способствовало заключение региональных торговых соглашений: начиная с 1990-х годов торговля рыбой обрела в значительной мере региональный характер, торговые потоки, направленные внутрь регионов, росли быстрее, чем направленные во вне.

Крупнейшим единым рынком сбыта рыбы и рыбопродукции является Европейский союз (ЕС), за ним следуют Соединенные Штаты Америки и Япония. На сегодняшний день эти рынки составляют около 64 % общемирового объема импорта рыбы и рыбопродукции. Укрепление экономик в 2016–2017 годах способствовало расширению поставок рыбы на все три рынка.

Согласно прогнозу *BusinesStat*, крупнейшего в России разработчика готовых обзоров промышленных и потребительских рынков, до 2020 г. продажи рыбы и морепродуктов в мире будут расти в среднем на 3,2 % в год¹².

Заключение

На основе исследования состояния мирового рынка рыбы можно сделать следующие выводы.

В целом на мировом рынке рыбы наблюдаются положительные тенденции: увеличивается объем промышленного улова, растут производство аквакультурной рыбы и спрос со стороны различных слоев населения, прослеживается повышательная динамика цен, рост продаж, расширяется ассортимент рыбы и рыбной продукции, оптимистически оценивается прогноз на перспективу.

В то же время существуют и определенные проблемы. К настоящему времени доля запасов, уровень эксплуатации которых не обеспечивает их биологическую устойчивость, составляет около 33 % от общемировых и имеет тенденцию к увеличению (в 1974 году – 10 %). Задача восстановления таких запасов в обозримые сроки, то есть доведение их до уровня, способного обеспечивать экологически рациональный улов (с учетом биологических характеристик этих запасов), достаточно сложная и потребует не только времени, но и консолидации в рамках многосторонних соглашений. Эта проблема прямо коррелируется с проблемой перелова рыбы, который характерен для рыболовства развивающихся стран, в то время как в развитых странах за счет совершенствования регулирования и управления рыболовством, применения новых технологий ситуация улучшается и стремится к восстановлению устойчивых запасов. В развивающихся странах ситуация ухудшается за счет недостатка такого потенциала (управленческого и технологического), а также за счет увеличения экономической взаимозависимости, вызываемой воздействием международной торговли и соглашениями о доступе рыболовецких судов из развитых стран к районам промысла в территориальных водах развивающихся. Решение проблемы такой асимметричной взаимозависимости требует и времени, и содействия со стороны как развитых государств, так и международных организаций.

---

¹² ООО «БизнесСтат»: разработчик готовых обзоров промышленных и потребительских рынков: официальный сайт. URL: https://businesstat.ru/news/v_2011-2015_gg_proizvodstvo_ryby_i_moreproduktov_v_mire_vyroslo (дата обращения: 02.09.2018).

Для многих стран проблемами остаются обновление рыбопромыслового флота и приобретение новых судов, соответствующих мировому уровню.

Важными на повестке вопросами выступают логистические трудности и затраты по транспортировке и хранению, поскольку рыба – это скоропортящийся продукт питания, и ее поставки на отдаленные от мест вылова рынки сопряжены с высокой степенью рисков, которые присутствуют, несмотря на прогресс в управлении, регулировании и использовании новейших технологий в этой сфере.

Чтобы увеличить спрос и потребление рыбы на рынках, где она не является частью традиции и не входит в привычный рацион, необходимо не только создание соответствующей инфраструктуры, но и организация маркетинговой работы и кампании по повышению уровня осведомленности жителей таких регионов. Это тоже проблема, требующая времени и совместных усилий.

В заключение можно констатировать, что популярность рыбы как пищевого продукта в мире возрастает. Мировой рынок рыбы, несмотря на ряд проблем как глобального, так и локального уровня, продолжает расширяться за счет роста объема промышленного улова, внедрения в рыбопроизводство передовых технологий, увеличения покупательской способности потребителей, в том числе из развивающихся стран.

Список литературы

- Лапшинов Ф.И.* Международный рынок рыбной продукции и позиции России // Проблемы национальной стратегии. 2015. № 3 (30). С. 190–208. URL: https://riss.ru/images/pdf/journal/2015/3/13_.pdf. (дата обращения: 18.09.2018)
- Мировая аквакультура готовится к новым вызовам // Федеральное агентство по рыболовству: официальный сайт. 18 сентября 2018. URL: <http://fish.gov.ru/press-tsentr/obzor-smi/24445-mirovaya-akvakultura-gotovitsya-k-novym-vyzovam> (дата обращения: 12.10.2018).
- Обзор рынка рыбы и рыбопродуктов // Исследовательская компания «ГРИФОН-ЭКСПЕРТ». 5 марта 2018. URL: <http://grifon-expert.ru/obzory/101-obzor-rynka-ryby-ryboproduktov-i-reproduktov-2016-2018-gg.html> (дата обращения: 12.09.2018).
- ООО «БизнесСтат»: разработчик готовых обзоров промышленных и потребительских рынков: официальный сайт. URL: https://businessstat.ru/news/v_2011-2015_gg_proizvodstvo_ryby_i_moreproduktov_v_mire_vyroslo (дата обращения: 02.09.2018).
- Портал рыбной отрасли РФ: официальный сайт. URL: https://www.fishnet.ru/news/novosti_otrasli/77516.html (дата обращения: 16.03.2019).
- Семенов С.* Грядет большая рыбалка // Вестник агропромышленного комплекса. 2018, июль. С. 34–41. URL: <http://vestnikapk.ru/upload/iblock/67e/67e1b5f1607a0f463d871caac72c7abc.pdf>. (дата обращения: 16.09.2018).
- FAO. 2018. The State of World Fisheries and Aquaculture 2018 – meeting the sustainable development goals. Rome. Licence: CC BY-NC-SA 3.0 IGO. URL: <http://www.fao.org/3/i9540EN/i9540en.pdf> (дата обращения 20.03.2019).
- Fish to 2030. Prospects for Fisheries and Aquaculture: The World Bank report number 83177-GLB. URL: <http://fao.org/3/a-i3640e.pdf> (дата обращения: 14.03.2019).
- International Trade Centre. URL: <http://www.intracen.org/itc/market-info-tools/trade-statistics/> (дата обращения: 18.03.2019).
- Positive outlook for global seafood as demand surges for multiple species in markets across the world. URL: <http://www.fao.org/in-action/globefish/market-reports/resource-detail/en/c/1109513/> (дата обращения: 04.03.2019).

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 12 апреля 2019

Дата проверки: 20 мая 2019

Дата принятия к печати: 21 июня 2019

Для цитирования:

Андропова И.В., Якимович Е.А. Мировой рынок рыбы: современные тенденции, состояние и перспективы // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*. 2019. Т. 27. № 2. С. 259–268. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-2-259-268>

Сведения об авторах:

Андропова Инна Витальевна – доктор экономических наук, профессор кафедры международных экономических отношений Российского университета дружбы народов. E-mail: aiv1207@mail.ru

Якимович Елена Александровна – начальник управления экономики и финансов ООО «Теплоэнергоремонт». E-mail: isupoval@gmail.com

Research article

World fish market: current trends, state and prospects

Inna V. Andronova¹, Elena A. Yakimovich²

¹Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

²LLC “Теплоэнергоремонт”
43 Khersonskaya St., bldg. 3, Moscow, 117246, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the state of the world fish market, problems and prospects for its development in the context of current trends in the world economy. The authors emphasize the importance of the space allocated to the world fish market in solving global problems of our time, such as fighting hunger, ensuring food security, sustainable development, etc. The article presents the current state of world fishing and fish farming, the main producers and exporters, Russia's place in this market. Reflected issues related to the role of developing countries in this sector of the economy. Conclusions are drawn about the problems and prospects of the world fish market from the point of view of the sustainable development of the world community and the growth of consumption of this food product by the population of the planet.

Keywords: food; fish; fish products; world fish market; fish trade

References

- FAO. (2013). *Fish to 2030. Prospects for Fisheries and Aquaculture*. The World Bank report number 83177-GLB. Retrieved from <http://www.fao.org/3/a-i3640e.pdf>
- FAO. (2018). *Positive outlook for global seafood as demand surges for multiple species in markets across the world*. Retrieved from <http://www.fao.org/in-action/globefish/market-reports/resource-detail/en/c/1109513/>

- FAO. (2018). *The State of World Fisheries and Aquaculture 2018 – meeting the sustainable development goals*. Rome. Licence: CC BY-NC-SA 3.0 IGO. Retrieved from <http://www.fao.org/3/i9540EN/i9540en.pdf>
- Federal'noe agentstvo po rybolovstvu. (2018, September 18). *Mirovaja akvakul'tura gotovitsja k novym vyzovam*. Retrieved from <http://fish.gov.ru/press-tsentr/obzor-smi/24445-mirovaya-akvakultura-gotovitsya-k-novym-vyzovam>. (In Russ.)
- International Trade Centre. <http://www.intracen.org/itc/market-info-tools/trade-statistics/>
- Issledovatel'skaja kompanija “GRIFON-JeKSPERT”. (2018, March 5). *Obzor rynka ryby i ryboproduktov*. Retrieved from <http://grifon-expert.ru/obzory/101-obzor-rynka-ryby-ryboproduktov-i-reproduktov-2016-2018-gg.html>. (In Russ.)
- Lashmanov F.I. (2015). Mezhdunarodnyj rynek rybnoj produkcii i pozicii Rossii. *Problemy nacional'noj strategii*, 3(30), 190–208. Retrieved from https://riss.ru/images/pdf/journal/2015/3/13_pdf. (In Russ.)
- LLC “BiznesStat”»: razrabotchik gotovyh obzorov promyshlennyh i potrebitel'skih rynkov. https://businessstat.ru/news/v_2011-2015_gg_proizvodstvo_ryby_i_moreproduktov_v_mire_vyroslo
- Portal rybnoj otrasli RF. https://www.fishnet.ru/news/novosti_otrasli/77516.html
- Semenov S. (2018, July). Grjadet bol'shaja rybalka. *Vestnik agropromyshlennogo kompleksa*, 35–41. Retrieved from <http://vestnikapk.ru/upload/iblock/67e/67e1b5f1607a0f463d871caac72c7abc.pdf>. (In Russ.)

Article history:

Received: 12 April 2019

Revised: 20 May 2019

Accepted: 21 June 2019

For citation:

Andronova I.V., Yakimovich E.A. (2019). World fish market: current trends, state and prospects. *RUDN Journal of Economics*, 27(2), 259–268. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-2-259-268>

Bio notes:

Inna V. Andronova – Professor of the Chair of International Economic Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: aiv1207@mail.ru

Elena A. Yakimovich – Head of Department of Economy and Finance of LLC “Teploenergo-remont”. E-mail: isupoval@gmail.com

DOI 10.22363/2313-2329-2019-27-2-269-279
УДК 339.543

Научная статья

Обоснование предупредительных замен элементов технических средств таможенного контроля

С.О. Бондаренко¹, Т.Н. Сауренко², М.Р. Гапов³, Е.Н. Шакун²

¹Михайловская военная артиллеристская академия
Российская Федерация, 195009, Санкт-Петербург, ул. Комсомола, 22

²Российский университет дружбы народов

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

³Министерство экономического развития Карачаево-Черкесской Республики
Российская Федерация, 369000, Черкесск, ул. Комсомольская, 23

Эффективность таможенного контроля перемещаемых через таможенную границу товаров в существенной степени зависит от надежности функционирования технических средств таможенного контроля (ТС ТК), которая обеспечивается своевременностью предупредительных замен элементов этих средств. Случайный характер отказов указанных элементов и их относительно высокая стоимость обуславливают необходимость тщательного обоснования сроков предупредительных замен, что предполагает наличие соответствующего научно-методического аппарата. Развитие этого аппарата составляет цель настоящей статьи. Разработанные в статье научно-методические положения позволяют рационально определять сроки замен и состав заменяемых элементов ТС ТК. Их применение снизит затраты на поддержание ТС ТК в работоспособном состоянии. На стадии создания ТС ТК они будут способствовать повышению качества эксплуатационной документации, а в процессе эксплуатации на основе сбора и обработки соответствующих статистических данных позволят обоснованно корректировать сроки замен.

Ключевые слова: предупредительные замены; работоспособные элементы; параметры потока отказов; межпроверочные интервалы времени

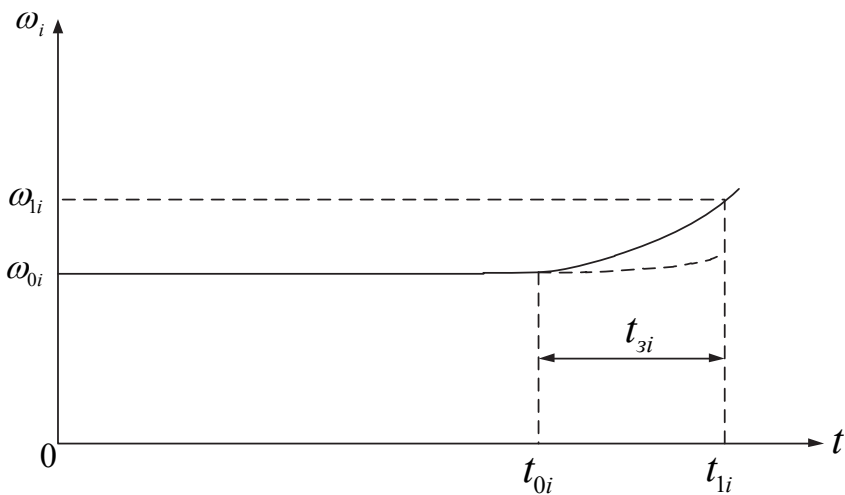
Ускорение проведения таможенных операций при сохранении высокой эффективности выполнения предусмотренных таможенным кодексом Евразийского экономического союза мероприятий защиты национальной безопасности, здоровья и жизни граждан, а также охраны окружающей среды существенным образом зависит от рациональной организации обслуживания и ремонта технических средств таможенного контроля (ТС ТК) (Анисимов и др., 2015; Афонин, Кондрашова, Мютте, 2012; Афонин, Денисова, Мютте, 2012). Важная роль в этом процессе отводится предупредительным заменам функциональных элементов (узлов, блоков, устройств), которые могут быть как плановыми, так и неплановыми – вызванными текущим состоянием заменяемого элемента.

© Бондаренко С.О., Сауренко Т.Н., Гапов М.Р., Шакун Е.Н., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Цель предупредительной замены i -го элемента – снизить параметр ω_i потока его отказов и, следовательно, сократить число ремонтов и время неготовности объектов из-за отказов. Замена должны подлежать работоспособные элементы, параметр потока отказов которых заметно возрос или начинает возрастать (Анисимов и др., 2014; Астанков, Симонова, Черных, 2015). В интервале времени $0-t_{0i}$ (рис. 1) заменять i -й элемент на новый нецелесообразно, так как выигрыша в уменьшении числа отказов это не дает. По истечении времени t_{0i} замена может дать выигрыш в уменьшении показателя ω : в результате замены сохраняется (в интервале времени t_{3i}) значение этого показателя ($\omega_i \approx \omega_{0i}$), а без замены величина ω_i существенно возрастает, и спустя время t_{3i} (отсчитывает с момента t_{0i}) достигает значения ω_{1i} .

Рис. 1. Пояснение целесообразности предупредительных замен элементов
[Figure 1. The explanation of the advisability of preventive replacement of elements]

Выигрыш в уменьшении ω_i является необходимым, но еще недостаточным условием целесообразности предупредительных замен элементов. Действительно, увеличение ω_i после момента t_{0i} не означает, что необходимо сразу же заменять i -й элемент. Это объясняет следующим:

1) замена элемента требует затрат:

$$c_{3i} = c_i - c_{0i} + c_{p.3i}, \tag{1}$$

где c_i – стоимость нового i -го элемента; c_{0i} – стоимость заменяемого i -го элемента; $c_{p.3i}$ – стоимость работ по замене i -го элемента;

2) замена приводит к уменьшению числа отказов элемента, а следовательно, и объекта после замены; это означает, что уменьшается стоимость потерь из-за отказов.

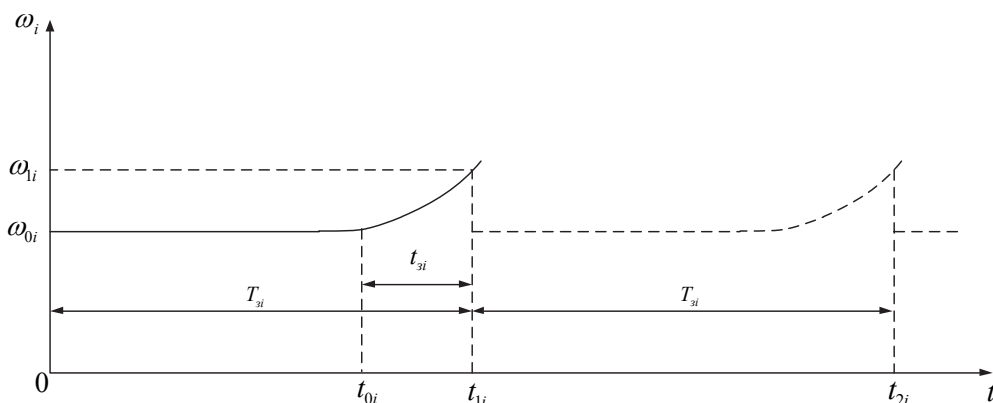
Таким образом, замена элемента в момент времени t_{0i} не позволит компенсировать затраты c_{3i} уменьшением стоимости потерь из-за отказов (так как для этого требуется некоторое время $t_{3i} > 0$). Определить t_{3i} можно на основании равенства

$$C_i^o(t_{oi}, t_{li}) = C_i(t_{zi}), \tag{2}$$

где $C_i^o(t_{oi}, t_{li})$ – суммарные затраты, вызванные отказами i -го элемента на интервале времени $t_{li} - t_{oi} = t_{zi}$ без его замены (на этом интервале времени $\omega_i = f(t)$); $C_i(t_{zi})$ – суммарные затраты, вызванные отказами i -го элемента на интервале времени t_{zi} , если бы его замена была произведена в момент t_{oi} , при этом $\omega_i = \text{const}$ на интервале $t_{oi} \div t_{li}$.

Для решения задачи отыскания t_{zi} (а следовательно, $T_{zi} = t_{oi} + t_{zi}$, как показано на рис. 2) требуется иметь статистические данные, позволяющие определять t_{oi} , ω_{oi} и прогнозировать значения $\omega_i(t)$ по истечении времени t_{oi} .

Рис. 2. Назначение предупредительных замен элементов
[Figure 2. The purpose of the preventive replacement of elements]

При определении значения t_{zi} следует в первую очередь учитывать особенности структуры объекта, в состав которого входит i -й элемент, условия его эксплуатации, периодичность контроля его работоспособности, задачи, решаемые объектом (Анисимов и др., 2016; Афонин, Афонин, Шележонкова, 2016; Казакова, Астанков, Черных, 2015). Так, если в сложной технической системе имеется несколько одинаковых функциональных элементов, выполняющих одни и те же функции, то при определении параметра ω_i следует учитывать не один, а все элементы i -го типа. Аналогично, если в сложной большой системе имеется несколько объектов, выполняющих одинаковые функции и содержащих рассматриваемые элементы i -го типа, то необходимо также при определении ω_i учитывать количество таких объектов.

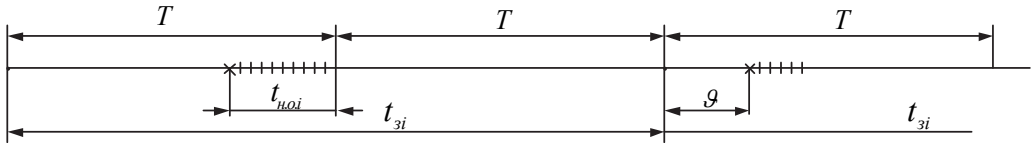
Рассмотрим более подробно факторы и показатели, учитываемые при оценке целесообразности предупредительных замен элементов в ТС ТК на примере проведения первой замены, так как далее процесс повторяется.

Наиболее типичным комплексом факторов, характеризующих условия целесообразности предупредительных замен элементов, является следующий (Авдеев и др., 2001; Анисимов и др., 2016):

- при поступлении заявки на применение ТС ТК и обнаружении отказа i -го элемента допустимого времени восстановления работоспособности недостаточно для выполнения работ методом замены элемента ($t_{vi} > t_{в доп}$);

– отказы ТС ТК обнаруживаются только при контроле ее работоспособности через плановый межпроверочный интервал времени T или неплановый интервал времени ϑ с момента окончания плановой проверки до момента поступления заявки на подготовку и применение ТС ТК (рис. 3);

– плановые замены организационно совмещаются с техническими обслуживаниями и плановыми проверками работоспособности ТС ТК.

Рис. 3. Временная диаграмма контроля работоспособности и предупредительных замен элементов:

× – момент отказа i -го элемента; $t_{n,oi}$ – длительность нахождения ТС ТК в состоянии необнаруженного отказа

[Figure 3. The timing diagram of health monitoring and preventive replacement of elements:

× – the moment of failure of the i -th element, $t_{n,oi}$ – the duration of the TC TC in the state of undetected failure]

В соответствии с рис. 3 интервал времени t_{zi} содержит

$$n_{Ti} = \frac{t_{zi}}{T} \quad (3)$$

межпроверочных интервалов времени T . Если вероятность отказа ТС ТК из-за отказа i -го элемента на интервале $T - Q_i(T)$, то среднее число интервалов T с отказами составит

$$n_{отк.i} = Q_i(T) \cdot n_{Ti} \text{ или } n_{отк.i} = Q_i(T) \frac{t_{zi}}{T}. \quad (4)$$

Заметим, что выражение (3) соответствует случаю, когда замена элемента производится в момент времени t_{oi} . Для случая замены элемента по истечении времени $T_{zi} = t_{oi} + t_{zi}$ для интервала t_{zi} будем иметь

$$n_{отк.i}^o = Q_i^o(T) \frac{t_{zi}}{T}, \quad (5)$$

где $Q_i^o(T) > Q_i(T)$.

На основании выражений (3)–(5) можно определить вероятность попадания заявки на интервал времени T с отказом i -го элемента:

$$\overline{P}_{Zi} = \frac{n_{отк.i}}{n_{Ti}}$$

или

$$\overline{P}_{Zi} = Q_i(T), \quad (6)$$

$$\overline{P}_{Zi}^o = Q_i^o(T). \quad (7)$$

Следует отметить, что предлагаемый способ определения значений $n_{отк.i}$ и $\overline{P}_{Zi}$ не связан с ограничениями величин T и ω_i и в целом проще, чем изложенный в (Анисимов и др., 2004; Балясников, Ведерников и др., 2015; Анисимов и др., 2011).

Так как в случае замены i -го элемента в момент t_{oi} параметр потока его отказов на интервале времени t_{zi} постоянен, то для определения $Q_i(T)$ можно использовать экспоненциальный закон распределения времени безотказной работы:

$$Q_i(T) = 1 - e^{-\omega_i T}. \quad (8)$$

В случае отсутствия предупредительной замены i -го элемента в момент t_{oi} параметр $\omega_i(t) \neq \text{const}$, эта формула также может быть использована путем введения вместо ω_i усредненного значения $\omega_{ср.i} \approx (\omega_{oi} + \omega_{li}) / 2$.

Тогда

$$Q_i^o(T) = 1 - e^{-\omega_{ср.i} T}. \quad (9)$$

Теперь для определения t_{zi} необходимо конкретизировать выражение (2). Для правой части этого выражения можно записать

$$C_i(t_{zi}) = c_{zi} + (c_{pi} + c_{yi})n_{отки}(t_{zi}), \quad (10)$$

где c_{pi} – средняя стоимость ремонта ТС ТК при отказе i -го элемента; c_{yi} – средний ущерб из-за неготовности ТС ТК по причине отказа i -го элемента при его замене в момент времени t_{oi} .

Показатель c_{yi} можно определить с помощью выражения

$$c_{yi} = u \overline{P}_{Zi}, \quad (11)$$

где u – ущерб от последствий отказа ТС ТК.

Условно можно считать, что отказу ТС ТК соответствует (в условиях жесткого ограничения времени на восстановление работоспособности) необходимость иметь одно резервное ТС ТК, то есть $N_{рез} = 1$ при количестве N ТС ТК в составе комплекса средств технического контроля. При этом допускаем, что вероятность отказа одновременно более одного ТС ТК весьма мала. Тогда

$$u \approx C_{кшм} \frac{N_{рез}}{N}$$

и при $N_{рез} = 1$

$$u \approx \frac{C_{кшм}}{N}. \quad (12)$$

В случае отсутствия предупредительной замены i -го элемента в момент t_{oi} используется показатель

$$c_{yi}^o = u \overline{P_{Zi}^o}. \quad (13)$$

Левая часть выражения (2) представляется соотношением

$$C_i^o(t_{oi}, t_{li}) = (c_{pi} + c_{yi}^o) n_{отки}^o(t_{zi}). \quad (14)$$

Теперь выражение (2) с учетом выражений (10, 14, 4, 5, 8, 9) получим в более развернутом виде

$$c_{zi} + (c_{pi} + c_{yi}) \frac{t_{zi}}{T} = (c_{pi} + c_{yi}^o) \frac{t_{zi}}{T} (1 - e^{-\omega_{cpoi} T}).$$

Отсюда после несложных преобразований получим выражение для t_{zi} :

$$t_{zi} = T \frac{c_{zi}}{\Delta C}, \quad (15)$$

где
$$\Delta C = (1 - e^{-\omega_{cp,i} T})(c_{pi} + c_{yi}^o) - (1 - e^{-\omega_{oi} T})(c_{pi} + c_{yi}). \quad (16)$$

При расчетах для определения t_{zi} применительно к ТС ТК необходимо учитывать следующее.

1. Так как в общем в состав ТС ТК входит N технических средств, каждое из которых, как правило, имеет элемент i -го типа, то в выражении (16) следует вместо показателей ω_{oi} и $\omega_{cp,i}$ использовать $\omega_{oi}^* = N\omega_{oi}$ и $\omega_{cp,i}^* = N\omega_{cp,i}$ соответственно.

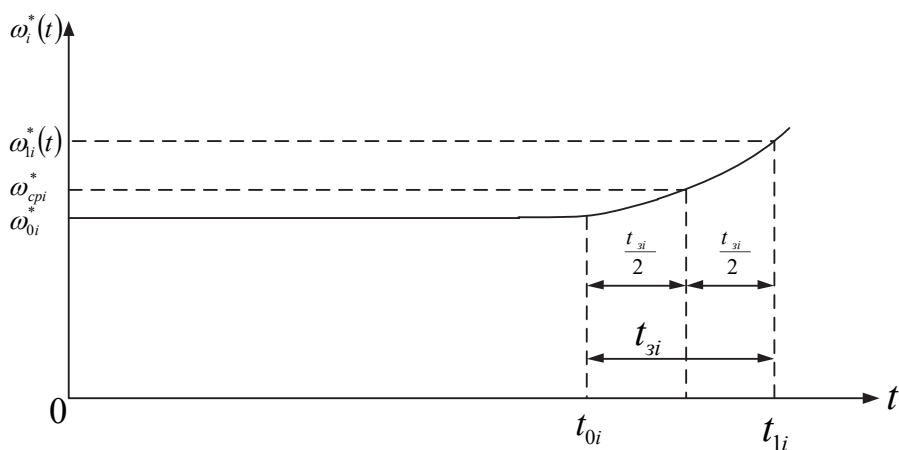
2. Поскольку значение $\omega_{cp,i}$, соответствующее искомому показателю t_{zi} , неизвестно, то необходимо, последовательно задавая значения $\omega_{cp,i} > \omega_{oi}$, определить t_{zi} . Расчеты заканчиваются, если по известным (спрогнозированным) данным найденному значению t_{zi} будет соответствовать примерно то же значение $\omega_{cp,i}^*$, которое использовалось при расчетах.

3. При этом известные статистические (спрогнозированные) данные для $\omega_i(t)$ переводят в зависимость $\omega_i^*(t) = \omega_i(t)N$.

На графике зависимости $\omega_i^*(t)$ по найденному значению t_{zi} определяется для $t_{oi} + t_{zi}/2$ величина $\omega_{cp,i}^*$. Если $\omega_{cp,i}^* = \omega_{cp,i}^*(расч.)$, то найденное t_{zi} является окончательным, то есть граничным значением $t_{zi}^{гп}$. Поэтому предупредительную замену следует назначать в момент $T_{zi}^{гп} = t_{oi} + t_{zi}^{гп}$.

4. Проверка результатов расчета поясняется с помощью рис. 4. Подобную зависимость целесообразно использовать при задании значения $\omega_{cp,i}^*$ на

каждом очередном шаге расчетов. Если $\omega_{\text{ср.}i(\text{расч.})}^*$ для найденного значения $T_{zi} = t_{oi} + t_{zi}/2$ меньше значения $\omega_{\text{ср.}i}^*$ на графике, то на очередном шаге расчетов следует задать большее значение $\omega_{\text{ср.}i(\text{расч.})}^*$ (и наоборот, если $\omega_{\text{ср.}i(\text{расч.})}^* > \omega_{\text{ср.}i(\text{на графике})}^*$, то $\omega_{\text{ср.}i(\text{расч.})}^*$ следует уменьшить).

Рис. 4. Пояснение проверки обоснованности рассчитанного значения $t_{zi}^{\text{ГР}}$

[**Figure 4.** The explanation of the validity of the calculated value $t_{zi}^{\text{ГР}}$]

Рассмотренные положения по предупредительным заменам функциональных элементов ТС ТК позволят обоснованно определять их состав и сроки проведения таких замен. Это будет способствовать качеству эксплуатационной документации на стадии создания ТС ТК и корректировке сроков замен на основании сбора статистических данных в процессе эксплуатации.

Благодарности и финансирование. Исследование выполнено при поддержке Проекта 5–100 Российского университета дружбы народов.

Список литературы

- Авдеев М.М. и др.* Информационно-статистические методы в управлении микроэкономическими системами / Международная академия информатизации. СПб. – Тула, 2001. 139 с.
- Анисимов В.Г., Анисимов Е.Г. и др.* Математические методы и модели в экономическом и таможенном риск-менеджменте. СПб.: Информационный издательский учебно-научный центр «Стратегия будущего», 2016. 236 с.
- Анисимов В.Г., Анисимов Е.Г. и др.* Методы и модели оптимизации в управлении развитием сложных технических систем. СПб., 2004. 279 с.
- Анисимов В.Г., Анисимов Е.Г. и др.* Применение математических методов при проведении диссертационных исследований: учебник. М.: Изд-во Российской таможенной академии, 2011. 514 с.
- Анисимов В.Г., Анисимов Е.Г., Богоева Е.М.* Формализация процедуры риск-ориентированного подхода при выполнении государственными органами контрольных функций // *Вестник Российской таможенной академии*. 2014. № 4. С. 96–102.

- Анисимов В.Г., Анисимов Е.Г., Богоева Е.М., Сауренко Т.Н., Гарькушев А.Ю.* Методологические основы построения показателей эффективности контрольной деятельности органов государственной власти // Вопросы оборонной техники. Серия 16: Технические средства противодействия терроризму. 2015. № 3–4. С. 17–20.
- Анисимов В.Г., Анисимов Е.Г., Родионова Е.С., Сауренко Т.Н.* Стохастическая модель для оценки эффективности управления таможенными рисками // Управленческое консультирование. 2016. № 9 (93). С. 83–94.
- Астанков А.А., Симонова М.А., Черных А.К.* О прогнозировании эффективности применения инновационных технических решений и технологий в интересах обеспечения безопасности на транспорте // Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России. 2015. № 3. С. 25–31.
- Афонин Д.Н., Афонин П.Н., Шележонкова А.В.* Применение рентгеновских сканеров персонального досмотра для выявления наркокурьеров // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2016. № 4 (60). С. 27–31.
- Афонин П.Н., Денисова Е.Н., Мютте Г.Е.* Повышение качества таможенных услуг на таможенно-логистических терминалах // Российское предпринимательство. 2012. № 8 (106). С. 138–144.
- Афонин П.Н., Кондрашова В.А., Мютте Г.Е.* Управление государственным контролем в пограничных пунктах пропуска при реализации таможенных услуг // Управление экономическими системами. 2012. № 4 (40). С. 96.
- Балясников В.В., Ведерников Ю.В. и др.* Модель причинного анализа на основе использования данных об особых ситуациях // Вопросы оборонной техники. Серия 16: Технические средства противодействия терроризму. 2015. № 1–2. С. 31–38.
- Казакова Н.Р., Астанков А.А., Черных А.К.* Подходы к оценке эффективности внедрения новых технических решений и технологий для обеспечения безопасности на объектах нефтегазового комплекса // Вопросы оборонной техники. Серия 16: Технические средства противодействия терроризму. 2015. № 7–8 (85–86). С. 52–56.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 07 марта 2019

Дата проверки: 15 апреля 2019

Дата принятия к печати: 30 мая 2019

Для цитирования:

Бондаренко С.О., Сауренко Т.Н., Гапов М.Р., Шакун Е.Н. Обоснование предупредительных замен элементов технических средств таможенного контроля // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2019. Т. 27. № 2. С. 269–279. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-2-269-279>

Сведения об авторах:

Бондаренко Сергей Олегович – кандидат технических наук, донец кафедры автоматизированного управления Михайловской военной артиллерийской академии. E-mail: bond_piter@mail.ru

Сауренко Татьяна Николаевна – доктор экономических наук, заведующая кафедрой таможенного дела экономического факультета Российского университета дружбы народов. E-mail: tanya@saurenko.ru

Гапов Мурат Романович – кандидат экономических наук, заместитель министра экономического развития Карачаево-Черкесской Республики. E-mail: mgapov@gmail.com

Шакун Екатерина Николаевна – аспирант кафедры таможенного дела экономического факультета Российского университета дружбы народов. E-mail: shakun-en@rudn.ru

Justification of the warning replacement of the elements of technical means of customs control

Sergey O. Bondarenko¹, Tatiana N. Saurenko²,
Murat R. Gapov³, Ekaterina N. Shakun²

¹Mikhailovsky Military Artillery Academy

22 Komsomola St., Saint Petersburg, 195009, Russian Federation

²Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

³Ministry of Economic Development of the Karachay-Cherkess Republic

23 Komsomolskaya St., Cherkessk, 369000, Russian Federation

Abstract. The effectiveness of customs control of goods transported across the customs border to a significant extent depends on the reliability of the technical means of customs control. The reliability of their functioning is ensured by the timeliness of preventive replacements of the elements of these means. The random nature of the failures of these elements and their relatively high cost make it necessary to thoroughly justify the terms of preventive replacements. The justification of the terms of replacements presupposes the existence of an appropriate scientific methodological apparatus. The development of this apparatus is the goal of this article. The scientific and methodological provisions developed in the article will make it possible to reasonably determine the replacement times and the composition of the replaced elements of the technical means of customs control. Their use will reduce the cost of maintaining the technical means of customs control in working condition. At the stage of creating the technical means of customs control, it will improve the quality of the operational documentation, and in the course of their operation, based on the collection and processing of relevant statistical data, will allow for a reasonable correction of the replacement time.

Keywords: precautionary replacements; workable elements; parameter of the flow of failures; interesting intervals of time

Acknowledgements and Funding. The publication was prepared with the support of the RUDN University Program 5–100.

References

- Afonin D.N., Afonin P.N., Shelezhonkova A.V. (2016). Primenenie rentgenovskikh skanerov personal'nogo dosmotra dlya vyyavleniya narkokur'erov [The use of X-ray personal scanners scanner to identify drug couriers]. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V.B. Bobkova filiala Rossiiskoi tamozhennoi akademii*, 4(60), 27–31. (In Russ.)
- Afonin P.N., Denisova E.N., Myutte G.E. (2012). Povyshenie kachestva tamozhennykh uslug na tamozhenno-logisticheskikh terminalakh [Improving the quality of customs services at the customs and logistics terminals]. *Rossiiskoe predprinimatel'stvo*, 8(106), 138–144. (In Russ.)
- Afonin P.N., Kondrashova V.A., Myutte G.E. (2012). Upravlenie gosudarstvennym kontrol'em v pogranichnykh punktakh propuska pri realizatsii tamozhennykh uslug [Management of state control at border crossing points in the implementation of customs services]. *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami*, 4(40), 96. (In Russ.)

- Anisimov V.G., Anisimov E.G. et al. (2004). *Metody i modeli optimizatsii v upravlenii razvitiem slozhnykh tekhnicheskikh system* [Methods and models of optimization in managing the development of complex technical systems]. Saint Petersburg. 279 p. (In Russ.)
- Anisimov V.G., Anisimov E.G. et al. (2011). *Primenenie matematicheskikh metodov pri provedenii dissertatsionnykh issledovaniy: uchebnik* [The use of mathematical methods for dissertation research: a textbook]. Moscow: Rossiiskaya tamozhennaya akademiya Publ. 514 p. (In Russ.)
- Anisimov V.G., Anisimov E.G. et al. (2016). *Matematicheskie metody i modeli v ekonomicheskom i tamozhennom risk-menedzhmente* [Mathematical methods and models in economic and customs risk management]. Saint Petersburg, Informatsionnyi izdatel'skii uchebno-nauchnyi tsentr "Strategiya budushchego". 236 p. (In Russ.)
- Anisimov V.G., Anisimov E.G., Bogoeva E.M. (2014). Formalizatsiya protsedury risk-orientirovannogo podkhoda pri vypolnenii gosudarstvennymi organami kontrol'nykh funktsii [Formalization of the procedure of risk-based approach in the performance of control functions by state bodies]. *Vestnik Rossiiskoi tamozhennoi akademii*, (4), 96–102. (In Russ.)
- Anisimov V.G., Anisimov E.G., Bogoeva E.M., Saurenko T.N., Garkushev A.Y. (2015). Metodologicheskie osnovy postroeniya pokazatelei effektivnosti kontrol'noi deyatel'nosti organov gosudarstvennoi vlasti [Methodological basis for the construction of indicators of the effectiveness of control activities of state authorities]. *Voprosy oboronnoi tekhniki. Seriya 16: Tekhnicheskie sredstva protivodeistviya terrorizmu*, (3–4), 17–20. (In Russ.)
- Anisimov V.G., Anisimov E.G., Rodionova E.S., Saurenko T.N. (2016). Stokhasticheskaya model' dlya otsenki effektivnosti upravleniya tamozhennymi riskami [Stochastic model for assessing the effectiveness of customs risk management]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, 9(93), 83–94. (In Russ.)
- Astankov A.A., Simonova M.A., Chernykh A.K. (2015) O prognozirovanii effektivnosti primeneniya innovatsionnykh tekhnicheskikh reshenii i tekhnologii v interesakh obespecheniya bezopasnosti na transporte [On forecasting the effectiveness of the use of innovative technical solutions and technologies in the interests of ensuring safety in transport]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta Gosudarstvennoi protivopozharnoi sluzhby MChS Rossii*, (3), 25–31. (In Russ.)
- Avdeev M.M. et al. (2001). *Informatsionno-statisticheskie metody v upravlenii mikroekonomicheskimi sistemami* [Information and statistical methods in the management of microeconomic systems]. Saint Petersburg, Tula. 139 p. (In Russ.)
- Balyasnikov V.V., Vedernikov Yu.V. et al. (2015). Model' prichinnogo analiza na osnove ispol'zovaniya dannykh ob osobykh situatsiyakh [Model of causal analysis based on the use of data on special situations]. *Voprosy oboronnoi tekhniki. Seriya 16: Tekhnicheskie sredstva protivodeistviya terrorizmu*, (1–2), 31–38. (In Russ.)
- Kazakova N.R., Astankov A.A., Chernykh A.K. (2015). Podkhody k otsenke effektivnosti vnedreniya novykh tekhnicheskikh reshenii i tekhnologii dlya obespecheniya bezopasnosti na ob"ektakh neftegazovogo kompleksa [Approaches to assessing the effectiveness of introducing new technical solutions and technologies for ensuring security at oil and gas facilities]. *Voprosy oboronnoi tekhniki. Seriya 16: Tekhnicheskie sredstva protivodeistviya terrorizmu*, 7–8(85–86), 52–56. (In Russ.)

Article history:

Received: 07 March 2019

Revised: 15 April 2019

Accepted: 30 May 2019

For citation:

Bondarenko S.O., Saurenko T.N., Gapov M.R., Shakun E.N. (2019). Justification of the warning replacement of the elements of technical means of customs control. *RUDN Journal of Economics*, 27(2), 269–279. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-2-269-279>

Bio notes:

Sergey O. Bondarenko – Cand. Sc. (Tech.), Associate Professor, Department of Automated Management, Mikhailovsky Military Artillery Academy. E-mail: bond_piter@mail.ru

Tatiana N. Saurenko – Dr. Sc. (Econ.), Head Department of Customs, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: tanya@saurenko.ru

Murat R. Gapov – Cand. Sc. (Econ.), Deputy Minister of Economic Development of the Karachay-Cherkess Republic. E-mail: mgapov@gmail.com

Ekaterina N. Shakun – postgraduate student, Department of Customs, Faculty of Economics, Peoples Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: shakun-en@rudn.ru

DOI 10.22363/2313-2329-2019-27-2-280-289
УДК 338.43

Научная статья

Теоретические и методологические основы организации кормопроизводства

О.В. Егорова

Институт экономики Национальной академии наук Беларуси
Республика Беларусь, 220072, Минск, ул. Сурганова, д. 1, корп. 2

Статья посвящена проблемам повышения эффективности сельскохозяйственной деятельности. Цель данного исследования заключается в раскрытии теоретических и определении методологических аспектов организации производства кормов. Изучены основные взгляды на определение понятий «кормопроизводство» и «кормовая база», а также их взаимосвязь в сельском хозяйстве. На основе системного подхода выявлены основные факторы, влияющие на эффективность системы сельскохозяйственного производства кормов для крупного рогатого скота. Обоснованы ключевые критерии повышения эффективности кормопроизводства в процессе формирования кормовой базы. Анализ показывает, что кормопроизводство как отрасль сельского хозяйства не является замкнутой системой. Уровень экономического развития и формирование кормовой базы определяются не только внутренними, но и внешними факторами, организация правильного взаимодействия которых выступает в качестве исходной платформы ускорения научно-технического прогресса в данной отрасли и повышения уровня развития сельского хозяйства.

Ключевые слова: животноводство; кормопроизводство; кормовая база; продуктивность; факторы; эффективность

Введение

Важнейшим фактором развития отрасли животноводства является прежде всего фактор кормления. По оценкам ученых, продуктивность крупного рогатого скота на 60–70 % обеспечивается кормлением (на 25–30 % обусловлена генетическим потенциалом породы и на 10–15 % условиями содержания) (Векленко, 1990), поэтому эффективное использование кормов предопределяет рентабельность животноводства, так как доля кормов в себестоимости животноводческой продукции составляет порядка 50–60 %. Именно слабая кормовая база является основной причиной недостаточного уровня показателей продуктивности в животноводстве (Бердников, 1975). Следовательно, рациональное решение проблем обеспечения и самообеспечения кормами является приоритетным в развитии отрасли, снижении себестоимости и повышении конкурентоспособности продукции.

© Егорова О.В., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

В исследовании основ формирования и развития кормопроизводства первичную актуальность приобретают обобщение подходов к определению сущностного содержания понятий «кормовая база», «кормопроизводство» и уточнение их взаимосвязи. Факторы, оказывающие влияние на кормопроизводство, обусловлены в первую очередь особенностями ведения отрасли, поэтому в процессе создания устойчивой кормовой базы, способной как на среднесрочную, так и на отдаленную перспективу сохранять свою эффективность, необходимо учитывать их положительное и отрицательное воздействие.

Методы и подходы

Теоретической и методологической основой данного исследования послужили труды белорусских и зарубежных ученых. При исследовании использовались методы сравнения и обобщения, а также табличный метод.

Во многих источниках понимание кормопроизводства и формирования кормовой базы сводится к отождествлению. Как показывает проведенный анализ публикаций, в современной научной литературе встречается множество подходов к определению кормовой базы в зависимости от заложенного в основу акцента на предназначение и целенаправленность данного понятия (табл. 1).

Таблица 1

Подходы к определению понятия «кормовая база»
[Table 1. Approaches to the definition of the concept of food supply]

Подход, определяющий сущность термина	Интерпретация термина
Экономический	<p>Объем и структура кормов, необходимых для развития той или иной отрасли животноводства. Процессы систем производства, хранения и использования кормов характеризуют формирование и развитие кормовой базы и ее организации (Гусаков, Дереза, 2008)</p> <p>Система приемов и методов по производству, хранению и расходованию кормов с учетом уровня продуктивности животных, обеспечивающая все виды скота достаточным количеством необходимых питательных веществ (Коваленко, 1999)</p> <p>Размеры и состав источников поступления кормов, их объем, ассортимент, качество, а также организация производства, заготовки, хранения и использования (Гайдук, Бершицкий, Шибанихин, 2006)</p>
Агрономический	<p>Запас кормов для животноводства и источники их получения, которыми располагает хозяйство, область, район и т. д., включая корма с естественных и сеяных сенокосов и пастбищ; посеvy полевых кормовых культур на сено, силос, фуражное зерно, зеленый и сочный корм; гуменные и полевые отходы (солома, мякина, ботва корнеплодов и др.) (Большая советская энциклопедия, 2008)</p>
Зоотехнический	<p>Запас кормов сельскохозяйственного или промышленного производства, предназначенный для удовлетворения физиологических потребностей сельскохозяйственных животных в обменной энергии, протеине, углеводах, жирах, минеральных веществах, витаминах и других питательных веществах (Буряков, 2016)</p>

Источник: составлено автором.

В ходе сравнительного анализа приведенных выше определений отмечаем разнонаправленную сущность кормовой базы. С зоотехнической стороны она характеризуется составом, качеством кормов применительно к особенностям и физиологическим требованиям отдельных видов и групп живот-

ных, с агрономической – выращиванием кормовых культур, их размещением в севооборотах и урожайностью, а также охватывает вопросы повышения продуктивности естественных сенокосов и пастбищ. В качестве экономической категории кормовая база рассматривается прежде всего как потенциал или ресурс, которым располагает предприятие для обеспечения животноводства кормами, совокупность кормовых средств и уровень их использования. Тем не менее в данном контексте следует привести уточнение В.Г. Гусакова и Е.И. Дерезы: «процессы систем производства, хранения и использования кормов характеризуют формирование и развитие кормовой базы и ее организации» (Гусаков, Дереза, 2008).

В данной связи считаем справедливым утверждение, что кормовая база хозяйства – это рациональное соотношение источников поступления, объемов, ассортимента и качества кормов, а также экономические отношения в процессе организации их производства, заготовки хранения и использования. Кормопроизводство является значимым элементом кормовой базы.

Кормопроизводство как основное звено кормовой базы

В отношении предметности данного понятия среди отечественных и зарубежных ученых разворачивается дискуссия – по мнению одних авторов, кормопроизводство рассматривается только как система мероприятий по производству кормов. Мнения других авторов сходятся в том, что кормопроизводство является отдельной самостоятельной отраслью сельского хозяйства.

А.В. Гааг и А.П. Пичугин определяют кормопроизводство как интегрированную систему ведения сельского хозяйства совместно с животноводством, неразрывно связанную с растениеводством (Гааг, Пичугин, 2015).

Б.И. Яковлев и В.Б. Яковлев подчеркивают, что кормопроизводство – это основное звено кормовой базы, которое представляет собой систему агротехнических и организационно-экономических мероприятий по производству и заготовке кормов с учетом конкретных условий сельскохозяйственно-го предприятия (Яковлев, 2005).

А.А. Шелюто, Ф.К. Шакиров и В.Н. Ариничев понимают под кормопроизводством научно обоснованную систему организационно-хозяйственных и технологических мероприятий по производству, переработке и хранению кормов, выращиваемых на пашне, сенокосах и пастбищах (Шелюто, Шакиров, Ариничев, 2013)

Мнения других ученых сходятся в том, что кормопроизводство следует рассматривать как отдельную отрасль сельского хозяйства, которая занимается производством, заготовкой и хранением различных видов кормов, получаемых на сеяных и естественных кормовых угодьях, а также на пашне. В.М. Косолапов, И.А. Трофимов, Н.В. Парахин, И.В. Кобозев, И.В. Горбачев, В.В. Бердников, В.Б. Богданов, А.А. Шутьков считают, что это самая масштабная и многофункциональная отрасль сельского хозяйства, оказывающая существенное влияние на решение ключевых проблем развития растениеводства, земледелия и животноводства, а также рационального природопользования, сохранения ценных сельскохозяйственных угодий, воспроизводства плодородия почв, улучшения экологического состояния территории и охраны окружающей среды.

Учитывая вышеперечисленные подходы и мнения авторов, кормопроизводство можно определить как сельскохозяйственную отрасль, которая включает организационные, технические и технологические мероприятия, направленные на получение определенного объема и состава кормов от внутрихозяйственных источников, в основе которой лежит использование плодородия почв.

В сложной системе организации кормовой базы выделяют несколько производственных подсистем. В связи с этим считаем, что эффективность кормовой базы сельскохозяйственных организаций непосредственно зависит от результативности каждого уровня при формировании кормовой базы. Конечная же эффективность определяется выходом животноводческой продукции, которая в свою очередь зависит от уровня кормления и сбалансированности рационов по всем необходимым питательным веществам (табл. 2).

Таблица 2

Система организации кормовой базы
[Table 2. System of organization of food supply]

Уровни формирования кормовой базы	Направления производства	Факторы эффективности кормовой базы	Критерии повышения эффективности
1. Кормообеспечение: – сельскохозяйственное кормопроизводство на основе внутрихозяйственных источников; – кормообеспечение на основе внехозяйственных источников (кормодобычание)	Полевое производство кормов, луговое производство кормов, покупка, обмен	1. Обеспеченность сельскохозяйственными, оснащенность техникой, обеспеченность трудовыми ресурсами. 2. Выход кормовых единиц с 1 га кормовой площади (кормовых культур), ц корм. ед. / га. 3. Содержание перевариваемого протеина в 1 корм. ед., г. 4. Производительность труда	Рациональное соотношение различных источников поступления кормов. Минимизация отрицательного влияния климатических изменений на возделывание кормовых культур. Эффективное использование трудовых ресурсов
2. Кормоприготовление	Доработка, переработка, приготовление		Эффективные автоматизация и совершенствование технологических процессов, использование трудовых ресурсов.
3. Кормоиспользование	Прямое использование	Производство на 1 га кормовой площади валовой продукции животноводства (в натуральном или денежном выражении). Оплата корма продукцией (отношение стоимости продукции, получение которой обеспечивается кормовой базой, к стоимости кормов)	Эффективные способы употребления исходного кормового сырья, рациональное межотраслевое и внутрихозяйственное распределение готовых кормов. Эффективное использование трудовых ресурсов

Источник: составлено автором.

Оценка конечной экономической эффективности кормовой базы направлена на расчет:

- прибыли, обеспечиваемой кормовой базой и представляющей собой кормовой эффект за вычетом стоимости кормов;
- рентабельности использования кормовой базы (стоимость продукции, обеспечиваемой кормами, составляющими кормовую базу, крупный рогатый скот, за вычетом потерь по ценности животных, вызываемых несбалансированным кормлением).

Основные факторы кормопроизводства

В центре внимания теоретического анализа находится сельскохозяйственное кормопроизводство, так как оно представляет наибольший интерес, являясь частью кормообеспечения, поскольку его конечный продукт – исходное сырье для кормоиспользования – имеет определяющее значение для животноводства.

Мы разделяем мнение тех ученых, которые утверждают, что необходимы принципиальные новые подходы к организации, планированию и совершенствованию кормопроизводства. Для выявления возможностей повышения эффективности кормопроизводства, результативности организации и развития устойчивой кормовой базы сельского хозяйства необходимо обеспечить комплекс условий, которые выступают в качестве предпосылок и основных факторов. По нашей оценке, такими условиями в общем случае являются:

- агроклиматическая среда;
- производственно-техническое обеспечение;
- научно обоснованные нормативы возделывания и использования кормовых ресурсов;
- обеспечение трудовыми ресурсами;
- информационное обеспечение.

Таблица 3

Совокупность факторов сельскохозяйственного кормопроизводства
[Table 3. Groups of feed production factors]

Группа факторов	Факторы	Меры в управлении производством
Природно-биологические	Климат, виды и типы почв, рельеф, водный режим, виды и сорта кормовых культур	Формирование финансовых и ресурсных резервов для снижения рисков. Разработка адаптивной системы процессов на основе индивидуального подхода, ограничение в использовании типовых отраслевых моделей, применение инструментов сценарного моделирования.
Экологические	Состояние окружающей среды (загрязнение территорий радионуклидами), система мероприятий по борьбе с загрязнением почвы, воды, воздуха	Учет биологических особенностей производства и хранения кормов при внедрении системы управления качеством, применение инструментов гибкого бюджетного планирования. Планирование долговременных процессов, направленных на сохранение и приумножение плодородия земель, биологизация земледелия
Технические	Обеспеченность основными средствами, трудовыми ресурсами, средствами производства – машинами, оборудованием, химическими консервантами	Актуализация технологических карт, регулярная диагностика процессов возделывания культур с целью корректировки норм внесения удобрений, ядохимикатов, рационов кормления. Разработка матричной организационной
Технологические	Система агротехнических мероприятий в полевом кормопроизводстве, севообороты, семеноводство, мелиорация, удобрения, система агротехнических мероприятий в лугопастбищном хозяйстве, химизация, комплексная механизация, многукосное использование многолетних трав	структуры предприятия (соответствие бизнес-процессам функциональных подразделений). Организация технологического контроля с целью внедрения процессно-ориентированного управления. Применение логистических концепций и маршрутизации продукции, средств связи и коммуникаций

Группа факторов	Факторы	Меры в управлении производством
Организационные	Многоукладность аграрного сектора, законы сочетания отраслей и межотраслевой обмен продукцией, специализация и рациональное размещение производства, организация системы животноводства, нормирование труда, квалификация кадров, трудовая дисциплина	Инкрементальное использование процессно-ориентированного управления, отвечающего масштабам производства. Диспетчеризация деятельности подразделений и персонала с учетом сезонности работ
Экономические	Уровень интенсификации отрасли, формы собственности, производительность труда, стимулирование труда, качество продукции, цены	Наличие процессов внутреннего аудита использования ресурсов, снижение издержек с целью повышения конкурентоспособности и эффективности производства, совершенствование материального стимулирования труда и мотивации работников
Социальные	Демографическая ситуация, развитие социальной инфраструктуры	

Источник: составлено автором.

Реализация и состояние каждого из вышеприведенных условий становятся факторами, которые в той или иной степени оказывают негативное или положительное влияние как на обеспечение поголовья полноценными кормами, так и на эффективное ведение животноводства в целом.

Основные факторы, которые соответствуют вышеприведенной организации формирования кормовой базы и которые необходимо учитывать в экономическом анализе эффективности и обосновании приоритетных направлений развития кормопроизводства, приведены в табл. 3.

Как показывает анализ учебной и научной литературы, все факторы группируются по принадлежности к среде, в которой осуществляется деятельность. К факторам внешней среды относятся компоненты экономической, технологической, социально-правовой, демографической направленностей, внутренняя же среда состоит из совокупности факторов материального, финансового, кадрового обеспечения (Тригубович, 2017). Предлагаемая нами группировка факторов не противоречит общепринятой градации, так как рассматриваемые факторы содержатся и во внутренней, и во внешней средах. Но при этом она отражает структуру целевого воздействия на содержание и направленность развития отрасли с учетом особенностей и специфики ведения сельскохозяйственной деятельности.

Выводы

Современные масштабы производства кормов, используемых хозяйственных ресурсов, особенности техники, технологии и организации труда, специфические свойства и назначение конечной продукции превращают кормопроизводство в самостоятельную комплексную отрасль сельскохозяйственного предприятия, располагающую крупным производственным потенциалом. Как отрасль сельского хозяйства она не является замкнутой системой. Уровень экономического развития кормопроизводства и формирование кор-

мовой базы определяются не только внутренними, но и внешними факторами, организация правильного взаимодействия которых выступает в качестве исходной основы ускорения научно-технического прогресса в данной отрасли и повышения уровня развития сельского хозяйства.

Эффективность кормопроизводства можно отождествить с результативностью производственной деятельности в отрасли. Очевидно, что производство кормов может считаться эффективным, если его объем покрывает потребности животноводства при минимальных затратах денежных средств, трудовых и материальных ресурсов на единицу полученной продукции. Основными показателями результативности кормопроизводства можно считать использование кормовой площади, экономическую оплату израсходованных кормов, включающую эффективность использования различных видов кормов, так как элементарный выбор кормовых культур не исчерпывается полнотой оценки эффективности использования кормовых ресурсов. Расчет же эффективности кормовой базы основан на оценке того потенциала, который она способна обеспечить. В связи с этим совокупность критериев повышения эффективности кормовой базы включает: рациональное соотношение между различными источниками поступления кормов, минимизацию отрицательного влияния климатических изменений на возделывание кормовых культур, эффективное использование трудовых ресурсов, автоматизацию и совершенствование технологических процессов, способы употребления исходного кормового сырья, рациональное межотраслевое и внутрихозяйственное распределение готовых кормов.

Список литературы

- Бердников В.В., Богданов В.Б.* Организация работы бригады и звена по кормопроизводству. М.: Россельхозиздат, 1975. 61 с.
- Большая советская энциклопедия. Том 13. Конда-Кун. 3-е изд. М.: Эксмо, 2008. 2944 с.
- Бураков Н.П.* Чего же хочет корова: условно необходимые микроэлементы или зеленую массу? // *Комбикорма*. 2016. № 3. С. 43–45
- Векленко В.И., Солошенко В.М.* Совершенствование структуры посевных площадей с помощью экономико-математических моделей // *Достижения науки и техники АПК*. 1990. № 12. С. 31.
- Гааг А.В., Пичугин А.П.* К вопросу о рациональном использовании кормовой базы в развитии животноводства региона Сибири // *Вестник НГАУ (Новосибирский государственный аграрный университет)*. 2015. № 1. С. 150–157.
- Гайдук В.И., Бершицкий Ю.И., Шибанихин Е.А., Березенков В.В., Артемова Е.И.* Организационно-экономические аспекты повышения эффективности молочного скотоводства и кормопроизводства. Краснодар: Кубанский ГАУ, 2006. 172 с.
- Гусаков В.Г., Дереза Е.И.* Аграрная экономика: термины и понятия: энциклопедический справочник. Минск: Белорусская наука, 2008. 576 с.
- Коваленко Н.Я.* Экономика сельского хозяйства с основами аграрных рынков: курс лекций. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЭКМОС, 1999. 448 с.
- Косолапов В.М., Трофимов И.А.* Кормопроизводство в сельском хозяйстве России // *Научное обеспечение кормопроизводства и его роль в сельском хозяйстве, экономике, экологии и рациональном природопользовании России: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти академика А.А. Жученко, Лобня, 19–20 июня 2013 г.* М.: Угрешская типография, 2013. С. 19–27.

- Парахин Н.В., Кобозев И.В., Горбачев И.В. и др. Кормопроизводство. М.: КолосС, 2006. 432 с.
- Тригубович Л.Г. Направления развития инновационной сферы Республики Беларусь. Минск: Институт системных исследований в АПК НАН Беларуси, 2017. 235 с.
- Шакиров Ф.К., Ариничев В.Н., Бердников В.В. и др. Организация сельскохозяйственного производства / под ред. Ф.К. Шакирова. М.: КолосС, 2002. 504 с.
- Шелюто А.А. и др. Кормопроизводство с основами ботаники: учебник / под ред. А.А. Шелюто. Минск: ИВЦ Минфина, 2013. 560 с.
- Яковлев Б.И., Яковлев В.Б. Организация производства и предпринимательство в АПК. М.: КолосС, 2005. 409 с.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 29 января 2019

Дата проверки: 05 марта 2019

Дата принятия к печати: 30 мая 2019

Для цитирования:

Егорова О.В. Теоретические и методологические основы организации кормопроизводства // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2019. Т. 27. № 2. С. 280–289. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-2-280-289>

Сведения об авторе:

Егорова Ольга Викторовна – аспирант Института экономики Национальной академии наук Беларуси. E-mail: olga.83@tut.by

Research article

Theoretical and methodological aspects of the formation of an effective forage base

Olga V. Egorova

The Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus
1 Surganova St., bldg. 2, Minsk, 220072, Republic of Belarus

Abstract. This article is devoted to the organization of agricultural production of feed. Studied basic views on the definition of “fodder” and “fodder base”, and their relationship to agriculture. On the basis of the system approach the main factors influencing efficiency of system of agricultural production of forages for cattle are revealed. The criteria for increasing the efficiency of feed production in the process of structuring the formation of the forage base are substantiated. The analysis shows how the agricultural sector is not a closed system. The level of economic development of feed production and the formation of the feed base is determined not only by internal but also external factors, the organization of the correct interaction of which acts as a starting point for accelerating scientific and technological progress in the industry and increasing the level of development of agriculture.

Keywords: animal husbandry; fodder production; fodder base; factors; productivity; efficiency

References

- Berdnikov V.V., Bogdanov V.B. (1975). *Organizatsiya raboty brigady i zvena po kormoproizvodstvu* [The work organization of brigade and fodder production unit]. Moscow, Rossel'khozizdat Publ. 61 p. (In Russ.)
- Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya. T. 13. Konda-Kun* [Great Soviet Encyclopedia. Vol. 13. Konda-Kun]. (2008). Moscow, Eksmo Publ. 2944 p. (In Russ.)
- Buryakov N.P. (2016). Chego zhe khochet korova: uslovno neobkhodimye mikroelementy ili zelenuyu massu? [What does a cow want: conditionally necessary microelements or green mass?]. *Kombikorma*, (3), 43–45. (In Russ.)
- Gaag A.V., Pichugin A.P. (2015). K voprosu o ratsional'nom ispol'zovanii kormovoi bazy v razvitiy zhiivotnovodstva regiona Sibiri [On the issue of rational use of fodder base in the development of animal husbandry in the region of Siberia]. *Vestnik NGAU (Novosibirskii gosudarstvennyi agrarnyi universitet)*, (1), 150–157. (In Russ.)
- Gaiduk V.I., Bershitskii Y.I., Shibanihkhin E.A., Berezenkov V.V., Artemova E.I. (2006). *Organizatsionno-ekonomicheskie aspekty povysheniya effektivnosti molochnogo skotovodstva i kormoproizvodstva* [Organizational and economic aspects of increasing the efficiency of dairy cattle breeding and fodder production]. Krasnodar: Kubanskii GAU Publ. 172 p. (In Russ.)
- Gusakov V.G., Dereza E.I. (2008). *Agrarnaya ekonomika: terminy i ponyati: entsiklopedicheskii spravochnik* [Agrarian economy: terms and concepts: encyclopedic reference book]. Minsk: Belorusskaya nauka Publ. 576 p. (In Russ.)
- Kosolapov V.M., Trofimov I.A. (2013). Kormoproizvodstvo v sel'skom khozyaistve Rossii [Feed production in agriculture of Russia]. *Nauchnoe obespechenie kormoproizvodstva i ego rol' v sel'skom khozyaistve, ekonomike, ekologii i ratsional'nom prirodopol'zovanii Rossii: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati akademika A.A. Zhuchenko, Lobnya, 19–20 June 2013* (pp. 19–27). Moscow, Ugreshskaya tipografiya Publ. (In Russ.)
- Kovalenko N.Y. (1999). *Ekonomika sel'skogo khozyaistva s osnovami agrarnykh rynkov: kurs lektsii* [Agricultural economics with the basics of agrarian markets: course of lectures]. Moscow, EKMOS Publ. 448 p. (In Russ.)
- Parakhin N.V., Kobozev I.V., Gorbachev I.V. et al. (2006). *Kormoproizvodstvo* [Fodder production]. Moscow, KolosS Publ. 432 p. (In Russ.)
- Shakirov F.K., Arinichev V.N., Berdnikov V.V. (2002). *Organizatsiya sel'skokhozyaistvennogo proizvodstva* [The organization of agricultural production]. Moscow, KolosS. 504 p. (In Russ.)
- Shelyuto A.A. (2013) *Kormoproizvodstvo s osnovami botaniki: uchebnik* [Feed production with the basics of botany: textbook]. Minsk, IVTs Minfina Publ. 560 p. (In Russ.)
- Trigubovich L.G. (2017). *Napravleniya razvitiya innovatsionnoi sfery Respubliki Belarus'* [Directions of development of the innovation sphere of the Republic of Belarus]. Minsk, The Institute of System Research in Agroindustrial Complex of NAS of Belarus. 235. (In Russ.)
- Veklenko V.I., Soloshenko V.M. (1990). Sovershenstvovanie struktury posevnykh ploschadei s pomoshch'yu ekonomiko-matematicheskikh modelei [The structure improving of acreage with the help of economic and mathematical models]. *Dostizheniya nauki i tekhniki APK*, (12), 31. (In Russ.)
- Yakovlev B.I., Yakovlev V.B. (2005). *Organizatsiya proizvodstva i predprinimatel'stvo v APK* [Organization of production and entrepreneurship in agriculture]. Moscow, KolosS. 409 p. (In Russ.)

Article history:

Received: 29 January 2019

Revised: 03 March 2019

Accepted: 30 May 2019

For citation:

Egorova O.V. (2019). Theoretical and methodological aspects of the formation of an effective forage base. *RUDN Journal of Economics*, 27(2), 280–289. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-2-280-289>

Bio note:

Olga V. Egorova – postgraduate student, The Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus. E-mail: olga.83@tut.by

DOI 10.22363/2313-2329-2019-27-2-290-302
УДК 334.02

Научная статья

Сотрудничество университетов и бизнеса: направления взаимодействия

А.А. Сидорова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Российская Федерация, 119992, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51

Статья посвящена анализу перспективных направлений кооперации университетов и бизнеса на основе изучения современного российского и зарубежного опыта. Обоснована актуальность расширительного подхода к трактовке сотрудничества вузов и предприятий, в рамках которого предлагается рассматривать сотрудничество университетов и бизнеса не как набор изолированных транзакций в рамках ограниченного круга направлений взаимодействия, а как систему долгосрочных взаимовыгодных отношений с широким спектром возможных видов сотрудничества, которые также могут включать государство и общественные организации. В статье проведен анализ 14 видов совместной деятельности университетов и бизнеса в рамках четырех блоков – образования, исследования, валоризации (коммерциализации знаний и технологий) и управления, которые могут служить основой для разработки системы индикаторов оценки эффективности кооперации вузов и предприятий. Сделан вывод о необходимости корректировки государственной политики в сфере науки и образования с целью уменьшения диспропорции в развитии указанных направлений сотрудничества как в России, так и в Европе.

Ключевые слова: сотрудничество университетов и бизнеса; система высшего образования; трансфер технологий; валоризация; государственное управление

Введение

Построение эффективных отношений сотрудничества между университетами и бизнесом (УБС) позволяет получить различные преимущества не только на уровне отдельно взятых компаний и университетов, но также и на уровне отрасли и государства в целом. Кооперация вузов и предприятий в образовательной деятельности повышает качество подготовки выпускников, так как позволяет прочнее связать знания, навыки и умения обучающихся с потребностями рынка труда, а также способствует трудоустройству выпускников в рамках полученной специальности. Помимо этого, УБС позволяет создавать востребованные программы повышения квалификации для сотрудников компаний, способствуя тем самым реализации принципа обучения в течение всей жизни.

© Сидорова А.А., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

В сфере научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) университеты выступают в качестве партнеров по созданию инноваций. Они не только способствуют росту инновационности и конкурентоспособности бизнеса в долгосрочной перспективе, но также помогают компаниям найти эффективные решения конкретных краткосрочных задач. Сотрудничество с бизнесом дает возможность университетам повысить актуальность своих исследований, а также увеличить количество и качество научных публикаций. Со своей стороны бизнес предоставляет университетам ресурсы (финансовые, человеческие, доступ к собственной инфраструктуре и прочее), необходимые для проведения высококачественных исследований, и возможности практической реализации разработанных в вузе идей. В свою очередь, УБС в области управления позволяет повысить эффективность совместного использования ресурсов (оборудования, инфраструктуры и т.д.).

В сфере коммерциализации инноваций университеты становятся частью инновационной системы региона (некоторые исследователи утверждают, что университеты занимают центральное место в региональной инновационной системе) (Davey, Meerman et al., 2018), выступая источником нового поколения инноваций, компаний спин-офф и стартапов, а также талантливых предпринимателей, включенных в отраслевую цепочку создания ценности. Тем самым УБС способствует созданию новых рабочих мест в инновационных сферах экономики, стимулирует экономический рост и повышение уровня жизни в целом.

Тем не менее на практике редким университетам, компаниям (в особенности малому и среднему бизнесу)¹ и регионам удастся извлечь столько положительных эффектов из своего взаимодействия. Ввиду этого представляется особенно актуальным провести анализ перспективных направлений кооперации университетов и бизнеса, а также выявить существующие барьеры и стимулы для построения эффективного взаимодействия.

Обзор литературы

Наиболее известными моделями, описывающими взаимодействие между университетами, государством и бизнесом, являются модель тройной спирали Г. Ицковица (Ицковиц, 2010) и модель предпринимательского университета Б. Кларка (Кларк, 2011). Несмотря на ряд концептуальных отличий, объединяет данные подходы понимание университета как ключевого актора во взаимодействии с бизнесом и государством, генерирующего новые знания, технологии и формы предпринимательства.

Российские и зарубежные исследователи в своих работах отмечают также важное значение деятельности университета для развития региональных инновационных систем. В частности, вузы рассматриваются в качестве интеллектуального ядра региональных консорциумов (Аперьян, 2012; Kim, Kim, Yang, 2012; Гребенкин, Иванова, 2012). Помимо этого, большое внимание

---

¹ Несмотря на то что малые и средние предприятия составляют 95 % всех компаний в Европе, проблема сотрудничества с бизнесом остается малоизученной (Davey, Meerman et al., 2018).

в литературе уделяется изучению особенностей становления конкретных исследовательских университетов и развитию их взаимоотношений с предприятиями (Крот, 2017), анализу региональной и отраслевой специфики предпринимательства в университетах (Гешко, 2018; Ляпина, 2017; Александрова, Павлова, 2017), рассмотрению закономерностей модернизации системы высшего образования в целом (Карнаух, 2019; Положихина, 2018; Крохмаль, 2018).

Вместе с тем следует отметить недостаточность теоретической базы по вопросам сотрудничества университетов и бизнеса (в том числе – отсутствие терминологического единства), а также некоторую фрагментарность эмпирического материала. Исследователи в большинстве своем фокусируются на вопросах трансфера технологий, не уделяя должного внимания другим сферам взаимодействия вузов и предприятий (Pugh, Lamine et al., 2018). Помимо этого, основной упор в научных публикациях делается на барьерах, препятствующих УБС (недостаточность финансирования, бюрократизация и т.п.), а не на возможных драйверах этого развития (Galan-Muros, Davey, 2017). В большинстве исследований, посвященных проблеме кооперации университетов и бизнеса, подробно рассматривается лишь одна из сторон данного взаимодействия (чаще всего – позиция университета на основе изучения уникальных ситуаций взаимодействия, сложившихся в конкретных вузах), но не проводится анализ системы взаимоотношений вузов и предприятий в комплексе.

Методы и подходы

Среди наиболее серьезных попыток создать комплексную модель сотрудничества университетов и бизнеса (помимо классических моделей Г. Ицковица и Б. Кларка) следует выделить концепцию экосистемы УБС, разработанную группой исследователей во главе с В. Галан-Мьюрос и Т. Дэвеем и выбранную в качестве основы для проведения наиболее крупного на настоящий момент международного исследования в этой сфере – проекта по анализу состояния взаимодействия университетов и бизнеса в Европе, реализованного под эгидой Европейской комиссии в 2016–2017 годах (Davey, Meerman et al., 2018).

В своих работах они широко трактуют сотрудничество между университетами и бизнесом, понимая под ним все виды прямого и косвенного взаимовыгодного сотрудничества между вузами и коммерческими организациями (Galan-Muros, Davey, 2017). Такой подход связан с общей тенденцией к расширению сферы взаимодействия университетов и бизнеса, стимулируемой со стороны государственных и международных институтов. Вызвано это тем, что на сегодняшний момент, несмотря на укрепление связей между вузами и предприятиями в Европе (по сравнению с результатами исследования, проведенного в 2010–2011 годах, университеты упрочили свои позиции и воспринимаются как источник талантливых кадров и предпринимательства, а также являются ключевыми акторами, стимулирующими региональное развитие (Davey T., Meerman A. et al., 2018)), большая часть академического сообщества и коммерческих компаний не взаимодействуют между собой, а та небольшая часть организаций, которая сотрудничает с вузами, ограничивается сферой НИОКР и образованием.

Комплексный подход к УБС, напротив, максимально расширяет сферы взаимодействия университетов и предприятий, включая в них 14 видов деятельности в рамках четырех блоков – образования, исследования, валоризации (коммерциализации знаний и технологий) и управления (Galan-Muros, Davey, 2017). Данный подход представляется особенно актуальным для России в контексте реализации Плана деятельности Министерства науки и высшего образования Российской Федерации на период с 2019 по 2024 год², в котором особое место занимает развитие отношений между вузами и предприятиями. В частности, предполагается проведение институциональных изменений в данной сфере: к 2024 году планируется создание 15 научно-образовательных центров (НОЦ) мирового уровня на основе интеграции университетов и научных организаций и их кооперации с организациями, действующими в реальном секторе экономики, а также создание 14 центров компетенций Национальной технической инициативы (НТИ), обеспечивающих формирование инновационных решений в области сквозных технологий. Ожидается, что к 2024 году в реализации проектов НОЦ и НТИ примут участие порядка 250 крупных российских компаний³. Запланированные реформы призваны привлечь крупный и средний бизнес в сферу университетских НИОКР, а также изменить пропорцию финансирования исследований и разработок. По словам заместителя министра Минобрнауки России Григория Трубникова, приведенным в газете «Коммерсантъ», в настоящее время «государство оплачивает примерно 67 % расходов на исследования и разработки в стране. Лишь 33 % идут из негосударственного сектора. А наша цель – перевернуть эту пропорцию» (Черных, 2018). Помимо этого, предполагается, что на развитие научно-производственной кооперации окажет позитивное воздействие проведение модернизации системы управления в области науки, технологий и инноваций в целом (включая реализацию концепции «квалифицированного заказчика»). Таким образом, всестороннее изучение возможных видов совместной деятельности университетов и коммерческих компаний в комплексе приобретает особую актуальность.

Результаты

Рассмотрим подробнее виды совместной деятельности университетов и бизнеса, структурированные в рамках четырех блоков – образования, исследования, валоризации и управления.

Первый блок – *сотрудничество в образовательной деятельности* – объединяет в себе все виды взаимодействия университетов и бизнеса по по-

---

² План деятельности Министерства науки и высшего образования Российской Федерации на период с 2019 по 2024 год (утв. Минобрнауки России 08.02.2019). URL: https://minobrnauki.gov.ru/ru/documents/card/?id_4=195 (дата обращения: 12.03.2019)

³ В рамках реализации федерального проекта «Развитие научной и научно-производственной кооперации» национального проекта «Наука» (Паспорт федерального проекта «Развитие научной и научно-производственной кооперации» национального проекта «Наука», утвержденный протоколом от 24 декабря 2018 г. № 16 заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам).

воду обучения студентов и сотрудников компаний и включает в себя следующие виды деятельности:

1) совместную разработку учебных планов (фирмы участвуют в создании и модификации учебных планов, модулей, дисциплин, влияют на конкретный набор и содержание курсов в рамках границ образовательных стандартов). Пример – базовая кафедра Яндекса на факультете компьютерных наук НИУ ВШЭ⁴;

2) совместное чтение лекций и руководство написанием итоговых квалификационных работ. Данный вид совместной деятельности университетов и коммерческих компаний широко распространен, однако зачастую не имеет юридического оформления из-за бюрократических сложностей со стороны вуза;

3) мобильность студентов (в рамках производственной практики или совместных проектов бизнеса и университета). Студенты привлекаются к участию в консалтинговых проектах на возмездной (в случае реализации серьезных проектов, в которых также принимают участие опытные эксперты) или безвозмездной со стороны предприятия основе (студенты получают ценный практический опыт, а предприятия – бесплатный совет)⁵;

4) разработку программ дуального обучения. Несмотря на то что реализация программ дуального обучения, которое объединяет в себе теоретическое обучение в стенах вуза и практические занятия на предприятиях, в большей степени характерно для профессиональных образовательных организаций⁶, для вузов подобный опыт организации образовательного процесса также может быть полезным. Одной из стран-лидеров в этом отношении является Германия (в 2014 году порядка 100 тыс. немецких студентов занимались по программам дуального обучения) (Davey, Orazbayeva, 2018). Однако и в России данная проблема находит свое отражение не только в научных публикациях, в которых убедительно доказывается высокое значение дуального обучения для различных отраслей промышленности (Лабутина, Тютюкова и др., 2018; Дудырев, Романова и др., 2018), но и в практической деятельности вузов (например, в рамках договора о сотрудничестве студенты Калининградского казачьего института технологий и дизайна проходят обучение в ГК «Черкизово»)⁷;

⁴ Базовая кафедра Яндекса в НИУ ВШЭ. URL: <https://cs.hse.ru/big-data/yandex/about> (дата обращения: 14.03.2019).

⁵ Например, консалтинговые проекты в рамках магистерской программы «Стратегия развития бизнеса: управление и консалтинг» в НИУ ВШЭ, в рамках которых экспертами выступают студенты второго курса. URL: https://www.hse.ru/ma/osm/sm_project (дата обращения: 14.03.2019)

⁶ В России в 2013–2016 годах был реализован проект «Подготовка рабочих кадров, соответствующих требованиям высокотехнологичных отраслей промышленности, на основе дуального образования», в котором к 2015 году приняло участие 13 пилотных регионов, 105 учебных заведений и 1005 предприятий, 20 899 студентов прошли обучение по программам дуального обучения, разработанным в соответствии с требованиями работодателей (Методические рекомендации по реализации дуальной модели подготовки высококвалифицированных рабочих кадров. М., 2015. URL: http://permtpp.ru/upload/iblock/dfe/metodicheskie-rekomendatsii_dualnoe-obrazovanie_2015.pdf) (дата обращения: 14.03.2019).

⁷ Дуальное обучение // Калининградский казачий институт технологий и дизайна (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего обра-

5) разработку программ дополнительного обучения, повышения квалификации или переквалификации, краткосрочных тренингов для сотрудников коммерческих компаний с учетом потребностей конкретных фирм. В настоящее время практически все российские вузы предлагают программы профессиональной переподготовки и повышения квалификации для сотрудников коммерческих компаний. Крупные компании обычно создают свои корпоративные университеты – Корпоративный университет РЖД⁸, Газпром корпоративный институт⁹ и др. Достаточно распространенной практикой является также реализация краткосрочных проектов по обучению сотрудников компаний или государственных служащих (например, обучающая программа в сфере национальной политики «Реализация государственной национальной политики в субъектах Российской Федерации», реализованная в 2018 году факультетом государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова и Федеральным агентством по делам национальностей РФ).¹⁰ Реже встречается практика заключения долгосрочных отношений сотрудничества вузов и компаний в сфере образования. В этой связи интересен опыт Российского университета дружбы народов (РУДН), заключившего в 2014 году договор о сотрудничестве с Московским аэропортом Домодедово, в рамках которого организуется обучение и переподготовка специалистов Домодедово на базе университета. Помимо этого, в рамках данного соглашения развиваются такие направления взаимодействия, как целевая подготовка студентов РУДН в рамках программы «Приток», а также трудоустройство выпускников университета на предприятия аэропорта¹¹.

Второе направление взаимодействия университетов и бизнеса – *сотрудничество в исследовательской деятельности* – объединяет такие виды совместной деятельности вузов и коммерческих компаний, как:

1) проведение совместных НИОКР, включая все договоренности о сотрудничестве между вузами и бизнесом с целью реализации совместной исследовательской деятельности вне зависимости от источника финансирования. По результатам исследования, проведенного Университетом ИТМО совместно с ОА «РВК» в 2016 году, среднее значение внебюджетной финансовой поддержки НИОКР по университетам¹² составляет около 420 тыс. руб. в расчете на одного НПП (научно-педагогического работника), хотя в лидирую-

---

зования «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет). URL: <http://mgutu-kld.ru/дуальное-обучение/> (дата обращения: 14.03.2019).

⁸ Корпоративный университет РЖД. URL: <http://universitetrzd.ru/> (дата обращения: 14.03.2019).

⁹ Газпром корпоративный институт. URL: <https://institute.gazprom.ru/about/> (дата обращения: 14.03.2019).

¹⁰ В МГУ дан старт обучающей программе в сфере национальной политики. URL: http://www.spa.msu.ru/details_22_4586.html (дата обращения: 16.03.2019).

¹¹ Российский университет дружбы народов заключил договор о сотрудничестве с Московским аэропортом Домодедово. URL: http://www.rudn.ru/media/news/about_rudn/rossiyskiy-universitet-drujby-narodov-rudn-zaklyuchil-dogovor-o-sotrudnichestve-s-moskovskim-aeroportom-domodedovo (дата обращения: 16.03.2019).

¹² В исследовании приняли участие 40 российских университетов – университеты программы НИУ, Проекта 5–100, федеральные университеты.

щих университетах значение превышает миллион рублей, привлеченных на внебюджетные НИОКР в расчете на одного НПП. При этом внебюджетные НИОКР составляют в среднем около 10 % от общего бюджета университета (Биккулов, Бедарева и др., 2016);

2) консалтинговая деятельность, в рамках которой университеты привлекаются к решению конкретных краткосрочных и среднесрочных проблем коммерческих компаний¹³;

3) мобильность персонала, под которой понимается временное движение рабочей силы между вузами и предприятиями с целью реализации различных проектов. В рамках программы мобильности специалисты из бизнеса привлекаются к исследовательской деятельности в университетах (например, адъюнкт-профессорство), а сотрудники университета получают возможность в течение нескольких лет поработать в реальном секторе, продолжая при этом придерживаться выбранной профессиональной траектории (работа в компании в рамках творческого отпуска или официального командирования). Во Франции, например, ученые имеют право в рамках программы мобильности поработать в течение двух лет в другой научной организации, органе государственной власти или коммерческой компании в своей стране или за границей без потери основного рабочего места (Davey, Meerman et al., 2018). Однако на практике профессиональная мобильность является наименее развитой формой УБС в Европе. В Плате деятельности Минобрнауки России с 2019 по 2024 годы также предусмотрено увеличение академической мобильности, но заявленные к достижению индикаторы – место Российской Федерации по глобальному индексу конкурентоспособности талантов и по численности исследователей в эквиваленте полной занятости среди ведущих стран мира (по данным ОЭСР) – не позволяют оценить реальные достижения в этом направлении.

Третье направление сотрудничества университетов и бизнеса – *валоризация* – включает в себя мероприятия по коммерциализации знаний и технологий, полученных в университете. К основным видам деятельности в рамках данного блока следует отнести:

1) коммерциализацию результатов НИОКР, под которой понимается процесс вывода результатов НИОКР на рынок посредством торговли активами интеллектуальной собственности: раскрытие изобретений, патентование, лицензирование, продажа. При этом следует отметить, что лишь очень немногие вузы по всему миру коммерциализируют свои знания и технологии, и, как правило, лишь малая часть УБС строится в расчете получить коммерческую выгоду от коммерциализации результатов НИОКР. В российских исследовательских университетах, согласно данным Мониторинга эффективности инновационной деятельности университетов России, один объект интеллектуальной собственности приходится в среднем на четырех НПП, а международные патенты есть у 12 университетов из 40 (в среднем 1–2 патента на вуз, у лидера в этом отношении – Томского политехнического уни-

¹³ Например, НИУ ВШЭ реализует краткосрочные консалтинговые проекты для бизнеса (стоимость от 150 до 500 тыс. руб.). URL: <https://ineo.hse.ru/consult> (дата обращения: 16.03.2019).

верситета – 11 патентов) (Биккулов, Бедарева и др., 2016). Коммерциализация результатов НИОКР в европейских университетах также не распространена: порядка 81 % ученых, сотрудничающих с бизнесом, не зарегистрировали ни одного патента на свое собственное изобретение в течение 2017 года (Davey, Meerman et al., 2018). И несмотря на запланированный Минобрнауки России прирост количества патентов на изобретения, полученных с участием организаций – участников НОЦ и центров компетенций НТИ (0,5 тыс. ед. к 2024 г.), временные и организационные издержки процесса защиты прав интеллектуальной собственности, а также специфика оценки результатов деятельности ученых университета (заинтересованность в публикации результатов и получении широкого отклика в научных кругах), являются существенными барьерами увеличения количества патентов;

2) академическое и студенческое предпринимательство – создание спин-офф компаний преподавателями или студентами университета. При этом следует учитывать особенности законодательства, ограничивающие возможности профессоров создавать свой бизнес, ввиду чего сотрудники университетов обычно участвуют только в НИОКР и лицензировании. С этими ограничениями связан тот факт, что создание стартапов студентами встречается значительно чаще.

Четвертое направление совместной деятельности вузов и предприятий – *взаимодействие в сфере управления* – отражает стратегический характер сотрудничества университетов и бизнеса. Среди наиболее значимых видов кооперации следует выделить:

1) участие в управленческой деятельности (членство представителей университета в советах директоров предприятий, и наоборот – членство представителей бизнеса в попечительских советах университетов);

2) совместное использование ресурсов (инфраструктуры, кадров);

3) поддержку со стороны предприятий (пожертвования, спонсорство, стипендиальные программы для преподавателей и студентов) (Davey, Meerman et al., 2018).

Однако в России, как и в Европе, данное направление совместной деятельности развито в наименьшей степени, поскольку требует наличия долгосрочных отношений сотрудничества вузов и предприятий, а также высокой степени их транспарентности.

Заключение

Проведенное исследование подтверждает высокую значимость расширительного подхода к трактовке кооперации вузов и предприятий: важно рассматривать сотрудничество университетов и бизнеса не как набор изолированных трансакций в рамках ограниченного круга направлений взаимодействия, а как систему долгосрочных взаимовыгодных отношений с широким спектром возможных видов сотрудничества, которые также могут включать государство и общественные организации. Помимо рассмотренных в статье формальных видов совместной деятельности необходимо также учитывать широкий спектр неформальных контактов сотрудников университетов и коммерческих фирм. Участие в конференциях, ярмарках вакансий, проведение

ad-hoc консультаций, участие в заседаниях рабочих групп на предприятиях, личные контакты – все это способствует укреплению связей между университетами и бизнесом, хотя и трудно поддается количественной оценке.

Результаты исследования, проведенного в европейских университетах, показали, что ученый, сотрудничающий с предприятием в одной сфере (например, в сфере НИОКР), будет сотрудничать с ним и в других (например, исследователь может пригласить сотрудника предприятия выступить с гостевой лекцией или стать рецензентом выпускной квалификационной работы). Более того, отсутствие прямого взаимодействия ученых с бизнесом не означает, что они не сотрудничают с другими организациями: по статистике, почти 75 % ученых, не сотрудничающих с бизнесом, сотрудничают с правительством или другими общественными организациями (Davey, Meerman et al., 2018). В связи с этим расширительный подход к трактовке сотрудничества университетов и бизнеса приобретает высокую актуальность, позволяя укрепить доверие между сторонами партнерства, упростить организационную сторону взаимодействия, а также служа основой для разработки системы индикаторов оценки эффективности кооперации вузов и предприятий.

Список литературы

- Александрова Л.А., Павлова Е.Н.* Интеграция вузов и сельскохозяйственных предприятий в рамках инновационной квадроспирали // *Аграрный научный журнал*. 2017. № 4. С. 75–80.
- Аперьян В.Е.* Региональные инновационные кластеры с позиций современных тенденций развития // *Экономика. Налоги. Право*. 2012. № 3. С. 4–12.
- Биккулов А.С., Бедарева В.В., Головатова Е.А., Марданов С.А., Михайлова Е.В., Феденева А.А., Яныкина Н.О.* Мониторинг эффективности инновационной деятельности университетов России. М.: АО «РВК», 2016.
- Гешко О.А.* Предпринимательская активность вузов Омского региона // *Креативная экономика*, 2018. Т. 12. С. 2035–2042.
- Гребенкин А.В., Иванова А.В.* Бизнес-инкубирование в университете как ключевое условие формирования малого инновационного предпринимательства в регионе // *Экономика региона*, 2012. №3. С.47-56.
- Дудырев Ф.Ф., Романова О.А., Шабалин А.И.* Дуальное обучение в российских регионах: модели, лучшие практики, возможности распространения // *Вопросы образования*. 2018. № 2. С. 117–138.
- Ицковиц Г.* Тройная спираль. Университеты – предприятия – государство. Инновации в действии / пер. с англ. под ред. А.Ф. Уварова. Томск: Изд-во ТУСУР, 2010.
- Карнаух И.В.* Становление экономики знаний в России: проблемы и пути их решения // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология*. 2019. Т. 21. № 1. С. 66–74.
- Кларк Б.Р.* Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации. М.: Издательский дом ВШЭ, 2011.
- Крот Я.С.* Проблемы создания малых инновационных предприятий в университетской среде // *Инновационное развитие экономики*. 2017. № 3 (39). С. 22–28.
- Крохмаль Л.А.* Трансформация моделей государственной поддержки высшего образования в контексте концепции экономической социодинамики // *Экономика и менеджмент систем управления*. 2018. Т. 30. № 4–1. С. 133–137.

- Лабутина Н.В., Тютюкова И.А., Логунова Н.Ю.* Дуальная модель обучения в условиях взаимодействия с малым и средним бизнесом на примере пищевой и перерабатывающей промышленности АПК // Глобальный научный потенциал. 2018. № 12 (93). С. 84–87.
- Ляпина С.Ю.* Проблемы сотрудничества железных дорог и научных организаций // Мир транспорта. 2017. Т. 15. № 1. С. 242–247.
- Положихина М.А.* Система образования в России с точки зрения формирования человеческого капитала // Экономические и социальные проблемы России. 2018. № 2 (38). С. 8–36.
- Черных А.* Минобрнауки и РАН разделили ответственность // Коммерсантъ. 05.09.2018. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3732303> (дата обращения: 18.10.2018).
- Davey T., Meerman A., Galan Muros V., Orazbayeva B., Baaken T.* The State of University-Business Cooperation in Europe. Final Report. Luxembourg: Publication Office of the European Union. 2018. URL: <https://publications.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/1b03ee59-67a4-11e8-ab9c-01aa75ed71a1/language-en> (дата обращения: 18.10.2018).
- Davey T., Orazbayeva B.* Dual Study Programmes: An effective symbiosis of theory and practice. 2018. URL: https://www.ub-cooperation.eu/pdf/cases/W_Case_Study_Duales_Studium.pdf (дата обращения: 20.10.2018).
- Galan-Muros V., Davey T.* The UBC Ecosystem: Putting Together a comprehensive Framework for University-Business Cooperation // Journal of Technology Transfer. 2017. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007%2Fs10961-017-9562-3> (дата обращения: 20.10.2018).
- Kim Y., Kim W., Yang T.* The effect of the triple helix system and habitat on regional entrepreneurship: Empirical evidence from the U.S. // Research Policy. 2012. No. 41. Pp. 154–166.
- Pugh R., Lamine W., Jack S., Hamilton E.* The entrepreneurial university and the region: what role for entrepreneurship departments? // European Planning Studies. 2018. Pp. 1835–1855. <https://doi.org/10.1080/09654313.2018.1447551>

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 30 мая 2019

Дата проверки: 17 июня 2019

Дата принятия к печати: 28 июня 2019

Для цитирования:

Сидорова А.А. Сотрудничество университетов и бизнеса: направления взаимодействия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2019. Т. 27. № 2. С. 290–302. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-2-290-302>

Сведения об авторе:

Сидорова Александра Александровна – кандидат экономических наук, доцент кафедры теории и методологии государственного и муниципального управления факультета государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. E-mail: Sidorova_A@spa.msu.ru

University-business cooperation: directions of interaction

Alexandra A. Sidorova

Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie gory, bldg. 51, Moscow, 119992, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the analysis of promising areas of university-business cooperation (UBC) based on the study of modern Russian and foreign experience. It justifies the relevance of the broad approach to the interpretation of UBC within which it is proposed to consider cooperation between universities and business not as a set of isolated transactions within a limited range of areas of interaction, but as a system of long-term mutually beneficial relations with a wide range of possible types of cooperation that can also include the state and community organizations. The article analyzes 14 types of joint activities of universities and business within four main blocks – education, research, valorization (knowledge and technology commercialization) and management, which can serve as a basis for developing a system of indicators for assessing the effectiveness of UBC. The conclusion is made about the need to adjust the state policy in the field of science and education in order to reduce the imbalance in the development of these areas of cooperation both in Russia and in Europe.

Keywords: university-business cooperation; system of higher education; technology transfer; valorization; public management

References

- Aleksandrova L.A., Pavlova E.N. (2017). Integraciya vuzov i sel'skohozyajstvennyh predpriyatij v ramkah innovacionnoj kvadrospirali [Integration of universities and agricultural enterprises in the framework of the innovation Quadruple Helix]. *Agrarnyj nauchnyj zhurnal*, (4), 75–80. (In Russ.)
- Aper'yan V.E. (2012). Regional'nye innovacionnye klasteri s pozicij sovremennyh tendencij razvitiya [Regional innovation clusters from the standpoint of current development trends]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo*, (3), 4–12. (In Russ.)
- Bikkulov A.S., Bedareva V.V., Golovatova E.A., Mardanov S.A., Mihajlova E.V., Fedeneva A.A., Yanykina N.O. (2016). Monitoring ehffektivnosti innovacionnoj deyatelnosti universitetov Rossii [Monitoring the effectiveness of innovation activities of Russian universities]. Moscow, AO “RVK” Publ. (In Russ.)
- Chernyh A. (2018, September 5). Minobrnauki i RAN razdelili otvetstvennost' [Ministry of Education and the Russian Academy of Sciences shared responsibility]. *Kommersant*". Retrieved from <https://www.kommersant.ru/doc/3732303>
- Clark B.R. (2011). Sozdanie predprinimatel'skih universitetov: organizacionnye napravleniya transformacii [Creating Entrepreneurial Universities: Organizational Pathways of Transformation]. Moscow, VShE Publ. (In Russ.)
- Davey T., Meerman A., Galan Muros V., Orazbayeva B., Baaken T. (2018). *The State of University-Business Cooperation in Europe. Final Report*. Luxembourg, Publication Office of the European Union. Retrieved from <https://publications.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/1b03ee59-67a4-11e8-ab9c-01aa75ed71a1/language-en>
- Davey T., Orazbayeva B. (2018). *Dual Study Programmes: An effective symbiosis of theory and practice*. Retrieved from https://www.ub-cooperation.eu/pdf/cases/W_Case_Study_Duales_Studium.pdf

- Dudyrev F.F., Romanova O.A., Shabalin A.I. (2018). Dual'noe obuchenie v rossijskikh regionah: modeli, luchshie praktiki, vozmozhnosti rasprostraneniya [Dual education in the Russian regions: models, best practices, distribution opportunities]. *Voprosy obrazovaniya*, (2), 117–138. (In Russ.)
- Etzkowitz H. (2010). Trojnaya spiral'. Universitety – predpriyatiya – gosudarstvo. Innovacii v dejstvii [The Triple Helix. University – Industry – Government. Innovation in Action]. Tomsk: TUSUR Publ. (In Russ.)
- Galan-Muros V., Davey T. (2017). The UBC Ecosystem: Putting Together a comprehensive Framework for University-Business Cooperation. *Journal of Technology Transfer*. Retrieved from <https://link.springer.com/article/10.1007%2Fs10961-017-9562-3>
- Geshko O.A. (2018). Predprinimatel'skaya aktivnost' vuzov Omskogo regiona [Entrepreneurial activity of universities in the Omsk region]. *Kreativnaya ehkonomika*, 12, 2035–2042. (In Russ.)
- Grebenkin A.V., Ivanova A.V. (2012). Biznes-inkubirovanie v universitete kak klyuchevoe uslovie formirovaniya malogo innovacionnogo predprinimatel'stva v regione [Business incubation at the university as a key condition for the formation of small innovative entrepreneurship in the region]. *Ekonomika regiona*, (3), 47–56. (In Russ.)
- Karnauh I.V. (2019). Stanovlenie ehkonomiki znaniy v Rossii: problemy i puti ih resheniya [Formation of the knowledge economy in Russia: problems and their solutions]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Ehkonomika. Ehkologiya*, 21(1), 66–74. (In Russ.)
- Kim Y., Kim W., Yang T. (2012). The effect of the triple helix system and habitat on regional entrepreneurship: Empirical evidence from the U.S. *Research Policy*, (41), 154–166.
- Krohmal' L.A. (2018). Transformaciya modelej gosudarstvennoj podderzhki vysshego obrazovaniya v kontekste koncepcii ehkonomicheskoy sociodinamiki [Transformation of models of state support of higher education in the context of the concept of economic sociodynamics]. *Ehkonomika i menedzhment sistem upravleniya*, 30(4–1), 133–137. (In Russ.)
- Krot Ya.S. (2017). Problemy sozdaniya malyh innovacionnyh predpriyatij v universitetskoj srede [Problems of creating small innovative enterprises in the university environment]. *Innovacionnoe razvitie ehkonomiki*, 3(39), 22–28. (In Russ.)
- Labutina N.V., Tyut'kova I.A., Logunova N.Yu. (2018). Dual'naya model' obucheniya v usloviyah vzaimodejstviya s malym i srednim biznesom na primere pishchevoj i pererabatyvayushchej promyshlennosti APK [The dual model of training in the conditions of interaction with small and medium-sized businesses on the example of the food and processing industry of the agro-industrial complex]. *Global'nyj nauchnyj potencial*, 12(93), 84–87. (In Russ.)
- Lyapina S.Yu. (2017). Problemy sotrudnichestva zheleznyh dorog i nauchnyh organizacij [Problems of cooperation of railways and scientific organizations]. *Mir transporta*, 15(1), 242–247. (In Russ.)
- Polozhihina M.A. (2018). Sistema obrazovaniya v Rossii s tochki zreniya formirovaniya che-lovecheskogo kapitala [The education system in Russia in terms of the formation of human capital]. *Ehkonomicheskie i social'nye problemy Rossii*, 2(38), 8–36. (In Russ.)
- Pugh R., Lamine W., Jack S., Hamilton E. (2018). The entrepreneurial university and the region: what role for entrepreneurship departments? *European Planning Studies*, 1835–1855. <https://doi.org/10.1080/09654313.2018.1447551>

Article history:

Received: 30 May 2019

Revised: 17 June 2019

Accepted: 28 June 2019

For citation:

Sidorova A.A. (2019). University-business cooperation: directions of interaction. *RUDN Journal of Economics*, 27(2), 290–302. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-2-290-302>

Bio note:

Alexandra A. Sidorova – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Theory and Methodology of State and Municipal Administration, Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University. E-mail: Sidorova_A@spa.msu.ru

DOI 10.22363/2313-2329-2019-27-2-303-312
UDC 331.101.6:338.2

Research article

Labor performance as one of the elements of personnel control and management in hotels in Syria

Morhaf Farhan Alhammoud¹, Alexander M. Zobov¹, Hassan Almyshrq²

¹Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

²Al-Baath University
PO Box 77, Homs, Syrian Arab Republic

Abstract. Increased productivity is one of the least studied and challenging aspects of hotel and restaurant business management. The requirement to ensure productivity growth in order to survive and sustain business, including in Syria's resurgent hospitality industry, is becoming increasingly important for managers. The active work of hotel managers in motivating and controlling staff in hotels should be a relevant and popular element in the development of a modern entrepreneurial culture, and better service. This article discusses what service productivity means, especially in the hospitality industry. This is confirmed by a study of the degree of compliance of the respondent hotels, which have become the object of the study, and labor productivity indicators in order to find a suitable standard of measurement and management system for the hotel industry in Syria. The article also provides an overview of the latest trends in the hotel business of Syria and a detailed analysis of the current tourism situation in Syria, including the study of the productive capacity of the labor force in the field of tourism and hotel in Syria on the basis of age, gender and educational level of workers in this field. This study has an important impact in determining how to increase production capacity in the sector of tourism and hotel in Syria.

Keywords: labor productivity; tourism; measurement; standards; entrepreneurial culture; efficiency; hotel business; Syria

Introduction

Increasing productivity and developing labor capacity to deliver the best services are the most important entrepreneurship tools in the hotel industry. Productivity in hotel and restaurant operations is measured on the money spent, and not on the money earned in business management. The two main sources of spending are food and labor costs. When minimizing costs to reduce overall costs, labor costs should also be taken into account. There were several methods used to calculate restaurant performance and to control costs, knowing that this particular gesture was necessary for the success or failure of the institution. Some of them are the use

of customer invoices or receipts that indicate the number of customers waiter waited per hour; daily analysis of the total working time used by each customer who is served through the payroll; measuring the remaining food each day to indicate an increase in price or an increase in serving size; taking into account the cost of food for each customer once in a while to check the profitability and accuracy of the order; and check tickets to find out how add-on sales are doing. The above methods explain only the side of the point of view of the restaurateur to measure performance; nonetheless, customer perspective is another thing. The relationship between quantity and output and the amount of input used to generate this result is called performance (Hovenga, 2010).

Performance is used as a measure of the efficiency of using resources to achieve the goal of organizations. However, the manual function does not end with the result of production, as well as the measurement of output value added management. It represents the wealth created by the production process or the provision of services. Value added measures the difference between sales and the cost of materials and services incurred to generate sales. The hospitality industry is described as the fastest growing sector with the creation of the best jobs sector. It also has a reputation for poor working conditions due to a number of factors. These factors are the low density of trade unions, work characterized by low wages and low qualifications of requirements, shifts and night work (Bondarenko, 2006.).

Thus, this study focuses on the work of various hotels in various Syrian cities and the study of problems that hinder the effectiveness of hotel work in Syria as a whole.

Theoretical basis for labor productivity

A review of relevant literature provided a solid basis for these studies. The structure that was guided by the research activities in this article is based on the official theory, according to which it was developed using an established, consistent explanation of certain types of phenomena and attitudes (Dracheva et al., 2009).

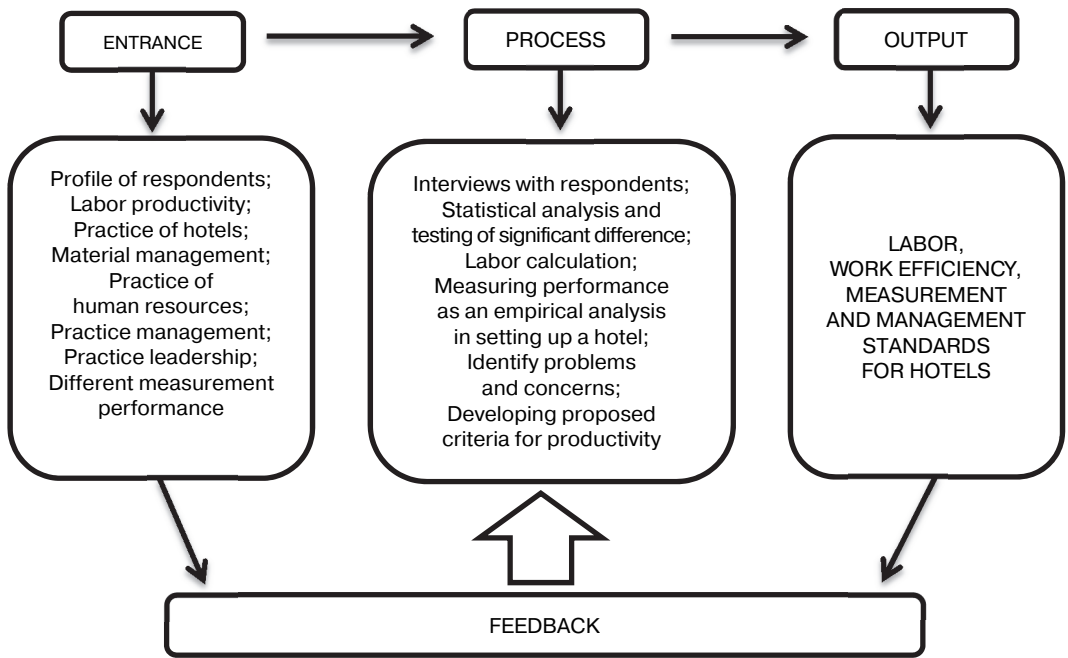
A well-known Russian hotel business specialist A.D. Chudnovsky describes a model of feedback of production work of employees in the hotel business. And the mechanism for measuring their performance and, consequently, the effective work of the hotel in its different sections, this model is reflected in Figure 1.

Thus, in order to achieve high hotel performance, it is necessary to measure the production labor of workers in this sector and solve the barriers and problems that they face in their work, hence increasing their productivity to provide the best services to the clients of these enterprises.

And to understand the purpose of the study, the researcher used the System Theory, which is an interdisciplinary field of science and the study of the nature of complex systems in nature, society and science. More specifically, it is a structure with which you can analyze and/or describe any group of objects that work in concert to produce some result.

An IPO model was used in this study. The Input – Process – Output Model, also known as the IPO Model, is a functional model and conceptual diagram of a common system. These conceptual data models take a more abstract perspective by identifying the main things, of which the things you have to deal with are just examples (Chudnovsky, 2003). The model was used because it will clearly define

the directions of the fundamental conclusions of the study. Figure 1, shows a schematic diagram of the variables used in the study. Contribution is what influences change in organizations.

Figure 1. Research paradigm

Source: Chudnovsky A.D. *Management in tourism and hotel industry: a training manual.* 2nd edition. Moscow: KNORUS Publ., 2006. 160 p.

In this way successful practice to identify elements that can make more discrepancies in one or another part of the model, modeling of business models, how the infrastructure is built, how far the organization will use unmanaged as input. Inputs consisted of a hotel and restaurant profile, a profile of managers, a profile of employees, best practices in a hotel, labor costs, labor, practicality of hotel performance, total number of employees, staff time, income of a hotel, material management practice, personnel management practice, and leadership management practices. Inputs were processed by comparing hotel productivity practices, proven labor efficiency, using participating hotels versus better labor productivity and indicators at Cornell University, evaluating the degree of compliance of labor practice productivity, checking significant differences, measuring labor productivity – empirical analysis identify problems and develop proposed criteria for performance framework (Saak, Yakimenko, 2012).

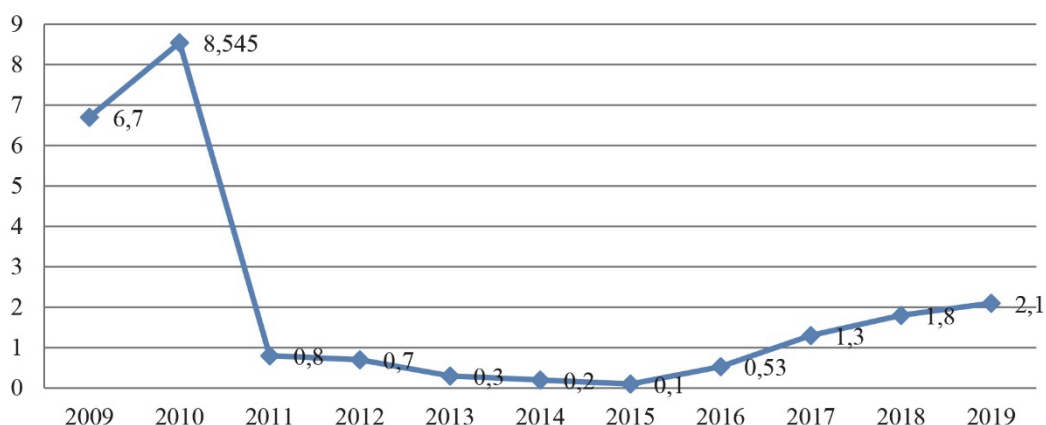
Methods

The researcher used a random sample, since the target respondents met certain practical criteria, such as accessibility, geographical proximity, and accessibility at a certain point in time or their desire. The method of statistical comparisons (correlation analysis) was used on the basis of systematization of actual factual material and publications on the Syrian hotel business. As sources of material were also used studies to identify factors that affect labor productivity in various hotels in Syria.

Results

Syria is one of the most important tourist destinations in the Middle East and in the world, because it has all the elements of tourism, as where Syria has the oldest archaeological, tourist and religious monuments in the world, the oldest castles, streets and churches in the world – picturesque the nature of the sea and deserts, mountains and rivers, as well as an important strategic location of the Middle East – this is the point of contact between Asia and Europe and many other features. Syria has become a major event in the field of tourism and hotel business, especially between 2007–2010. The number of tourists arriving in Syria reached about 8.5 million tourists in 2010, which is equivalent to 40% of the population of Syria. However, the period between (2011–2018) was a significant decline in the contribution of the tourism sector to gross domestic product (GDP) and employment due to the ongoing war in Syria.

The period of the war greatly influenced the number of tourists coming to Syria, especially in 2011–2016, where there was the most declines in the number of tourists (Figure 2).

Figure 2. The forecast number of tourists coming to Syria between 2009–2019 (million tourists)

Source: Compiled by the authors on the basis of: Forecast of the number of tourists coming to Syria between 2009–2019 (million tourists). URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Tourism_in_Syria#cite_note-12; <https://riafan.ru/1121116-siriya-sar-nadeetsya-uvelichit-chislo-turistov-do-dvukh-millionov-v-2019-godu>; <https://muraselo0n.com/> (accessed: 09.12.2018).

Based on the above statistics, we can conclude that the sector of tourism and hotel business has suffered greatly, especially in the period 2011–2016, and since 2017, it began to be caught gradually and it is expected that in 2019 there will be 2 million tourists, and – this number is coherent with improved security and political and economic situations. There are a huge number of hotels in different cities of Syria, and they have done research at 41 hotels¹.

The development of tourism and hotel sector in Syria in the coming period depends greatly on improving the quality of services provided. Therefore, analyz-

¹ Hotel Syria. URL: <https://www.tripadvisor.com/Hotels-g294010-Syria-Hotels.html> (accessed: 12.01.2019).

ing how the development of the currency is considered one of the most important current trends for the advancement of tourism and hotel sector in Syria. Among the respondents are employees and managers of participating hotels. These are 100 employees and managers in 9 hotels with a restaurant in Homs. They were selected as participants in the study thanks to their knowledge of the practice of labor productivity, and they were directly involved in the work of the hotel. The distribution of participants is shown in Table. All participants were from 9 hotels (in different Syrian cities). All questionnaires were received by the researcher and accepted as valid. Most participants come from Hotel 1, which is 15%, and the smallest number of participants from the hotel 9 – 4%. The table shows that most of the position in hotel operations was considered due to the complexity of the operation. Hotel services provide the highest level of service quality, so the workforce must have the necessary skills and knowledge to perform tasks².

This method was used to assess labor productivity in various hotels and departments in Syria. In Table is shown a righteous analysis of hotels in different Syrian cities and different departments and the number of employees who participated in this study.

Table

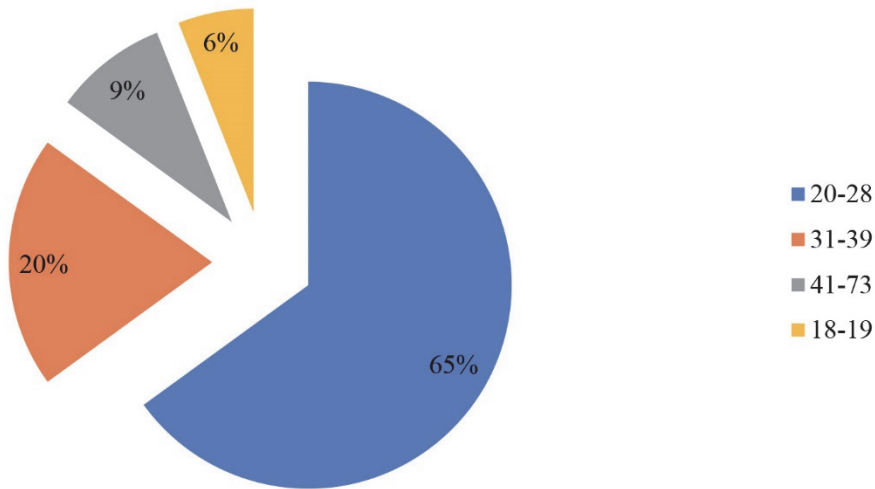
Distribution of participants				
Hotels	Management	Various sections of the hotel	Amount	Percent
Hotel 1	5	10	15	15
Hotel 2	4	9	13	13
Hotel 3	3	9	12	12
Hotel 4	6	7	13	13
Hotel 5	5	5	10	10
Hotel 6	6	7	13	13
Hotel 7	3	7	10	10
Hotel 8	6	5	11	11
Hotel 9	2	2	4	4
Total participants	41	59	100	100

Source: compiled by the authors.

Thus, this division for participants in different Syrian hotels helps us to understand in which department of staff work efficiency and adequate in different hotels and to identify shortcomings in hotels and increase the efficiency and effectiveness of hotels in various Syrian cities.

Figure 3 shows that 64% of respondents are between the ages of 20 and 28 years old, 24% of respondents are in the range of 31 to 39 years old, and 6% of respondents are between 18 and 19 years old. Many of the respondents have just graduated from college and are at the elementary level. Basically, the trend of college graduates is to seek employment immediately after graduation and live for at least three years as an investment in their career growth.

² Hotel business – hospitality industry. URL: <http://www.new-hotel.ru/site/bild/classification/world-systems/> (accessed: 21.12.2018).

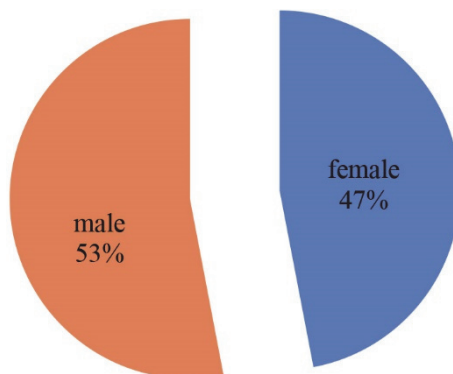

Figure 3. Age of respondents

Source: Compiled by the authors.

Thus, we can conclude that the majority of workers in the hotel business in Syria and the age of between 20–28 years. But, unfortunately, during the war, the hotel sector lost most of this age group, some of which left and some were forced to work in other sectors. Therefore, it is necessary to work to improve the security and economic situation and, thus, to achieve stability and prosperity in the hotel sector in particular and the economy in general in Syria.

Figure 4 shows that 47% of respondents are women, and 53% of them are men. The figure shows evidence that the hospitality industry requires an attractive personality to attract guests. This may be one of the main factors that lead to gender segregation in access to economic opportunities among entrepreneurs and employees: gender differences in time (mainly due to differences in care responsibilities), gender differences in access to production costs³.

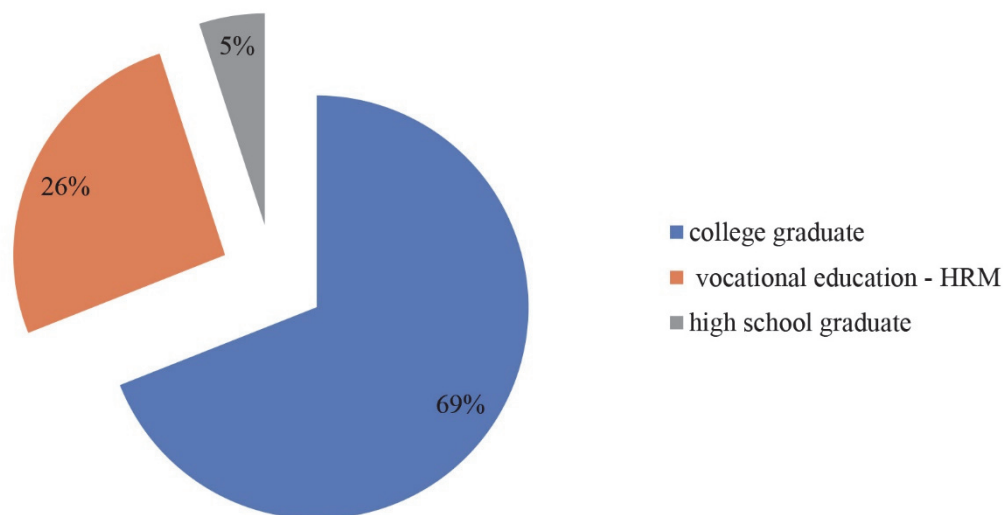
Figure 4. Gender of respondents

Source: Compiled by the authors.

³ World Tourism Organization (UNWTO) report. 2016. P. 13. URL: http://www2.unwto.org/sites/all/files/pdf/annual_report_2016_web_0.pdf (accessed: 12.10.2018).

In the article *Women in the Hotel Business* (Brownell, Walsh, 2008) it was mentioned that in hospitality organizations women – whether consumers, employees or managers – face gender-related di-lemmas that are particularly difficult and acute. Experts in the tourism and hospitality industry emphasized that the individual has a high weight during the screening process, although, of course, when candidates are hired, they always have an amazing and pleasant personality, where mostly attractive and intelligent women are on the front line (Harrison, 2003).

The hospitality industry believes that employees at the front help in branding a business. Therefore, it is very important to understand how best to motivate employees, as well as develop processes and strategies to ensure the basic delivery of outstanding service and the creation of an impressive brand. Figure 5 shows that 69% of respondents are undergraduate graduates, 26% have completed vocational training courses related to the hotel and restaurant management program, and 5% of respondents are high school graduates.

Figure 5. Achievements in education

Source: World Tourism Organization (UNWTO) report. 2016. P. 13. URL: http://www2.unwto.org/sites/all/files/pdf/annual_report_2016_web_0.pdf (accessed: 12.10.2018).

Thus, a study conducted in which an attempt was made to apply methods for assessing labor productivity in hotels in Syria showed that many factors, such as age of employees, their gender and level of education and culture, affect the productivity of hotel companies' employees, therefore it is necessary to work on developing these aspects especially after the end of the war, which led to a significant reduction in the labor force in the hotel sector in Syria. Therefore, it is necessary to develop a strategic plan for the development of the hotel sector as a whole and to improve working conditions (for example, increasing the salaries of employees and advanced training courses that contribute to the development of the hotel sector as a whole).

The results of the study were as follows:

1) hotel profiles vary from the implementation of the practice of productivity, despite the fact that, being in the same category of hotel, that is, in a standard hotel;

2) taking into account the indicators of the practice of increasing labor productivity in the three areas of the material, the aspects of personnel management and management, all participating hotels observed such indicators. The most observable indicators: inventory, use of the corresponding set and to show leadership on an example;

3) the results of testing hypotheses show that there is no significant difference between the ratings of participants on the degree of compliance with the practice of labor productivity. Thus, the hypothesis is accepted questions, and the problems of the participating hotels in the practice of measuring labor productivity consist of technological progress, lack of career growth and productivity, and labor costs;

4) developing the ability of the workforce to provide the best available services is one of the most important tools for the success of the hotel industry in general, so it is necessary to provide new services and unique ways to encourage and attract tourists to visit Syria, one of the best tourist countries in the world, and opened the way for the development of tourism research and labor in the future in Syria.

Conclusion

Based on the results of this study, the following conclusions were made.

1. It is concluded that the measurement of labor productivity in hotel indicators and it is important to monitor the performance of human resources, and sent to become standards, although there are others that are weak and should be even more.

2. Statistics have concluded that the group of respondents has a similar understanding of the extent of the practice of measuring productivity.

3. It is largely explained that success in the hotel business will not only rely on the number of employees, but will depend on the efficiency of each of them. Moreover, profitability ratios in proportion to each other depending on labor productivity mean that the more the hotel increases the number of its employees, the greater the cost of labor and the lower the productivity that an employee can produce.

4. In addition, despite the fact that hotel respondents practice indicators, managers and staff still face problems and challenges, such as technological advancement, lack of career paths and retention programs, lack of awareness of the impact of productivity practices and their cost and lack of bankruptcy recovery plans or dilapidated financial health. Therefore, it is necessary to formulate an individual productivity measurement and hotel management standards to help hotel owners increase their productivity while effectively addressing the company's objectives.

References

- Brownell J., Walsh K. (2008) *Women in hospitality. The SAGE handbook of hospitality management* (pp. 107–128). Thousand Oaks, CA, Sage Publications Ltd.
- Chudnovsky A.D. (2003). *Turizm i gostinichnyy menedzhment [Tourism and Hotel Management]*. Moscow, Tandem Publ. 447 p. (In Russ.)
- Chudnovsky A.D. (2006). *Menedzhment v turizme i gostinichnom khozyaystve [Management in tourism and hotel industry: a training manual]*. 2nd edition. Moscow, KNORUS Publ. 160 p. (In Russ.)

- Dracheva E.L., Zabaev Yu.V., Ismaev D.K. et al. (2013). *Ekonomika i organizatsiya turizma: mezhdunarodnyi turizm [Economics and organization of tourism: international tourism]*. Moscow, KNORUS Publ. 576 p. (In Russ.)
- Harrison J. (2003). Strategic analysis of the hospitality industry. *Cornell Hotel and Restaurant Administration Quarterly*, 44(2), 139–152.
- Hovenga E. (2010). Health care services, information systems & sustainability. *Studies in Health Technology and Informatics*, 151, 16–29.
- Saak A.E., Yakimenko M.V. (2012). *Menedzhment v industrii gostepriimstva (gostinitsy i restorany): uchebnyk [Management in the hospitality industry (hotels and restaurants): textbook]*. Moscow. 432 p. (In Russ.)
- Simpao K.J. (2018). Labour Productivity Measurement and Control Standards for Hotel. *Journal of Service Science Research*, 10(1), 25–76.

Article history:

Received: 01 April 2019

Revised: 30 April 2019

Accepted: 29 May 2019

For citation:

Alhammoud M.F., Zobov A.M., Almyshrqı H. (2019). Labor performance as one of the elements of personnel control and management in hotels in Syria. *RUDN Journal of Economics*, 27(2), 303–312. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-2-303-312>

Bio notes:

Morhaf Farhan Alhammoud – postgraduate student, Department of Marketing, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: alkhammud@mail.ru

Alexander M. Zobov – Cand. Sc. (Econ.), Head Department of Marketing, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: a_zobov@mail.ru

Hassan Almyshrqı – Dr. of Econ., Dean of the Faculty of Tourism, Al-Baath University. E-mail: hassan1@hotmail.com

Научная статья

Производительность труда как один из элементов контроля кадров и управления в отелях Сирии

М.Ф. Алхаммуд¹, А.М. Зобов¹, Х. Алмышрқи²

¹Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

²Университет Аль-Баас
Сирийская Арабская Республика, Хомс, а/я 77

Повышение производительности труда – один из самых малоизученных и сложных аспектов управления гостиницами и ресторанным бизнесом. Требование обеспечить рост производительности труда с целью выживания и поддержания бизнеса, в том числе в возрождающемся гостиничном бизнесе Сирии, становится все более важным для менеджеров. Активная деятельность гостиничных менеджеров по мотивации и контролю персонала в отелях должна быть актуальным и востребованным элементом развития

современной предпринимательской культуры и улучшения обслуживания. В статье рассмотрено значение производительности труда в сфере услуг, прежде всего в индустрии гостеприимства. Проведено исследование степени соответствия сирийских гостиниц показателям производительности труда, направленное на обнаружение подходящего стандарта измерения производительности труда и формирование продуктивной системы управления гостиничной индустрией в Сирии. Дан обзор последних тенденций в гостиничном бизнесе страны, а также подробный анализ текущей туристической ситуации, в том числе изучены производственные возможности рабочей силы в сфере туризма и гостиничного бизнеса с учетом возраста, пола и уровня образования работников этой области. Исследование может быть полезно в определении факторов увеличения производственных мощностей в секторе туризма и гостиничного бизнеса в Сирии.

Ключевые слова: производительность труда; туризм; измерение; стандарты; предпринимательская культура; эффективность; гостиничный бизнес; Сирия

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 01 апреля 2019

Дата проверки: 30 апреля 2019

Дата принятия к печати: 29 мая 2019

Для цитирования:

Alhammoud M.F., Zobov A.M., Almyshrqı H. Labor performance as one of the elements of personnel control and management in hotels in Syria (Производительность труда как один из элементов контроля кадров и управления в отелях Сирии) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2019. Т. 27. № 2. С. 303–312. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-2-303-312>

Сведения об авторах:

Алхаммуд Морхаф Фархан – аспирант кафедры маркетинга, Российский университет дружбы народов. E-mail: alkhammud@mail.ru

Зобов Александр Михайлович – кандидат экономических наук, заведующий кафедрой маркетинга, Российский университет дружбы народов. E-mail: a_zobov@mail.ru

Алмышрқи Хассан – доктор экономических наук, декан факультета туризма, Университет Аль-Баас. E-mail: hassan1@hotmail.com

DOI 10.22363/2313-2329-2019-27-2-313-325
УДК 314.7

Научная статья

Взаимосвязь природно-климатических изменений и миграционной ситуации в Океании

Г.Н. Очирова, Е.М. Моисеева, А.С. Максимова

Институт социально-политических исследований РАН
Российская Федерация, 119333, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1

В статье представлен обзор природно-климатической, экономической и миграционной ситуации в странах Океании. Для детерминации взаимосвязи климатических изменений и природных катаклизмов с миграционными процессами в островных государствах и на территориях Океании, Новой Зеландии и Австралии были изучены аналитические отчеты и переписи населения государств, оценки и статистические данные международных организаций. Проведен анализ государственной политики островных государств и территорий в области устойчивого развития и миграции, а также иммиграционной политики основных принимающих стран, таких как Австралия, Новая Зеландия и США. Установлено, что внутренняя и внешняя миграции в Океании в основном вызваны социально-экономическими факторами (проблемы с трудоустройством, получением образования и медицинских услуг), при этом внутренняя миграция, как правило, направлена в город, а внешняя – из города за рубеж. Изучив особенности изменения климата и природных явлений и их влияние на жизнедеятельность людей в Океании, можно сделать вывод, что природно-климатические факторы напрямую и опосредованно влияют на разные сферы жизни местного населения. Тем не менее влияние изменения климата и природных явлений на миграцию населения Океании на данный момент незначительно (не более 10–12 % международных потоков), однако в случае роста интенсивности и частоты природных явлений, а также ввиду роста численности и плотности населения (к 2100 году в регионе будет проживать 71 млн человек) увеличение потока экологических мигрантов неизбежно.

Ключевые слова: экологическая миграция; Океания; природно-климатические изменения; устойчивое развитие

Введение

В контексте глобального потепления и повышения уровня мирового океана особое внимание уделяется островным государствам и территориям в Океании. Согласно оценке ООН¹, в 2018 году численность населения, про-

© Очирова Г.Н., Моисеева Е.М., Максимова А.С., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

¹ World Population Prospects: The 2017 Revision / United Nations Department of Economic and Social Affairs, Population Division. URL: <https://population.un.org/wpp/> (дата обращения: 20.02.2019).

живающего в Океании и Австралии, составила около 41 млн человек, то есть за последние 50 лет численность населения увеличилась более чем на 20 млн. Несмотря на постепенное уменьшение коэффициента естественного прироста населения, по сценарию ООН, общая численность Океании увеличится до 71 млн человек к 2100 году². То есть в случае развития худших сценариев экологической ситуации в опасности могут оказаться жизни десятков миллионов людей, которые будут вынуждены мигрировать как в другие регионы страны, так и в зарубежные страны в поисках нового и безопасного места проживания.

В статье представлен обзор природно-климатической, экономической и миграционной ситуации в странах Океании. Для детерминации взаимосвязи климатических изменений и природных катаклизмов с миграционными процессами в островных государствах и на территориях Океании, Новой Зеландии и Австралии были изучены статистические данные государств и международных организаций о передвижениях/переселениях. Проведен анализ государственной политики островных государств и территорий в области устойчивого развития и миграции, а также иммиграционной политики основных принимающих стран.

Обзор литературы

Тема влияния природных и климатических изменений на миграционные процессы широко изучена зарубежными учеными (Hugo, 2007; Warner et al., 2010; Piguët, 2010 и др.), в то время как в русскоязычном научном дискурсе данной проблеме не уделяется большого внимания, в связи с чем исследования по этой тематике довольно фрагментарны. Кроме того, несмотря на обширные зарубежные эмпирические и теоретические исследования, изучение подобной миграции проблематично из-за отсутствия единого понятийного аппарата и методологии учета подобных переселений (Dun, Gemenne, 2008), что в значительной мере затрудняет научно-практический диалог между учеными.

Обзор изменения климата и природных явлений и их влияния на жизнедеятельность людей в Океании

Изучив особенности изменения климата и природных явлений и их влияние на жизнедеятельность людей в Океании, можно сделать вывод, что природно-климатические факторы напрямую и опосредованно воздействуют на разные сферы жизни местного населения.

Более того, экономика государств и территорий Океании и Австралии во многом зависит от климатических особенностей. Наиболее крупные государства – Австралия, Новая Зеландия и Папуа – Новая Гвинея – отличаются многообразием климата, что позволяет им иметь более разнообразную сель-

---

² World Population Prospects: The 2017 Revision / United Nations Department of Economic and Social Affairs, Population Division. URL: <https://population.un.org/wpp/> (дата обращения: 20.02.2019).

скохозайственную продукцию, в то время как малые островные государства находятся под сильным влиянием тропического климата и зависят в основном от ограниченного сельского хозяйства, рыболовства и туризма. Так, более 20 % ВВП Папуа – Новой Гвинеи, Соломоновых островов, Вануату, Кирибати, Федеральных Штатов Микронезии, Американского Самоа, Ниуэ, Тонги и Тувалу приходится на сельское хозяйство, у остальных стран региона доля сельского хозяйства в ВВП практически не превышает 10 %. Основными сельскохозяйственными продуктами малых тропических островов являются банан, кокос, копра, кофа и сахарный тростник. Кроме того, несмотря на открытый доступ к океану, рыболовство не является крупномасштабным промыслом, тем не менее имеет важное значение для многих местных народов как источник существования. Наиболее развитым во всех странах, кроме Папуа – Новой Гвинеи и Северных Марианских островов, является сектор услуг, на который приходится около 50–80 % ВВП, во многом за счет привлечения инвестиций в туристическую сферу и потока туристов из Австралии, Новой Зеландии, Японии и США.

Зависимое положение национальных экономик от климата и природных явлений делает страны Океании уязвимыми в случае развития негативного сценария природно-климатических изменений. Так, для Океании характерно повышение среднегодовой температуры³, в результате прогнозируется увеличение количества экстремально жарких дней и теплых ночей, что негативно скажется на здоровье людей, ведении сельского хозяйства, источниках пресной воды и иных сферах жизнедеятельности человека, то есть в целом на качестве и уровне жизни населения (Lukyanets et al., 2015). Например, учеными была установлена корреляция между Эль-Ниньо (Южная осцилляция) и эпидемией денге как в Океании, так и в странах Юго-Восточной Азии и Южной Америки (Hales et al., 1996; Hales et al., 1999; Gagnon et al., 2001), поскольку высокие показатели Южной осцилляции связаны с более теплыми и влажными условиями, идеальными для размножения комаров.

Также прогнозируется увеличение среднего количества осадков в будущем во многих районах Тихого океана, при этом экстремальные осадки будут более частыми и интенсивными⁴, что окажет негативное воздействие в первую очередь на сельское хозяйство. По мнению Джона Барнетта, частота и интенсивность осадков имеют более важное значение для изучения, особенно учитывая, что регион подвержен наводнениям и засухам (Barnett, 2011). В результате повышения уровня моря возникает эрозия и засоление почвы, что может иметь разрушительные последствия для островов, земля которых состоит из низменных кораллов, не превышающих по высоте пары метров. Например, австралийскими учеными при изучении береговых линий Соломоновых островов задокументировано исчезновение пяти коралловых островов, размер которых составлял от 1 до 5 гектаров, и разрушение берего-

---

³ Climate in the Pacific: a regional summary of new science and management tools, Pacific-Australia Climate Change Science and Adaptation Planning Program Summary Report / CSIRO, Australian Bureau of Meteorology and SPREP. 2015. P. 13. URL: https://www.pacificclimatechange.net/sites/default/files/Climate-in-the-Pacific-summary-48pp_WEB.pdf (дата обращения: 20.02.2019).

⁴ Ibid. P. 16.

вых линий еще у шести островов, в результате чего были уничтожены деревни, а местное население было вынуждено покинуть привычные места обитания (Albert et al., 2016: 7). Кроме того, из-за поглощения углекислого газа происходит подкисление океана, что угрожает ряду важных сфер экономической деятельности местного населения, таких как рыболовство, аквакультура, туризм и т. д.

Характеристика миграционной ситуации, политики и стратегии адаптации

Полную актуальную информацию о внутренней миграции имеют лишь единицы государств, что не предоставляет нам возможности полного обзора миграционной ситуации и дает лишь фрагментарное представление о нынешнем положении в Океании (Лукьянец, Маньшин, Моисеева, 2018).

Тем не менее, исходя из тех имеющихся данных, можно сделать вывод, что некоторым островным государствам характерна миграция из сел в города и столичные регионы. Так, по данным переписи 2010 года, 57 % населения Кирибати проживали там же, где они родились, при этом 40 % – проживали в ином месте, отличном от их места рождения. В основном внутренние миграционные потоки были направлены на густонаселенные столичные острова Южной Таравы – 42 % жителей Южной Таравы были рождены в других регионах Кирибати⁵. Схожая ситуация и на Тувалу и Маршалловых островах, где в 2015 году 56 и 50 % внутренних потоков были направлены в столицы Фунафути⁶ и Маджуро⁷ соответственно. По мнению Локе, негативные изменения в окружающей среде спровоцируют более массовую миграцию из сельской местности в город (Locke, 2009). Помимо проблемы перенаселения (переизбытка рабочей силы и нехватки природных ресурсов для существования людей) миграция из сельской местности в город критически неблагоприятна в условиях природно-климатических изменений, поскольку новые мигранты, как правило, организуют неформальные поселения в пригороде или в неблагополучных районах, которые находятся в зоне повышенного риска в случае природных катастроф из-за отсутствия какой-либо инфраструктуры (Lukyanets, Ryazantsev, 2016).

Также выявлено, что жители столичных регионов в свою очередь предпочитают мигрировать за рубеж. Например, в 2016 году 87 % международ-

---

⁵ Kiribati 2010 census. Vol. 2. Analytical report / Kiribati National Statistics Office and the SPC Statistics for Development Programme. 2012. P. 40. URL: <https://sdd.spc.int/en/resources/document-library?view=download&format=raw&fileId=138> (дата обращения 13.04.2019).

⁶ Milan A., Oakes R., Campbell J. Tuvalu: Climate change and migration – Relationships between household vulnerability, human mobility and climate change // Report No. 18. Bonn: United Nations University Institute for Environment and Human Security (UNU-EHS), 2016. P. 41. URL: https://collections.unu.edu/eserv/UNU:5856/Online_No_18_Tuvalu_Report_161207_.pdf (дата обращения: 17.03.2019).

⁷ Republic of the Marshall Islands 2011 Census report / Economic Policy, Planning and Statistics Office, Republic of the Marshall Islands, and the SPC Statistics for Development Programme, Noumea, New Caledonia. 2012. – P. 32. URL: http://prism.spc.int/images/census_reports/Marshall_Islands_Census_2011-Full.pdf (дата обращения: 17.03.2019).

ных мигрантов из Тонги были резидентами столичного острова Тонгатапу⁸. По оценкам исследовательской группы РСММ Project, примерно 74 % международного миграционного оттока из Тувалу приходится на горожан Фунафути.

Причины миграции как внутренней, так и международной в основном социально-экономические. Чаще всего миграция связана с проблемами трудоустройства. Ситуация с безработицей в Океании неоднородна, и показатели сильно разнятся. По данным Международной организации труда, на 2018 год наиболее высокий уровень безработицы отмечен во Французской Полинезии (20,51 %) и Новой Каледонии (14,82 %)⁹. Однако важно подчеркнуть, что по некоторым странам отсутствует информация по безработице на 2018 год: согласно последним доступным данным ЦРУ и переписей населения, высокий уровень безработицы был зафиксирован на Маршалловых островах (36 % в 2006 году), Кирибати (30,60 % в 2010 году), Американском Самоа (29,80 % в 2005 году), Науру (23 % в 2011 году) и в Федеративных Штатах Микронезии (16,20 в 2010 году). А наиболее низкий уровень безработицы в 2018 году был на островах Тонга (1,16 %), Соломоновых островах (2,06 %), в Папуа – Новой Гвинее (2,68 %) и Палау (1,70 % в 2015 году). У остальных стран уровень безработицы находится в диапазоне 5–6 %¹⁰.

В своем исследовании эмиграции с Маршалловых островов М.Р. Дьюк отмечает, что отсутствие экономических и образовательных возможностей и ограниченный доступ к здравоохранению являются основными причинами оттока местного населения (Duke, 2014). Также учеными было выявлено, что в 2015 году для внутренних передвижений в Тувалу практически в равной мере наиболее выталкивающий эффект имели проблемы с трудоустройством (31 %), получением образования (30 %), медициной и другое (27 %), при этом определено, что природно-климатические явления были причиной 12 % внутренних миграционных потоков.

Что касается внутренне перемещенных лиц, по данным Мониторингового центра внутренних перемещений (IDMC), основными причинами их перемещений в Океании были наводнения и штормы. Например, в марте 2014 года 1246 человек были перемещены на Маршалловых островах из-за наводнения в результате шторма и гигантских волн. А в 2015 году тропический циклон Пэм стал причиной перемещения 2520 человек на островах Кирибати, 5435 –

⁸ Tonga 2016: Census of Population and Housing. Vol. 1. Basic Tables and Administrative Report / Tonga Statistics Department. 2017. P. 59. URL: https://spccfpstore1.blob.core.windows.net/digitallibrary-docs/files/07/07f43535eac99827825b1da8e2ee750c.pdf?sv=2015-12-11&sr=b&sig=nzytincGvL%02FvFZ7z%2Fxfus3h6IEWflauGKn6534p7%2FoGQ%3D&se=2019-10-16T12%3A37%3A34Z&sp=r&rscc=public%2C%20max-age%3D864000%2C%20max-stale%3D86400&rsct=application%2Fpdf&rscd=inline%3B%20filename%3D%22Tonga_2016_Census_Report_Vol_1.pdf%22 (дата обращения: 19.04.2019).

⁹ Unemployment rate / International Labour Organization. URL: https://www.ilo.org/ilostat/faces/oracle/webcenter/portalapp/pagehierarchy/Page3.jspx?MBI_ID=2&_afLoop=2976899687355119&_afWindowMode=0&_afWindowId=tizosi8to_1#!%40%40%3F_afWindowId%3Dtizosi8to_1%26_afLoop%3D2976899687355119%26MBI_ID%3D2%26_afWindowMode%3D0%26_adf.ctrl-state%3Dtizosi8to_57 (дата обращения: 15.04.2019).

¹⁰ The World Factbook / Central Intelligence Agency. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/> (дата обращения: 10.04.2019).

на Тувалу и около 65 000 – на островах Вануату¹¹. Однако ввиду отсутствия официальной статистики о данных перемещениях неясно, было ли население временно эвакуировано или в дальнейшем переселено на постоянной основе.

Международные миграционные потоки в Океании не такие масштабные, но им тем не менее присущи свои особенности. Позитивное сальдо миграции имеют только Австралия, Новая Зеландия, Новая Каледония и Вануату. По данным Всемирного банка, в 2017 году разница между прибывшими и выбывшими у данных стран составила 849 966, 74 403, 5664 и 604 человека соответственно. Для остальных стран, в которых заметен переизбыток трудовых ресурсов из-за роста численности населения и ограниченного рынка труда, миграция является важным ресурсом для поддержания жизни на островах. Денежные переводы эмигрантов домой являются важной составляющей ВВП Тонги (37,1 %) и в меньшей степени Самоа (16,4 %), Маршалловых островов (14,4 %), Тувалу (10,8 %) и Кирибати (9,9 %)¹².

Кроме того, помимо социально-экономических выталкивающих факторов миграции, постепенно увеличивается влияние природно-климатических изменений на международные миграционные потоки в Океании. Учеными было выявлено, что 5 % международной миграции в Тувалу было вызвано изменениями окружающей среды, при этом при моделировании и предположении среднего сценария изменения климата к 2055 году данный показатель может вырасти до 100 %¹³.

На данный момент единицы государств имеют доступ к международной миграции, в основном это зависит от устоявшихся исторических связей с метрополиями. Основными крупными пунктами назначения являются территории Австралии, Новой Зеландии и США (включая острова Гуам, Американского Самоа и Северные Марианские острова, находящиеся под юрисдикцией США). Согласно международным соглашениям, граждане Палау, Маршалловых островов, Федеративных Штатов Микронезии (ФШМ), которые являются свободно ассоциированными государствами, имеют право работать в США в качестве неиммигрантов в течение неограниченного периода времени. Например, в 2017 году в рамках этих соглашений США приняли 91 гражданина Палау, 201 гражданина Маршалловых островов и 181 гражданина ФШМ¹⁴. По оценкам ООН, на 2013 год в США проживало 19 750 человек, рожденных в ФШМ (19 % всего населения ФШМ), около 9000 человек, рожденных в Республике Маршалловы острова (17 % всего населения

¹¹ Country profile / Internal Displacement Monitoring Centre. URL: <http://www.internal-displacement.org/countries> (дата обращения: 15.03.2019).

¹² Personal remittances, received (% of GDP) / The World Bank. URL: https://data.worldbank.org/indicator/BX.TR.F.PWKR.DT.GD.ZS?end=2017&locations=KI-MH-TV-TO-GU-FJ-FM-VU-WS-AS-PW-PG-NR-SB-MP-NC-PF&name_desc=false&start=2007 (дата обращения: 19.03.2019).

¹³ Climate change and migration in the Pacific: Links, attitudes, and future scenarios in Nauru, Tuvalu, and Kiribati. Bonn: United Nations University Institute for Environment and Human Security (UNU-EHS). URL: https://i.unu.edu/media/ehs.unu.edu/news/11747/RZ_Pacific_EHS_ESCAP_151201.pdf (дата обращения: 20.03.2019).

¹⁴ Table 26. Nonimmigrant Admissions (I-94 Only) by Region and Country of Citizenship: Fiscal Years 2015 to 2017 in The 2017 Yearbook of Immigration Statistics / U.S. Department of Homeland Security. URL: <https://www.dhs.gov/immigration-statistics/yearbook/2017/table26> (дата обращения: 25.03.2019).

республики), и примерно 3000, рожденных в Палау (14 % всего населения Палау)¹⁵.

Схожую политику проводит Новая Зеландия в отношении граждан Тонги, Тувалу, Кирибати и Фиджи, предоставляя им визу Pacific Access Category Resident Visa. Данная виза позволяет работать, учиться и проживать в Новой Зеландии без ограничений в течение двух лет, после истечения этого срока лицо может получить либо Permanent Resident Visa, либо иную визу. Однако имеются ограничительные условия: возрастная категория 18–45 лет; заявитель или супруг заявителя должны иметь предложение по работе, оплата которой может обеспечить существование в Новой Зеландии; заявитель должен владеть устным, письменным и разговорным английским; а также на каждую страну выделена квота – по 75 мест для граждан Кирибати и Тувалу и по 250 мест для Тонги и Фиджи¹⁶. Помимо этого, Новая Зеландия имеет схожую программу для граждан Самоа, где квота составляет 1100 мест.

Тем не менее данные программы не столь востребованы, что связано с низким уровнем владения английским языком и сложностью трудоустройства ввиду низких образовательных стандартов. Согласно исследованию возможных путей миграции, для граждан Тувалу и Маршалловых островов в связи с изменяющимся климатом еще одним ограничивающим фактором для миграции в Новую Зеландию и США по указанным программам является отсутствие достаточных денежных средств для переезда и устройства на новом месте (Constable, 2017: 1032). Похожие результаты имело исследование, проведенное Институтом окружающей среды и человеческой безопасности Университета ООН совместно с Экономической и социальной комиссией для Азии и Тихого океана при ООН, по данным которого члены около 70 % семей в Кирибати и Тувалу и 35 % семей в Науру эмигрировали бы в случае ухудшения природно-климатических условий, при этом лишь четверть всех семей обладают достаточными финансами на миграционные затраты, а это значит, что большая часть семей оказывается в ловушке ухудшающегося климата¹⁷. Кроме того, в исследовании взаимосвязи климатических изменений и миграции ученые пришли к выводу, что изменение климата может влиять на миграцию как позитивно, так и негативно, то есть ухудшение экономических условий может мотивировать людей на миграцию, но в то же время подорванное финансовое состояние может помешать процессу миграции.

Другой вектор иммиграционной политики в отношении соседних государств имеет Австралия, которая имплементировала программу только для се-

¹⁵ Trends in International Migrant Stock: Migrants by Origin and Destination / United Nations Department of Economic and Social Affairs. 2013. URL: <http://esa.un.org/unmigration/migrantstocks2013.htm?msdo> (дата обращения: 24.03.2019).

¹⁶ Visa Factsheet Pacific Access Category Resident Visa. URL: https://www.immigration.govt.nz/new-zealand-visas/apply-for-a-visa/visa-factsheet/pacific-access-category-resident-visa?_ga=2.260144397.1671011373.1552568717-1136825322.1552568717#overview (дата обращения: 24.03.2019).

¹⁷ On the frontlines of climate change: migration in the Pacific Islands: press release / The United Nations University Institute for Environment and Human Security. URL: <https://ehs.unu.edu/media/press-releases/on-the-frontlines-of-climate-change-migration-in-the-pacific-islands-2.html#info> (дата обращения: 26.03.2019).

зонных работников из восьми стран Океании: Фиджи, Кирибати, Науру, Папуа – Новой Гвинеи, Самоа, Соломоновых островов, Тонги, Тувалу и Вануату. На официальном сайте правительства Австралии заявлено, что данная программа способствует экономическому развитию этих стран, предоставляя их гражданам возможность временного трудоустройства в австралийских сельскохозяйственном, гостиничном и туристическом секторах¹⁸. В докладе Всемирного банка отмечается, что благодаря данной программе участвующие работники могут увеличить свои доходы более чем в четыре раза. Также было установлено, что временные трудовые мигранты, как правило, тратят деньги в своих родных странах, в основном на благоустройство домохозяйства, приобретение сельскохозяйственных оборудования и транспортных средств¹⁹.

На данный момент миграция в Океании имеет больше индивидуальный характер, однако в случае масштабных негативных природно-климатических явлений речь будет уже идти о массовой коллективной миграции. Так, в 2015 году Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев подготовило руководство по защите людей от катастроф и природных изменений через плановое переселение. В долгосрочной перспективе плановое переселение может быть необходимым с определенных территорий, где наблюдаются высокая плотность и рост численности населения. В краткосрочной перспективе добровольное переселение может помочь смягчить антропогенное давление на окружающую среду. Данная стратегия по адаптации была принята несколькими странами Океании. Например, правительство Фиджи официально признает угрозу изменения климата и разрабатывает различные стратегии по адаптации и устойчивости к последствиям изменения климата, тем не менее миграция, а именно плановое переселение, рассматривается как крайняя мера в случае отсутствия иных вариантов²⁰.

Схожее представление имеют Тувалу и Кирибати; основной задачей их правительств является сохранение стран как суверенных и пригодных для жизни территорий. Однако, осознавая невозможность экстренного переселения свыше 100 тыс. человек, правительство Кирибати разработало концепцию «миграции с достоинством» как стратегию переселения, целью которой является создание условий добровольной миграции в ближайшее время, что позволит создать устойчивые сообщества за рубежом и оказать финансовую поддержку местному населению²¹.

---

¹⁸ Seasonal Worker Programme / Australian Government Department of Jobs and Small Business. URL: <https://www.jobs.gov.au/seasonal-worker-programme> (дата обращения: 16.03.2019).

¹⁹ Maximizing the Development Impacts from Temporary Migration Recommendations for Australia's Seasonal Worker Programme / The World Bank Group. 2017. P. 11. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/572391522153097172/pdf/122270-repl-PUBLIC.pdf> (дата обращения: 19.04.2019).

²⁰ Planned Relocation Guidelines: a framework to undertake climate change related relocation / Ministry of Economy, Republic of Fiji. 2018. P. 11. URL: <https://environmentalmigration.iom.int/sites/default/files/5c3c92204.pdf> (дата обращения: 15.04.2019).

²¹ Kiribati Climate Change / Office of the President, Republic of Kiribati. URL: <http://www.climate.gov.ki/category/action/relocation/> (дата обращения: 15.03.2019).

Тем не менее не все островные государства готовы имплементировать подобную политику. Например, в 50–60-х годах XX века Науру отказалось от предложения Австралии по переселению своего населения на территорию Квинсленда. Ввиду ухудшения природных условий из-за обширной добычи фосфата учеными прогнозировалось, что территория острова будет не пригодна для проживания уже к середине 1990-х годов. Вместе с тем данное карликовое государство до сих пор не рассматривает коллективную миграцию как стратегию адаптации к изменяющимся климатическим и природным условиям, желая сохранить свой суверенитет и самобытность. Однако правительством лоббируется международная трудовая миграция ввиду высокой численности трудоспособного населения и нехватки рабочих мест.

Заключение

Повышение температуры, повышение уровня моря, засуха, наводнения, загрязнение почвы, тропические циклоны так или иначе влияют на разные сферы жизнедеятельности людей. Однако когда речь идет о выживании, данные явления могут выступать одними из главных выталкивающих факторов миграции населения. Неоспоримым фактом является уязвимость стран Океании перед изменяющимися природно-климатическими условиями. Более того, высок риск увеличения численности людей в небезопасных зонах: не только из-за более частых и интенсивных погодных явлений, повышения уровня моря и других изменений окружающей среды, но также из-за демографической тенденции общего прироста населения и увеличения его плотности в прибрежных и столичных районах.

Тем не менее на основе имеющихся данных можно сделать вывод, что влияние этих условий на миграционные потоки существует, но оно пока не столь масштабно. Миграция для малых островных государств является важным инструментом для преодоления в первую очередь социально-экономических проблем, связанных с трудоустройством, образованием и здравоохранением.

В основном миграция рассматривается как стратегия адаптации, которая может позволить повысить устойчивость сообщества к изменению климата. Во-первых, доходы трудовых мигрантов, как правило, позволяют финансово поддерживать семьи, в меньшей степени эти доходы зависят от природных бедствий на родине. Во-вторых, благодаря оттоку населения уменьшается численность людей в зоне риска, кроме того, сокращается нагрузка на истощенные природные ресурсы. В-третьих, в условиях современности миграция подразумевает не только движение людей и денежных переводов, но и знаний и инновационных идей, то есть накопление не только финансового, но и человеческого капитала может поспособствовать устойчивому развитию стран и адаптации к изменению климата.

Ввиду повышения интенсивности и частоты природно-климатических явлений, которые могут негативно повлиять на жизнедеятельность населения, необходимы более точные данные о численности и передвижениях населения в регионах повышенного риска. Так, некоторые страны имеют официальную информацию о населении по переписям двенадцатилетней давности, что явно не предоставляет полную картину демографической и миграционной си-

туации в стране. Отсутствие актуальных социальных и экономических показателей не позволяет провести статистические анализы взаимосвязи природно-климатических явлений с миграционными потоками и осложняет прогнозирование масштабов экологической миграции.

Благодарности и финансирование. Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект №18-78-10149).

Список литературы

- Лукьянец А.С., Маньшин П.В., Моисеева Е.М.* Социально-экономические последствия глобального изменения климата для стран Африки южнее Сахары // *Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право*. 2018. № 5. С. 14–23. DOI: 10.26653/2076-4650-2018-5-02
- Albert S., Leon J.X., Grinham A.R., Church J.A., Gibbes B.R., Woodroffe C.D.* Interactions between sea-level rise and wave exposure on reef island dynamics in the Solomon Islands // *Environmental Research Letters*. 2016. Vol. 11. No. 5. Pp. 1–9.
- Barnett J.* Dangerous climate change in the Pacific Islands: food production and food security // *Regional Environmental Change*. 2011. Vol. 11. No. 1. Pp. 229–237.
- Constable A.L.* Climate change and migration in the Pacific: options for Tuvalu and the Marshall Islands // *Regional environmental change*. 2017. Vol. 17. No. 4. Pp. 1029–1038.
- Duke M.R.* Marshall Islanders: Migration Patterns and Health-Care Challenges // *The Online Journal of the Migration Policy Institute*. 2014. URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/marshall-islanders-migration-patterns-and-health-care-challenges> (дата обращения: 15.03.2019).
- Dun O., Gemenne F.* Defining “environmental migration” // *Forced Migration Review*. 2008. Vol. 31. С. 10–11.
- Gagnon A.S., Bush A.B., Smoyer-Tomic K.E.* Dengue epidemics and the El Niño southern oscillation // *Climate Research*. 2001. Vol. 19. No. 1. Pp. 35–43.
- Hales S., Weinstein P., Soares Y., Woodward A.* El Niño and the dynamics of vectorborne disease transmission // *Environmental Health Perspectives*. 1999. Vol. 107. No. 2. Pp. 99–102.
- Hales S., Weinstein P., Woodward A.* Dengue fever epidemics in the South Pacific: driven by El Niño southern oscillation? // *The Lancet*. 1996. Vol. 348. No. 9042. Pp. 1664–1665.
- Hugo G.* Environmental concerns and international migration // *International migration review*. 1996. Pp. 105–131.
- Locke J.T.* Climate change-induced migration in the Pacific Region: sudden crisis and long-term developments // *Geographical Journal*. 2009. Vol. 175. No. 3. Pp. 171–180.
- Lukyanets A.S., Ryazantsev S.V.* Economic and Socio-Demographic Effects of Global Climate Change // *International Journal of Economics and Financial*. 2016. Issues 6 (8S). Pp. 268–273.
- Lukyanets A.S., Toan Khanh Nguen, Ryazantsev S.V., Tikunov V.S., Hai Hoang Pham.* Influence of climatic changes on population migration in Vietnam // *Geography and Natural Resources*. July 2015. Vol. 36(3). Pp. 313–317. DOI: 10.1134/S1875372815030129
- Piguet E.* Linking climate change, environmental degradation, and migration: a methodological overview // *Wiley Interdisciplinary Reviews: Climate Change*. 2010. Vol. 1. No. 4. Pp. 517–524.
- Warner K., Hamza M., Oliver-Smith A., Renaud F., Julca A.* Climate change, environmental degradation and migration // *Natural Hazards*. 2010. Vol. 55. No. 3. Pp. 689–715.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 01 апреля 2019

Дата проверки: 30 апреля 2019

Дата принятия к печати: 30 мая 2019

Для цитирования:

Очирова Г.Н., Моисеева Е.М., Максимова А.С. Взаимосвязь природно-климатических изменений и миграционной ситуации в Океании // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*. 2019. Т. 27. № 2. С. 313–325. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-2-313-325>

Сведения об авторах:

Очирова Галина Николаевна – младший научный сотрудник Центра социальной демографии Института социально-политических исследований РАН. E-mail: galinaochirova93@gmail.com

Моисеева Евгения Михайловна – младший научный сотрудник Центра социальной демографии Института социально-политических исследований РАН. E-mail: evgeniyamoiseeva@mail.ru

Максимова Анастасия Сергеевна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра социальной демографии Института социально-политических исследований РАН. E-mail: lubijzn@yandex.ru

Research article

The relation of environmental and climatic changes and migration situation in Oceania

Galina N. Ochirova, Evgeniya M. Moiseeva, Anastasiya S. Maksimova

Institute for Socio-Political Studies under the Russian Academy of Sciences
6 Fotievoy St., bldg. 1, Moscow, 119333, Russian Federation

Abstract. The article presents overview of environmental and climatic, economic and migration situations in the countries of Oceania. In order to determine the relation of environmental and climatic changes and migration processes in the island states and territories of Oceania, New Zealand and Australia, analytical reports and censuses of the population of the states, estimates and statistics of international organizations are studied. The article analyses the state policy of island states and territories in the field of sustainable development and migration, as well as immigration policies of the main host countries such as Australia, New Zealand and the USA. It was found that internal and external migration in Oceania is mainly driven by socio-economic factors (problems with employment, education and medical services), while internal migration is usually directed to urban area, and external – from the city to foreign countries. Exploring the peculiarities of climate change and natural phenomena and their impact on the livelihoods of people in the region of Oceania, we can conclude that natural and climatic influences directly and indirectly affect different spheres of life of the local population. Nevertheless, the impact of climate change and natural phenomena on the migration of the population of Oceania at the moment is insignificant (no more than 10–12% of international flows), however, in the case of an increase in the intensity and frequency of na-

tural disasters, and also due to an increase in the number and density of population (71 million people will live in the region to 2100) an increase in the flow of environmental migrants is inevitable.

Keywords: environmental migration; Oceania; environmental and climatic changes; sustainable development

Acknowledgements and Funding. The study was conducted with the support from Russian Science Foundation (project No.18-78-10149).

References

- Albert S., Leon J. X., Grinham A.R., Church J.A., Gibbes B.R., Woodroffe C.D. (2016). Interactions between sea-level rise and wave exposure on reef island dynamics in the Solomon Islands. *Environmental Research Letters*, 11(5), 1–9.
- Barnett J. (2011). Dangerous climate change in the Pacific Islands: food production and food security. *Regional Environmental Change*, 11(1), 229–237.
- Constable A.L. (2017). Climate change and migration in the Pacific: options for Tuvalu and the Marshall Islands. *Regional environmental change*, 17(4), 1029–1038.
- Duke M.R. (2014). Marshall Islanders: Migration Patterns and Health-Care Challenges. *The Online Journal of the Migration Policy Institute*. Retrieved from <https://www.migrationpolicy.org/article/marshall-islanders-migration-patterns-and-health-care-challenges>
- Dun O., Gemenne F. (2008). Defining “environmental migration”. *Forced Migration Review*, (31), 10–11.
- Gagnon A.S., Bush A.B.G., Smoyer-Tomic K.E. (2001). Dengue epidemics and the El Niño southern oscillation. *Climate Research*, 19(1), 35–43.
- Hales S., Weinstein P., Souares Y., Woodward A. (1999). El Niño and the dynamics of vectorborne disease transmission. *Environmental Health Perspectives*, 107(2), 99–102.
- Hales S., Weinstein P., Woodward A. (1996). Dengue fever epidemics in the South Pacific: driven by El Niño southern oscillation? *The Lancet*, 348(9042), 1664–1665.
- Hugo G. (1996). Environmental concerns and international migration. *International migration review*, 105–131.
- Locke J. T. (2009). Climate change-induced migration in the Pacific Region: sudden crisis and long-term developments. *Geographical Journal*, 175(3), 171–180.
- Lukyanets A.S., Manshin R.V., Moiseeva E.M. (2018). Sotsial'no-ekonomicheskiye posledstviya global'nogo izmeneniya klimata dlya stran Afriki yuzhneye Sakhary [Socio-Economic Impacts of Global Climate Change for Sub-Saharan Africa Countries]. *Nauchnoe obozrenie. Seriya 1. Ekonomika i parvo*, (5), 14–23. DOI: 10.26653/2076-4650-2018-5-02. (In Russ.)
- Lukyanets A.S., Ryazantsev S.V. (2016). Economic and Socio-Demographic Effects of Global Climate Change. *International Journal of Economics and Financial Issues*, 6(8S), 268–273.
- Lukyanets A.S., Toan Khanh Nguen, Ryazantsev S.V., Tikunov V.S., Hai Hoang Pham (2015). Influence of climatic changes on population migration in Vietnam. *Geography and Natural Resources*, 36(3), 313–317. DOI: 10.1134/S1875372815030129
- Piguet E. (2010). Linking climate change, environmental degradation, and migration: a methodological overview. *Wiley Interdisciplinary Reviews: Climate Change*, 1(4), 517–524.
- Warner K., Hamza M., Oliver-Smith A., Renaud F., Julca, A. (2010). Climate change, environmental degradation and migration. *Natural Hazards*, 55(3), 689–715.

Article history:

Received: 01 April 2019

Revised: 30 April 2019

Accepted: 30 May 2019

For citation:

Ochirova G.N., Moiseeva E.M., Maksimova A.S. (2019). The relation of environmental and climatic changes and migration situation in Oceania. *RUDN Journal of Economics*, 27(2): 313–325. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-2-313-325>

Bio notes:

Galina N. Ochirova – Junior Researcher, Center for Social Demography, Institute of Socio-Political Research under the Russian Academy of Sciences. E-mail: galinaochirova93@gmail.com

Evgeniya M. Moiseeva – Junior Researcher, Center for Social Demography, Institute of Socio-Political Research under the Russian Academy of Sciences. E-mail: evgeniyamoiseeva@mail.ru

Anastasiya S. Maksimova – Cand. Sc. (Econ.), Senior Researcher, Center for Social Demography, Institute of Socio-Political Research under the Russian Academy of Sciences. E-mail: lubijzn@yandex.ru

DOI 10.22363/2313-2329-2019-27-2-326-337
UDC 331.556.4

Research article

The role of labour market integration, language proficiency and inter-ethnic contacts in shaping life satisfaction among immigrants in the Netherlands

Iuliia E. Pletneva

Institute for Socio-Political Studies under the Russian Academy of Sciences
6 Fotievoy St., bldg. 1, Moscow, 119333, Russian Federation

Abstract. Studies show relatively low life satisfaction among immigrants and ethnic minorities. At the same time, it was found that subjective well-being plays an important role in the process of social integration of immigrants. This study contributes to the existing literature by exploring the meditative role of integration in the labor market and inter-ethnic contacts in the relationship between language proficiency and life satisfaction among the first and second generation of Turkish and Moroccan immigrants in the Netherlands. Based on data from the Netherlands Longitudinal Lifecourse Study (NELLS), an analysis was performed using structural equation modeling. The results showed that despite the fact that language acquisition does not have a direct effect on increasing life satisfaction among immigrants, it does have a positive effect through increasing labor integration and contacts with members of the ethnic majority.

Keywords: migration; life satisfaction; socio-economic integration; language proficiency; interethnic contacts

Introduction

The large-scale immigration of Turkish and Moroccans workers began in the early 1960s and was caused, on the one hand, by the high population growth and mass unemployment in Turkey and Morocco, and on the other hand, by the labour shortage in Northwestern Europe. The Dutch government entered into a 'recruitment agreement' with Turkey in 1964 and with Morocco in 1969. Thereafter, the number of Turkish and Moroccan workers in the Netherlands increased rapidly. The oil crisis of the 1970s caused serious problems for the Dutch economy thus the unemployment rate increased dramatically. As a result of this economic crisis, the Dutch government decided to stop labour migration in 1973. However, the number of Turkish and Moroccan migrants continued to rise as a result of the introduction of the law on family reunification (1974). This law, that was adopted with the aid of churches, non-governmental organizations and

© Pletneva Iu.E., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

sympathetic academic activists, enabled the families left behind by many former guest labourers to move to the Netherlands. From that moment onwards, many women and children, especially of Moroccan or Turkish origin, began to arrive in the Netherlands. Now Turks and Moroccans have become two largest immigrant groups in the country.

Life satisfaction has been studied for many years from different perspectives across countries and social classes. Hong, Bianca and Bollington (1993) define life satisfaction as “an individual’s personal judgment of well-being and quality of life based on his or her own chosen criteria” (p. 547). The most common approach was developed by Diener (1984) who argues that satisfaction with life should be studied in general with life as a whole instead of considering it across specific areas. Thus, Diener, Emmons, Larsen, and Griffin (1985) introduced the Satisfaction With Life Scale (SWLS) based on conclusion that life satisfaction is a latent factor which can be estimated by five highly correlated items. This approach has been tested in hundreds of studies and showed a good validity of assessment of an individual’s general sense of satisfaction with life (Arrindell et al., 1999; Sachs, 2003; Böhnke, 2008).

While a lot of researches were addressed to a problem of life satisfaction it has been done to much less extent in immigrants’ context. Although the number of studies is quite limited, researchers have found relatively low life satisfaction among immigrants and ethnic minority groups. In study conducted among 1207 women and 1326 men aged between 18 and 64 years Fugl-Meyer et al. (2002) found that being first-generation immigrants had lower level of satisfaction with life as a whole than the Swedish-raised respondents considering gender as a control variable. It was also revealed in study of Verkuyten (1987) that in the Netherlands adolescents with minority status based on ethnicity reported lower level of happiness than native Dutch adolescents of the same age.

Many studies were focused on determinants of individual’s life satisfaction. Bohnke (2008) found that on the country level life satisfaction can be predicted to a large extent by taking into consideration the economic performance, the social security level, and the political culture in a country. In addition, life satisfaction was found to be associated with a range of individual background characteristics. Analyzing data from World Values Survey (WVS) (Inglehart et al., 2000) Helliwell (2003) found the evidence that education might increase life satisfaction through mediating role of social relationships and higher earnings. Bonini (2008) in a cross-national study reported that 81% of the variation in mean life satisfaction is explained by individual attributes such as gender, age, marital status, income and education.

Language proficiency is one of the key factors to successful settlement of migrants in the host country. It is considered to be part of human capital which immigrants transfer from their country of origin, however, it is not always transferable to the host country labour market. As it was found by Chiswick (1978) often immigrants’ skills have limited use in the country of destination, which put immigrants in disadvantage positions. Moreover, language proficiency requires investing a lot of time and other inputs (Dustmann, 1999). Chiswick and Miller (2001) in their research about male immigrants in Canada who came from a back-

ground with languages other than the primary or dominant languages of destination created model of language attainment based on the assumption that language skills are a form of investment in human capital. According to it immigrants who do not have proficiency in the destination language have to make additional investments in acquiring the dominant language of host country. This study reported that language proficiency may predict not only socioeconomic status but also the extent of integration into the social, political, cultural, and economic life of the majority population in the host country. Thus, it can be expected that:

Hypothesis 1. Higher language proficiency is positively associated with life satisfaction of immigrants.

Labour market integration is another important aspect of immigrants' life satisfaction. Labour market integration can be measured in a variety of ways. One of the main indicators that are available for estimation labour market outcomes are labour force and work status. There are two main groups: people in labour force and people who are not in the labour force. There are number of aspects which can prevent successful integration of migrant to the labour market.

Research that was conducted in 18 countries found that a number of factors which influence on labour market participation of migrants such as language acquisition, countries of origin and destination, discrimination against a particular ethnic group, size of immigrant community (Van Tubergen et al., 2004). It was also found that, previous contact with the language of the receiving only had a positive effect in the employment opportunities of the men. However, these findings are contradictory to the common findings from studies which were conducted earlier by Borjas (1987) or Jasso and Rosenzweig (1990), according to which this factor has significantly positive effect on employment status.

In study undertaken by Kalter (2002) the transition from blue-collar to white-collar positions is analyzed using the SOEP data (2002) and the effect of linguistic skills on occupational mobility was examined. The results of this study reported that in addition to the standard variables of the human capital theory, the proficiency in language of the receiving country alone increases opportunities for better employment positions and higher income. At the same time, it revealed that ethnic networks and the language of origin do not have an independent influence on the improvement of occupational status and that the ethnic disadvantages of the Turks in Germany that remain following the control of education become statistically insignificant with the linguistic and network variables (Kalter, 2005). According to the findings, low position of the most immigrants, even after controlling for education, is associated with their lower level of language proficiency and as a result lack in inter-ethnic networks.

Labour market integration has been focus of so many studies also due to frequent cases of discrimination which a lot if immigrants face. Study of immigrant employment in Canada, New Zealand, Switzerland and the United States reported that there was some preoccupation against non-white immigrants in New Zealand with statistically significant nonwhite employment deficiency (Khan, 2004). In addition, experiencing barriers to participation in the labour market may have substantial effect impacts on immigrants' well-being. Research about work experience of Indian women in New Zealand revealed that work discrimination is

associated with psychological and emotional problems (Pio, 2005). It was found in large body of studies that perceived employment and income opportunities are one of the crucial factor of intention to migrate (Kennan et al., 2011). It can be expected that:

Hypothesis 2. Labour market integration positively mediate relationship between language proficiency and life satisfaction

It was previously found that inter-ethnic contacts of immigrants with native population may positively contribute to language proficiency of the host country (Chiswick and Miller 2001). However, it can be expected that there is also reverse relation when language proficiency predicts contact with natives. It was recently found in longitudinal study in the Netherlands that such immigrants' characteristics as education and proficiency in host country language have significant role in establishing contacts with natives (Martinović et al., 2009). In this study it is expected that:

Hypothesis 3. Inter-ethnic contacts positively mediate relationship between language proficiency and life satisfaction

The focus of this study is two largest immigrant groups in the Netherlands: Turks and Moroccans. It was found in recent comparative study about labour market integration of immigrants in France, Germany and the United Kingdom that there are significant differences between first and subsequent generations of immigrants in terms of education, earnings, and employment. Thus, it was hypothesized that:

Hypothesis 4. Second generation of Turks and Moroccans have higher level of language proficiency, labour market integration and more frequent inter-ethnic contact which result in higher level of life satisfaction.

Data and method

For the analysis data from the first wave of the Netherlands Longitudinal Lifecourse Study (NELLS) conducted between 2008 and 2010 was used. The main purpose of that survey was to collect longitudinal panel information for sociological studies. Respondents were selected by a two-stage stratified sampling. For the first stage 35 municipalities were quasi-random selected by region and urbanization and for the second stage random selection based on age and country of origin of the respondents and their parents was applied. First wave of survey included two parts: face-to-face interview and self-completion questionnaire. The aim of face-to-face interview was to gain information about socio-economic and socio-demographic background of the respondent. The self-completion questionnaire was designed to provide information on the variables of interest: attitudes, values and norms, ability, and social integration variables.

The key specifics of that survey is oversample of two largest ethnic minority groups in the Netherlands: Turks and Moroccans. Thus, data can be useful for investigation attitudes, norms and values among immigrants.

For the purpose of this study only participants with Turkish and Moroccans background are examined, thereby native population and other non-western immigrants were excluded from the analysis. Participants who did not complete ques-

tionnaire were also excluded. The final sample was 2012. The age of participants ranged between 15 and 49 ($M = 30.95$, $SE = 8.97$) and it was equally gender distributed with 52.9% of females and 47.1% of males.

Life satisfaction was measured with four items: “My life is for most parts ideal” (1), “My living conditions are excellent” (2), “Overall, I am content with my life” (3), “The most important things I expect from life I achieved so far” (4). All answers were rated on a 5-point bipolar scale ranging from fully agree (1) to fully disagree (5). Scoring means were reversed for all items that the numerical scoring scale runs in the opposite direction, thus higher scores indicate more life satisfaction. Analysis of reliability indicated high Cronbach’s Alpha = .867.

Language proficiency was assessed with four items: “can understand Dutch”, “Can speak Dutch”, “Can read Dutch”, “Can write Dutch”. Answers were rated on a 5-point bipolar scale ranging from very good (1) to not at all (5). Scoring means were reversed for all items that the numerical scoring scale runs in the opposite direction and variable language proficiency was computed using mean of these four recorded items. Higher scores indicate higher language proficiency. Analysis of reliability indicated Cronbach’s Alpha = .964.

Inter-ethnic contacts were measured with three items: “Contact in neighborhood”, “Contact at work/school”, “Contact in leisure clubs”. Answers were rated on a 7-point Likert scale ranging from every day (1) to never (7). Scoring means were reversed for all items that the numerical scoring scale runs in the opposite direction. Higher scores indicate more frequent inter-ethnic contacts. Analysis of reliability indicated low Cronbach’s Alpha = .474, however variable inter-ethnic contacts was computed using mean of these three recorded items due to the fact that these items do not depend on each other.

Labour market integration was treated as binary variable (1 = integrated in the labour market and 0 = not integrated) constructed with following item: “What did you do right after leaving fulltime education?”, “Ever had a job?”, “Have you always worked since your first job?”, “Do you have currently paid work?”.

As control variables the dummy variable female (male = 0 and female = 1) and continuous variable age were added in the analyses.

For the analysis the IBM SPSS Statistic 22 software and Mplus (version 7) were used. At the first step all variables were constructed using SPSS, at the second step factor analysis for latent variable life satisfaction and main analysis to investigate the indirect effect of language proficiency on life satisfaction through proposed mediators labour market integration and inter-ethnic contacts were performed using structural equation modeling method in Mplus. The percentage of missing values did not exceed 1% for all the variable.

Results

The mean score for the language proficiency was 4.21 ($SD = .96$). This indicated good language knowledge among Turkish and Moroccans immigrants with score significantly higher mid-point of the scale, $t(1959) = 193.36$, $p < .001$. Overall, 46% of the participants reported very good language proficiency, 24% of the participants scored a good knowledge, 16% indicated sufficient language proficiency and 14% claimed to have bad language knowledge or not have it at all.

The mean score inter-ethnic contacts was 4.96 (SD = 1.42) which indicated high frequency of contacts with native population among immigrants and it was significantly higher than scale middle point, $t(1828) = 149.70, p < .001$.

The mean score of life satisfaction which was constructed from the four items for descriptive analysis in SPSS was 3.63 (SD = 0.75). It indicated that life satisfaction among Turks and Moroccans is higher mid-point of the scales, $t(1997) = 216.32, p < .001$.

Table 1

Mean and standard deviation for all variables

	M	SD	N	Range
Life satisfaction	3.633	0.751	1998	1–5
Language proficiency	4.205	0.963	1960	1–5
Inter-ethnic contacts	4.964	1.418	1829	1–7
Labour market integration	0.612	0.487	2012	0/1
Male	0.471	0.499	2301	0/1
Age	30.948	8.969	2301	14–49
First generation	0.638	0.481	2012	0/1
Education	2.858	1.587	2011	1–6

Dependent and independent variables as well as two mediators are significantly correlated with each other in the predicted direction. Life satisfaction is positively correlated with main predictor variable language proficiency ($r = .12$). It is also positively associated with both mediators: inter-ethnic contacts ($r = .23$) and labour market integration ($r = .06$). At the same time life satisfaction has significant negative correlation with all control variables (gender, age, first generation) except education which is not significantly correlated with outcome variable.

Analysis of correlation indicated that language proficiency had positive correlation with inter-ethnic contacts ($r = .27$) and labour market integration ($r = .16$), both correlation were significant. Furthermore, language proficiency is strongly negatively correlated with control variables age and first generation. At the same time these control variables are highly positively correlated with each other, which indicates that first generation of immigrants, which is represented by older population are more likely to have weak language proficiency.

Both mediators: inter-ethnic contacts and labour market integration are positively correlated with each other. Additionally, inter-ethnic contacts is negatively related to age and first generation which means that younger people and second generation immigrants tend to have more contacts with native Dutch population. It was also found that inter-ethnic contacts are more common among male and higher educated immigrants.

Labour market integration is positively correlated with all control variables; however, there is no significant relation between labour market integration and being first generation immigrant.

Confirmatory factor analysis (CFA) was conducted in Mplus in order to investigate whether four items used to measure life satisfaction are consistent with

one latent factor. The first model did not fit the data well with $\chi^2 (2) = 22.11, p < .001$; CFI = .99; TLI = 99; and RMSEA = .07 and 90% CI = 0.046 – 0.099. To improve model fit two items were allowed to covary (‘My life is for most parts ideal’ and ‘Overall, I am content with my life’). After that improvement satisfactory model fit was obtained which was indicated by $\chi^2 (1) = 4.08, p < .05$; CFI = .99; TLI = 99; and RMSEA = .04 and 90% CI = 0.006 – 0.082. All the factor loadings were statistically significant ($p < .001$) and the standardized factor loadings were between .69 and .86.

In order to investigate how language proficiency effects on life satisfaction among Turks and Moroccans, structural equation model was employed in Mplus with life satisfaction as dependent variable, language proficiency as main predictor and two mediators: labour market integration and inter-ethnic contacts. Indirect effect of predictor on the dependent variable was also included in the Mplus estimation. After running the model fit was not acceptable with insignificant Chi-square : $\chi^2 (22) = 31.17, p > .05$; CFI = .99; TLI = 99; and RMSEA = .02 and 90% CI = 0.000 – 0.026. It was indicated that control variable first generation does not have significant effect neither on dependent variable nor on two mediators, so it was decided to exclude it from the model and test difference between first and second generation in a separate analysis.

After running the model again Mplus indicated good model fit: $\chi^2 (4) = 34.88, p < .05$; CFI = .99; TLI = 99; and RMSEA = .02 and 90% CI = 0.009 – 0.031, thus there was no need in model modification.

Table 2

Standardized model coefficients									
Variables	Inter-ethnic contacts			Labour market integration			Life satisfaction		
	Coefficient	SE	P	Coefficient	SE	P	Coefficient	SE	P
Language proficiency	0,198	0,024	0,000	0,214	0,030	0,000	0,020	0,027	0,439
Inter-ethnic contacts							0,205	0,026	0,000
Labour market integration							0,077	0,025	0,024
Male	0,153	0,022	0,000	0,228	0,021	0,000	-0,097	0,024	0,000
Age	-0,158	0,024	0,000	0,252	0,027	0,000	-0,123	0,028	0,000
Education	0,105	0,024	0,000	0,192	0,026	0,000	-0,041	0,025	0,103

Table 2 presents standardized model coefficients. Language proficiency turned out not to significantly predict life satisfaction of immigrants in the Netherlands ($b = .02, SE = .03, p > .05$). However, the rest of variables in the model including all control variables showed significant impact in explaining life satisfaction. The relation between language proficiency and life satisfaction was found to be significantly mediated by inter-ethnic contact ($b = .04, SE = .01, p < .001$). Inter-ethnic contacts were linked with higher language proficiency ($b = .20, SE = .02, p < .001$) and furthermore life satisfaction had significant direct effect of inter-ethnic contacts ($b = .21, SE = .03, p < .001$). The estimated indirect effect through second mediator labour market integration was also significant ($b = .02, SE = .01, p < .05$) with significant association between language proficiency and labour market inte-

gration ($b = .21$, $SE = .03$, $p < .001$) and between labour market integration and life satisfaction ($b = .08$, $SE = .03$, $p < .05$). Control variable male was significantly related to life satisfaction ($b = -.10$, $SE = .02$, $p < .001$) as well as age ($b = -.12$, $SE = .03$, $p < .001$), however education did not have significant effect on life satisfaction ($b = -.04$, $SE = .03$, $p > .05$). Finally, all control variables were significantly related to both mediators.

To test hypothesis about first and second generation the structural model for group comparison was run in Mplus. The model fit was good $\chi^2 (43) = 76.37$, $p > .05$; CFI = .99; TLI = .99; and RMSEA = .03 and 90% CI = 0.017 – 0.038. The Wald test for differences across two groups was not significant ($\chi^2 (6) = 12.39$, $p > .05$), revealing that path coefficients do not significantly differ from each other between first and second generation.

Conclusion

The present study investigates the effect of language proficiency on life satisfaction of Turks and Moroccans immigrants in the Netherlands. It was hypothesized that this relationship would be mediated by labour market integration and inter-ethnic contacts with native population. The aim of current study was to test language proficiency as main predictor of life satisfaction. Results of this study were consistent with hypotheses that higher language proficiency is positively associated with life satisfaction and that relationship was positively mediated by two mediators. However, the analysis indicated that the expected direct effect was not significant, so Hypothesis 1 was rejected. Thus, it was concluded that language proficiency itself is not related to life satisfaction, nevertheless it increases both frequency of contacts with natives (Hypothesis 2) and labour market integration (Hypothesis 3).

Socio-demographic characteristics such as age, education and gender were also included in the analyses. All of them had significant impact to the model that was in line with previous researches (Martinović, 2013; Kalmijn, Van Tubergen, 2006). Male immigrants are more likely to have inter-ethnic contacts and be integrated in the labour market, at the same time, Turks and Moroccans men tend to be less satisfied with their life, which lays in the same vain with findings of Fugl-Meyer (2009). Age is negatively associated with inter-ethnic contacts and life satisfaction but has positive relation with labour market integration. As it was recently found education plays a big role in establishing inter-ethnic contacts: higher-educated immigrants have more contacts with natives (Martinović, 2013), thus results of current study were in line with these findings. Education had significant positive effect on both mediators; however, it was negatively associated with life satisfaction can be explained with the fact that highly skilled migrants are offered jobs that did not match their skills as it was previously revealed on the example of immigrants from the former Soviet Union in Israel (Eckstein, Weiss, 2002).

It was also hypothesized that second generation of immigrants will demonstrate higher level of language proficiency, labour market integration, inter-ethnic contacts and life satisfaction, however no significant effect related to second generation was found, which is opposite to previous studies (Crul, Vermeulen, 2003).

However, this study as well comprises several limitations. First of all, it can be assumed that for almost all second generation immigrants Dutch language is a first language, thus it may be problematic to make a conclusions about it impact taking into account that fact. Second, considering language proficiency and inter-ethnic contacts raises question about causality of the relationship, since that relationship may work in both directions: inter-ethnic contacts can be a predictor of better language proficiency. Third, it is important to consider that not all contacts with natives are associated with higher life satisfaction of immigrants. Negative social contact can strengthen perceived discrimination and decrease life satisfaction (Barlow et al., 2012).

In conclusion, this research shows that labour market integration and inter-ethnic contacts play significant role in formation of life satisfaction of immigrants in the Netherlands. For future research we would propose to divide negative and positive contact to test the separate effect on life satisfaction and would expect that effect of negative contacts will be negatively associated with life satisfaction. In addition, it can be suggested to exclude from the analysis second generation immigrants. Moreover, it would be relevant to test a model separately for men and women to investigate if there are differences in path coefficients for these two groups.

References

- Algan, Y., Dustmann, C., Glitz, A., & Manning, A. (2010). The Economic Situation of First and Second-Generation Immigrants in France, Germany and the United Kingdom. *The Economic Journal*, 120(542), F4–F30.
- Arrindell, W.A., Heesink, J., & Feij, J.A. (1999). The satisfaction with life scale (SWLS): Appraisal with 1700 healthy young adults in The Netherlands. *Personality and individual differences*, 26(5), 815–826.
- Barlow, F.K., Paolini, S., Pedersen, A., Hornsey, M.J., Radke, H.R., Harwood, J., ... & Sibley, C.G. (2012). The contact caveat negative contact predicts increased prejudice more than positive contact predicts reduced prejudice. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 38(12), 1629–1643.
- Bevelander, P. (2000). *Immigrant employment integration and structural change in Sweden, 1970–1995* (vol. 15). Lund University.
- Bjørnskov, C., Dreher, A., & Fischer, J.A. (2008). Cross-country determinants of life satisfaction: Exploring different determinants across groups in society. *Social Choice and Welfare*, 30(1), 119–173.
- Bleakley, H., & Chin, A. (2004). Language skills and earnings: Evidence from childhood immigrants. *Review of Economics and Statistics*, 86(2), 481–496.
- Böhnke, P. (2008). Does society matter? Life satisfaction in the enlarged Europe. *Social Indicators Research*, 87(2), 189–210.
- Bonini, A.N. (2008). Cross-national variation in individual life satisfaction: Effects of national wealth, human development, and environmental conditions. *Social Indicators Research*, 87(2), 223–236.
- Borjas, G.J. (1987). Self-selection and the earnings of immigrants. *American Economic Review*, 77(4), 531–553.
- Chiswick, B.R., & Miller, P.W. (2001). A model of destination-language acquisition: Application to male immigrants in Canada. *Demography*, 38(3), 391–409.
- Christopher, K.A., & Kulig, J.C. (2000). Determinants of psychological well-being in Irish immigrants. *Western Journal of Nursing Research*, 22(2), 123–143.

- Crul, M., & Vermeulen, H. (2003). The second generation in Europe. *International migration review*, 37(4), 965–986.
- Delander, L., Hammarstedt, M., Månsson, J., & Nyberg, E. (2005). Integration of immigrants: the role of language proficiency and experience. *Evaluation Review*, 29(1), 24–41.
- Diener, E.D., Emmons, R.A., Larsen, R.J., & Griffin, S. (1985). The satisfaction with life scale. *Journal of personality assessment*, 49(1), 71–75.
- Diwan, S. (2008). Limited English proficiency, social network characteristics, and depressive symptoms among older immigrants. *The Journals of Gerontology Series B: Psychological Sciences and Social Sciences*, 63(3), S184–S191.
- Eckstein, Z., & Weiss, Y. (2002). The integration of immigrants from the former Soviet Union in the Israeli labor market. *The Israeli Economy, 1985–1998: From Government Intervention to Market Economics*, 349–377.
- Ersanilli, E., & Koopmans, R. (2010). Rewarding integration? Citizenship regulations and the socio-cultural integration of immigrants in the Netherlands, France and Germany. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 36(5), 773–791.
- Esser, H. (2006). *Migration, language and integration*. WZB.
- Fugl-Meyer, A.R., Melin, R., & Fugl-Meyer, K.S. (2002). Life satisfaction in 18-to 64-year-old Swedes: in relation to gender, age, partner and immigrant status. *Journal of Rehabilitation Medicine*, 34(5), 239–246.
- Hamberger, J., & Hewstone, M. (1997). Inter-ethnic contact as a predictor of blatant and subtle prejudice: Tests of a model in four West European nations. *British Journal of Social Psychology*, 36(2), 173–190.
- Helliwell, J.F. (2003). How's life? Combining individual and national variables to explain subjective well-being. *Economic Modelling*, 20(2), 331–360.
- Hiebert, D. (2009). *The economic integration of immigrants in metropolitan Vancouver*. IRPP.
- Hong, S.M., Bianca, M.A., Bianca, M.R., & Bollington, J. (1993). Self-esteem: the effects of life-satisfaction, sex, and age. *Psychological Reports*, 72(1), 95–101.
- Jasinskaja-Lahti, I., Liebkind, K., Jaakkola, M., & Reuter, A. (2006). Perceived discrimination, social support networks, and psychological well-being among three immigrant groups. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 37(3), 293–311.
- Jasso, G., & Rosenzweig, M.R. (1990). English language proficiency and the locational choices of immigrants. In *The new chosen people: immigrants in the United States* (pp. 308–337). New York, Russell Sage Foundation.
- Kalmijn, M., & Van Tubergen, F. (2006). Ethnic intermarriage in the Netherlands: Confirmations and refutations of accepted insights. *European Journal of Population/Revue Européenne de Démographie*, 22(4), 371–397.
- Kalter, F., & Granato, N. (2002). *Ethnic minorities' education and occupational attainment: The case of Germany*. Mannheim, MZES.
- Khan, L. (2004) Immigration, skills and the labor market: international evidence. *Journal of Population Economics*, 17(3), 501–535.
- Li, P.S. (2003). Deconstructing Canada's discourse of immigrant integration. *Journal of International Migration and Integration/Revue de l'Integration et de la Migration Internationale*, 4(3), 315–333.
- Martinović, B. (2013). The inter-ethnic contacts of immigrants and natives in the Netherlands: A two-sided perspective. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 39(1), 69–85.
- Martinović, B., Van Tubergen, F., & Maas, I. (2009). Dynamics of interethnic contact: A panel study of immigrants in the Netherlands. *European Sociological Review*, 25(3), 303–318.
- Pio, E. (2005) Standing in the foyer: work experiences of Indian women migrants in New Zealand. *Equal Opportunities International*, 24(1), 58–76
- Remennick, L. (2004). Language acquisition, ethnicity and social integration among former Soviet immigrants of the 1990s in Israel. *Ethnic and Racial Studies*, 27(3), 431–454.
- Sachs, J. (2003). Validation of the satisfaction with life scale in a sample of Hong Kong university students. *Psychologia*, 46(4), 225–234.

- Safi, M. (2010). Immigrants' life satisfaction in Europe: Between assimilation and discrimination. *European Sociological Review*, 26(2), 159–176.
- Van Tubergen F., Mass I., and Flap H. (2004). The economic incorporation of immigrants in 18 Western societies: origin, destination and community effects. *American Sociological Review*, 69(5), 704–728.
- Verkuyten, M. (1986). The impact of ethnic and sex differences on happiness among adolescents in the Netherlands. *The Journal of social psychology*, 126(2), 259–260.
- Verkuyten, M., & Thijs, J. (2013). Multicultural education and inter-ethnic attitudes. *European Psychologist*, 18(3), 179.
- Wagner, U., Van Dick, R., Pettigrew, T.F., & Christ, O. (2003). Ethnic prejudice in East and West Germany: The explanatory power of intergroup contact. *Group Processes & Intergroup Relations*, 6(1), 22–36.

Article history:

Received: 29 March 2019

Revised: 26 April 2019

Accepted: 22 May 2019

For citation:

Pletneva Iu.E. (2019). The role of labour market integration, language proficiency and inter-ethnic contacts in shaping life satisfaction among immigrants in the Netherlands. *RUDN Journal of Economics*, 27(2), 326–337. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-2-326-337>

Bio note:

Iuliia E. Pletneva – Junior Researcher, the Institute of Socio-Political Research under the Russian Academy of Sciences (ISPR RAS). E-mail: julpletneva@yandex.ru

Научная статья

**Роль интеграции на рынке труда,
владения языком и межэтнических контактов
в формировании удовлетворенности жизнью
среди иммигрантов в Нидерландах**

Ю.Э. Плетнева

Институт социально-политических исследований РАН
Российская Федерация, 119333, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1

Исследования показывают относительно низкую удовлетворенность жизнью среди иммигрантов и этнических меньшинств. В то же время доказано, что субъективное благополучие играет важную роль в процессе социальной интеграции иммигрантов. Настоящее исследование вносит вклад в существующую литературу, исследуя медиативную роль интеграции на рынке труда и межэтнических контактов в связи между знанием языка и удовлетворенностью жизнью среди первого и второго поколений турецких и марокканских иммигрантов в Нидерландах. На основе данных голландского лонгитюдного исследования жизненного курса (NELLS) был проведен анализ методом моделирования структурными уравнениями. Результаты показали, что хотя владение языком

не оказывает прямого эффекта на повышение удовлетворенности жизнью среди иммигрантов, оно действительно имеет положительное воздействие через повышение трудовой интеграции и увеличение контактов с представителями этнического большинства.

Ключевые слова: миграция; удовлетворенность жизнью; социально-экономическая интеграция; владение языком; межэтнические контакты

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 29 марта 2019

Дата проверки: 26 апреля 2019

Дата принятия к печати: 22 мая 2019

Для цитирования:

Pletneva Ju.E. The role of labour market integration, language proficiency and inter-ethnic contacts in shaping life satisfaction among immigrants in the Netherlands (Роль интеграции на рынке труда, владения языком и межэтнических контактов в формировании удовлетворенности жизнью среди иммигрантов в Нидерландах) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2019. Т. 27. № 2. С. 326–337. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-2-326-337>

Сведения об авторе:

Плетнева Юлия Эдуардовна – младший научный сотрудник Центра социальной демографии Института социально-политических исследований Российской академии наук. E-mail: julpletneva@yandex.ru

DOI 10.22363/2313-2329-2019-27-2-338-352
УДК 338.2

Научная статья

Финансовые факторы стимулирования потребительской активности для достижения целей национальной экономической безопасности страны

А.Я. Быстряков, Е.М. Григорьева, Е.В. Савенкова

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

В условиях действия санкционного режима развитие национальной экономики России необходимо рассматривать под углом национальной экономической безопасности. Современный санкционный режим начался и до сих пор основывается на финансовых ограничениях и запретах, что отражается на необходимости специфического построения денежно-кредитной политики страны. В связи с этим существенным аспектом достижения целей национальной экономической безопасности выступают финансовые факторы. В качестве методологического подхода в работе используется дискриптивный подход, позволяющий оценить взаимосвязь между воздействием отдельных каналов трансмиссионного механизма (канал благосостояния, канал валютного воздействия) и экономическими переменными, такими как потребительский спрос. Произведена оценка вклада в индекс потребительских цен каждой из трех составляющих: индекса продовольственных товаров, индекса непродовольственных товаров и индекса платных услуг. Выявлена существенность вклада индекса продовольственных товаров, что подтверждено результатами регрессионного анализа зависимости потребительских цен от валютного курса. В работе выдвигается предположение о сочетании инфляционного таргетирования и таргетирования объемов промышленного производства для достижения более существенного эффекта реализации денежно-кредитной политики в условиях санкционного режима и в целях национальной экономической безопасности. Также с учетом выявления существенного вклада изменения валютного курса в индекс потребительских цен предлагается более пристальное внимание уделять влиянию Банка России на обменный валютный курс.

Ключевые слова: экономическая безопасность; канал трансмиссионного механизма; мультипликатор потребительских расходов; канал благосостояния; канал валютного курса; эффект переноса; импортозамещение

Введение

Санкции, применяемые к Российской Федерации с 2014 года, не достигли в полной мере ожидаемых результатов в дестабилизации внутреннего потребительского рынка России, полной ликвидации притока внешних ин-

вестиций, ухода с рынка иностранных компаний и снижения в целом экономической безопасности страны. Действительно по сравнению с 2013 годом поток иностранных инвестиций в российские активы сократился в 2015 году с 69 до 6,8 млрд долл. США. Но в 2016 году по оценкам экспертов ООН в России работало более 250 проектов с привлеченным иностранным капиталом, а это выше чем в 2014 году. Не прекратили, а продолжают развивать свои предприятия такие известные торговые корпорации, как ИКЕА и Leroy Merlin. В Подмоскowie готовится к открытию новое сборочное производство завода Mercedes-Benz, куда вложено более 200 млн евро. По прогнозу западных средств массовой информации, рост ВВП в России в 2019 году, по сравнению с 2018 годом, составит 0,8–1%. Возникло устойчивое понимание, что введенные санкции будут сохраняться в течение длительного времени (поправка Джексона-Вэника к закону о торговле 1974 года действовала 38 лет и не позволяла Советскому Союзу перейти к режиму наибольшего благоприятствования в ведении торговли с США) и нужны не только антисанкции, но и меры по сохранению устойчивости и безопасности экономики на долгосрочный период. Это касается и внутреннего потребительского рынка. Анализируя условия сохранения факторов экономической безопасности Российской Федерации на среднесрочную и долгосрочную перспективы, выявляется объективная необходимость оценки ситуации на потребительском рынке. Динамика потребительских цен, изменение потребительской активности населения, производство продукции в процессах импортозамещения в целом и в отдельных отраслях национальной экономики, доступность внутренних кредитных продуктов, влияние эффекта переноса в контексте изменения валютного курса – вот далеко не полный перечень факторов, которые оказывают существенное влияние на национальную экономическую безопасность страны.

Обзор литературы

В системе категории «национальная безопасность» особое место занимает понятие «экономическая безопасность», которая в прикладном аспекте обеспечивает устойчивое поступательное развитие национальной экономики в специфических условиях внешней и внутренней сред. За последние несколько лет специфические условия внешней среды для национальной экономики России сформировались под воздействием санкционного режима, и, как зеркальное отражение, были введены в действие программы импортозамещения, формирующие специфику внутренних условий.

Формирование мер по ответу на этот серьезный вызов для национальной экономики нашло свое отражение в документах стратегического планирования, а именно была утверждена «Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года»¹. Изучение данного документа для целей настоящего исследования позволяет определить финансовые факторы (основные вызовы и угрозы), заложенные в качестве ориентиров в нормативно-правовое поле решения проблемы экономической без-

¹ Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208.

опасности нашей страны. Признаки финансового характера носят следующие положения, сформулированные как вызовы и угрозы:

- усиление структурных дисбалансов в мировой экономике и финансовой системе, рост частной и суверенной задолженности, увеличение разрыва между стоимостной оценкой реальных активов и производных ценных бумаг;

- использование дискриминационных мер в отношении ключевых секторов экономики Российской Федерации, ограничение доступа к иностранным финансовым ресурсам и современным технологиям;

- усиление колебаний конъюнктуры мировых товарных и финансовых рынков;

- деятельность создаваемых без участия Российской Федерации межгосударственных экономических объединений в сфере регулирования торгово-экономических и финансово-инвестиционных отношений, которая может нанести ущерб национальным интересам Российской Федерации;

- подверженность финансовой системы Российской Федерации глобальным рискам (в том числе в результате влияния спекулятивного иностранного капитала), а также уязвимость информационной инфраструктуры финансово-банковской системы;

- недостаточный объем инвестиций в реальный сектор экономики, обусловленный неблагоприятным инвестиционным климатом, высокими издержками бизнеса, избыточными административными барьерами, неэффективной защитой права собственности;

- низкие темпы экономического роста, обусловленные внутренними причинами, в том числе ограниченностью доступа к долгосрочным финансовым ресурсам, недостаточным развитием транспортной и энергетической инфраструктуры;

- несбалансированность национальной бюджетной системы.

Приведенные характеристики возможных вызовов и угроз для национальной экономики должны являться основой для формирования главных показателей таких угроз и для дальнейшей их оценки, установления целевых количественных параметров, моделирования комплексного воздействия на экономическую систему. В нормативных и научно-методических источниках приводится достаточно много трактовок угроз и вызовов, подтверждающая множественность мнений и суждений относительно целевых характеристик и практических направлений эффективного поддержания экономической безопасности (Петросянец, Ларионова, 2017; Родин, Глухих, Самойленко, 2014). Большинство научных трудов, касающихся исследования национальной экономической безопасности, содержат группировки по таким критериальным группам признаков, как технологическая, технико-производственная, валютно-кредитная, сырьевая, энергетическая, информационная и экологическая (Петросянец, Ларионова, 2017).

Вопросы стимулирования экономического роста в условиях снижения притока финансового капитала, связанного с введением санкционного режима, ряд авторов предлагает рассматривать в ключе применения инструментария воздействия кредитного и процентного каналов, входящих в состав трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики (Родин, Глухих, Самой-

ленко, 2014; Камышова, 2009). Процентный канал описывается в большинстве макроэкономических моделей денежно-кредитной политики, оказывает воздействие на структуру сбережения и потребления, а механизм его воздействия достаточно очевиден: увеличение ключевой ставки ведет к повышению расходов на привлечение финансовых ресурсов, что проявляется в сокращении потребления и инвестиций (Keynes, 1936).

Проявление двойственности процентного канала заключается в содержательности так называемых канала замещения и канала потока наличных поступлений. В механизме канала замещения расходование средств имеет отложенный характер, если мегарегулятор поднимает процентную ставку. Происходит снижение внутреннего кредитования, снижается совокупный спрос на товары, в конечном итоге происходит снижение валового внутреннего продукта. В противном случае механизм работает на увеличение валового внутреннего продукта.

В механизме канала потока наличных поступлений изменение процентных ставок испытывают на себе заемщики и сберегатели. Рост ставок приводит к увеличению покупательской способности сберегателей и снижает ее у заемщиков, и наоборот (Кондратов, 2011).

Вопросы влияния валютного курса на экономический рост рассматриваются в контексте оценки вклада изменения курса национальной валюты в показатели инфляции с учетом вклада отраслевых индексов потребительских цен (ИПЦ) в контексте выбора таргетируемого показателя: либо валютный курс, либо инфляция (Aron, Macdonald, Muellbauer, 2014; Devereux, Yetman, 2010; Марсала, 2017; Камышова, 2016; Пономарев, 2016; Dobrynskaya, 2008; Григорьева, Салмина, 2011).

Количественное проявление экономического роста, выражающееся в динамике валового внутреннего продукта, характеризует силу и независимость экономических процессов и выступает наиболее значимым показателем экономической безопасности. Влияние на валовой внутренний продукт в значительной степени можно осуществлять посредством денежно-кредитной политики в целом и ее отдельных инструментов, что подтверждает значимость финансовых факторов при решении проблем поддержания экономического роста в системном подходе обеспечения экономической безопасности национальной экономики.

Методы и подходы

В целях настоящего исследования считаем необходимым провести дезагрегацию критериев для детального изучения финансовых факторов в системе национальной экономической безопасности и сделать акцент на управлении стимулированием потребительской активности населения в сформировавшихся специфических условиях внешней и внутренней сред. Такой выбор обусловлен тем, что наиболее часто целевой показатель экономического развития ВВП взаимоувязывается с мультипликатором потребительских расходов (который рассчитывается на основании предельной склонности к потреблению), инвестициями, которые зависят от предельной склонности к сбережению и процентными ставками. В таких условиях на первый

план выступает валютно-кредитная критериальная группа, отражающая особенности в том числе денежно-кредитной политики страны.

В рамках изучения влияния трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики будет использован дискриптивный подход, позволяющий выявить зависимость между мерами воздействия на экономику со стороны центрального банка и экономическими переменными, в частности показателями, характеризующими потребительский спрос (Быстряков, 2013).

Рефлексия потребительского спроса на проявление денежно-кредитной политики, отдельным инструментом которой является изменение предложения денег в экономике, это активное использование кредитных денег для удовлетворения текущих нужд и регулирование процентных ставок. Недостаток свободных средств для потребления может компенсироваться кредитными ресурсами. Кредитный канал трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики должен способствовать стимулированию потребления в национальной экономике (Тактаров, Григорьева, 2017). Поэтому считаем целесообразным произвести расчет и динамический анализ склонности к сбережению и потреблению, динамический анализ показателей предельной склонности к потреблению и к сбережению, а также проанализировать динамику мультипликатора потребительских расходов.

Результаты

Исследование динамики составляющих показателей, входящих в расчет предельной склонности к потреблению, приведен в табл. 1.

Таблица 1

Доходы и расходы населения и их изменение в экономике России, млн руб.
[Table 1. Incomes and expenses of the population, and their change in the Russian economy, million rubles]

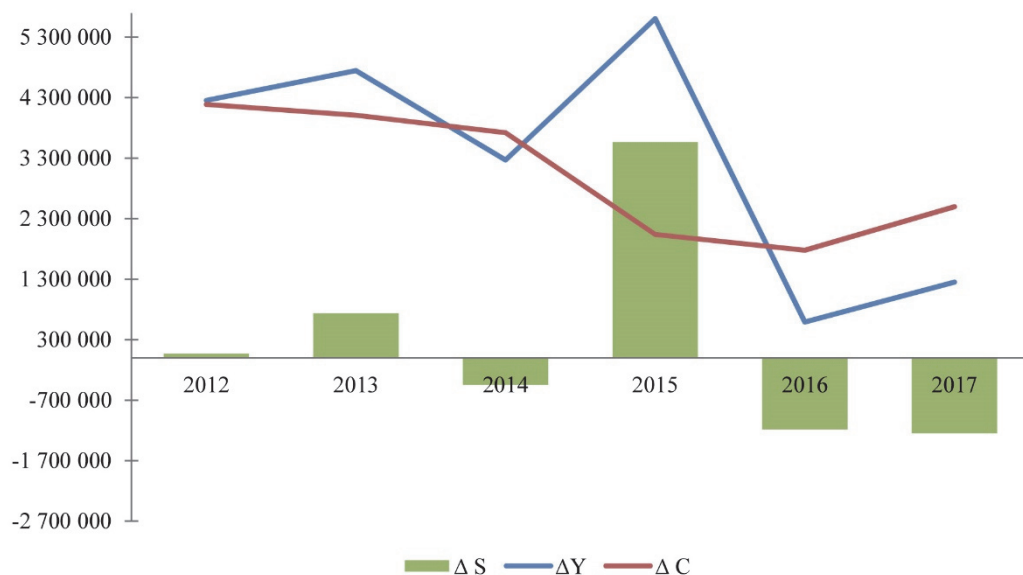
№	Показатель	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
1	Всего денежных доходов	35648674	39903672	44650449	47920651	53525872	54117671	55368219
2	ΔY	–	4254998	4746777	3270202	5605221	591799	1250548
3	Рост Y , %	–	11,9	11,9	7,3	11,7	1,1	2,3
4	Потребительские расходы	26185911	29611178	32847906	36106445	38003548	39530002	41949249
5	Обязательные платежи	3677716	4439862	5212635	5674185	5815406	6065897	6145023
6	Всего потребительских расходов (4)+(5)	29863627	34051040	38060541	41780630	43818954	45595899	48094272
7	ΔC	–	4187413	4009501	3720089	2038324	1776945	2498373
8	Рост C , %	–	16,0	13,5	11,3	5,6	4,7	6,3

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 01.03.2019).

В расчет предельной склонности к потреблению, на наш взгляд, необходимо включать обязательные платежи, влияющие на общую сумму расходов, которые население выделяет из общих доходов, уменьшая свои возможности делать сбережения.

Графическое представление динамики изменения доходов, расходов и сбережения в абсолютных единицах измерения отражено на рисунке.

Рисунок. Динамика изменения доходов, потребления и сбережения, млн руб.
[Figure. Dynamics of changes in income, consumption and savings, mln rub.]

Источник: составлено авторами на основе данных табл. 1 и Росстата. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 01.03.2019).

В группу показателей, характеризующих сбережение населения, нами отнесены показатели, приводимые Росстатом в общей структуре расходов: прирост/уменьшение сбережений во вкладах, ценных бумагах и наличных деньгах; покупка недвижимости, скота и птицы; приобретение иностранной валюты; изменение задолженности по кредитам; изменение средств на счетах индивидуальных предпринимателей.

Как отдельный индикатор реакции прироста ВВП на поведение потребителей можно выделить мультипликатор потребительских расходов

$$R = \frac{1}{MPS},$$

где MPS – предельная склонность к сбережению.

Расчет предельной склонности к потреблению и предельной склонности к сбережению приведен в табл. 2.

Предельная склонность к сбережению и, как следствие, мультипликатор потребительских расходов в 2014, 2016 и 2017 годах принимали отрицательное значение. Это значит, что в указанные периоды все расходы населения были направлены на удовлетворение текущих потребностей, сбережения были минимальны или принимали отрицательное значение. Если использовать данный показатель как рефлексивный индикатор изменений, необходимо привести анализ событий санкционного воздействия на экономику страны, что либо подчеркнет, либо опровергнет результаты, приведенных в табл. 2 расчетов.

Таблица 2

**Динамика показателей предельной склонности к сбережению
и предельной склонности к потреблению**
[Table 2. Dynamics of indicators of marginal propensity to save and marginal propensity to consume]

Показатель	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Предельная склонность к потреблению MPC	0,98412	0,84468	1,13757	0,36365	3,00262	1,99782
Предельная склонность к сбережению MPS	0,01588	0,15532	-0,13757	0,63635	-2,00262	-0,99782
Мультипликатор потребительских расходов (1/MPS)	62,95773	6,43826	-7,26894	1,57146	-0,49935	-1,00218

Источник: составлено авторами на основе данных табл. 1.

Начиная с 2014 года со стороны США и Евросоюза было введено ограничение для российских банков и крупных компаний работать на долговых рынках, реализовывать валютные платежи, технически оформлять сделки в традиционном формате. Практически это выразилось в ограничении рефинансирования внешних займов, пересмотре лимитов по иностранным операциям, увеличении сроков переводов и платежей иностранным контрагентам (Гавриленко, 2016). Реакция российского финансового сектора выразилась в административных и рыночных проявлениях. Так Центральный банк изменял ключевую ставку в течение 2014 года с 5,5 до 17 %. В Правительстве Российской Федерации был разработан и принят закон «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности РФ», согласно которому, запрещался ввоз определенной категории товаров и продуктов питания из стран, применивших санкции по отношению к Российскому государству². В число стран вошли США, страны Европейского союза, Канада, Австралия и др. Также позднее в число стран была внесена Украина. Запрет касался ввоза в Россию сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия. При наложении запрета предлагалось учитывать степень вовлеченности государств в санкционный режим против России. Конечно, такое решение послужило причиной нехватки определенного ассортимента товаров для населения и увеличения стоимости отдельных категорий товаров.

По данным Росстата можно проследить изменение цен на продовольствие за 2014–2015 годы, а именно выросли цены на мясо и птицу – на 2,5 %, рыбу – на 1,4 %, сахар (сахарный песок) – на 52,2 %, сыр – на 20 %, макаронные изделия – на 21,6 %, картофель – на 21 %, огурцы – на 12,3 %, капусту – на 63 %, морковь – на 49 %, бананы – на 38 %, яблоки – 17 %. На все эти продукты существенно повлияло продовольственное эмбарго.

Динамика индекса потребительских цен в национальной экономике отражена в табл. 3.

Очевидно, что 2014 году наибольший вклад в индекс потребительских цен внес рост цен на продовольственные товары (как и в 2015 году). В 2016 году

² Указ Президента РФ от 6 августа 2014 г. № 560.

наибольший вклад внесло изменение цен на непродовольственные товары, а в 2017 году наиболее существенно подверглись росту платные услуги населению.

Таблица 3

Динамика ИПЦ за 2011–2017 годы
[Table 3. CPI dynamics for 2011–2017]

Показатель	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
ИПЦ	106,10	106,57	106,47	111,35	112,91	105,39	102,51
Продовольственные товары	103,87	107,48	107,32	115,43	114,00	104,57	101,07
Непродовольственные товары	106,65	105,16	104,46	108,05	113,65	106,54	102,75
Платные услуги населению	108,72	107,28	108,01	110,45	110,20	104,89	104,35

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 01.03.2019).

Таблица 4

Динамика производства в натуральных единицах выпуска
[Table 4. Dynamics of production in natural units]

Показатель	2010	2011	Изм., %	2012	Изм., %	2013	Изм., %	2014	Изм., %	2015	Изм., %	2016	Изм., %
Мясо крупного рогатого скота парное, остьившее, охлажденное	220	190	-13	178	-6,6	199	11,7	185	-6,7	203	9,76	195	-4,2
Мясо крупного рогатого скота подмороженное, замороженное, глубокой заморозки и размороженное	43,0	38,6	-10	36,0	-6,9	41,6	15,6	43,2	3,87	51,7	19,5	49,9	-3,3
Свинина парная, остьившая, охлажденная	755	815	8	942	15,6	1232	30,8	1438	16,8	1655	15,1	1947	17,6
Свинина подмороженная, замороженная, глубокой заморозки и размороженная	57,6	61,6	7	58,5	-5,0	67,5	15,3	97,1	43,9	108	11,5	94,8	-12
Мясо и субпродукты пищевые домашней птицы	2774	3028	9	3405	12,5	3610	6,03	3979	10,2	4340	9,07	4464	2,87
Изделия колбасные	2439	2486	2	2533	1,91	2502	-1,3	2475	-1,1	2445	-1,2	2436	-0,4
Рыба живая, свежая или охлажденная	1151	1395	21	1399	0,27	1461	4,43	1168	-20	1176	0,65	1341	14,1

Окончание табл. 4

Показатель	2010	2011	Изм., %	2012	Изм., %	2013	Изм., %	2014	Изм., %	2015	Изм., %	2016	Изм., %
Филе рыбное, мясо рыбы прочее, печень, икра и молоки рыбы свежие или охлажденные	16,7	16,1	-4	16,1	0,09	18,6	15,5	21,1	13,7	18,8	-11	20,7	10,5
Рыба (кроме сельди) мороженая, печень, икра и молоки рыбы мороженые	2292	2356	3	2337	-0,8	2434	4,14	2347	-3,6	2502	6,58	2606	4,18
Филе рыбное мороженое	71,7	86,2	20	94,3	9,50	108	14,7	110	1,59	123	11,9	141	14,83
Морепродукты пищевые	84,2	88,3	5	97,7	10,6	104	6,28	120	15,4	97,8	-18	122	24,8
Фруктово-овощная продукция замороженная	24,5	38,4	57	40,2	4,69	45,3	12,7	45,8	1,13	55,4	21,0	71,7	29,3
Фруктово-овощные консервы, млн усл. банок	6729	7011	4	7473	6,59	7635	2,17	7861	2,96	7248	-7,8	6920	-4,5
Фрукты, ягоды и орехи сушеные	3,5	3,8	9	4,1	7,89	10,1	146	12,0	19,1	12,2	1,70	11,0	-10
Цельномолочная продукция (в пересчете на молоко), млн т	10,9	10,7	-2	11,3	5,64	11,5	2,06	11,5	-0,6	11,7	2,36	11,9	1,65
Молоко жидкое обработанное	4944	4926	0	5267	6,92	5386	2,25	5349	-0,7	5449	1,86	5569	2,21
Сливки	80,6	83,4	3	95,2	14,2	103	8,67	115	11,0	121	5,28	125	3,54
Творог	377	383	2	396	3,54	371	-6,4	387	4,31	416	7,47	410	-1,3
Масло сливочное	210	217	3	214	-1,5	225	5,06	250	11,4	256	2,33	251	-2,1
Сыры и продукты сырные	437	432	-1	451	4,26	435	-3,5	499	14,8	589	17,9	605	2,82
Продукты молочные сгущенные, млн усл. банок	883	855	-3	873	2,09	860	-1,5	833	-3,2	828	-0,6	854	3,19
Продукты кисломолочные, кроме сметаны и творога	2388	2318	-3	2430	4,82	2521	3,75	2520	-0,1	2445	-3,0	2492	1,92

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 01.03.2019).

Динамику производства основных видов импортозамещающих пищевых продуктов также можно охарактеризовать как растущую, что возымело свое действие и в 2016 и 2017 годах повлияло на индекс потребительских цен на продовольственные товары в сторону снижения.

Из приведенных данных видно, что по наименованию отдельных товаров снижение производства или сохранение на прежнем уровне наблюдалось в течение нескольких отчетных периодов: например, мясо крупного рогатого скота, изделия колбасные, рыба живая, свежая или охлажденная, плодоовощные консервы (в 2016 году сохранились примерно на уровне 2011 года).

Факт значительного вклада в ИПЦ продовольственных товаров соответствует уровню жизни скорее среднеразвитой или развивающейся страны и не воспринимается как приемлемый для российской экономической реальности. Но трудно спорить с тем, что в развитых странах Европейского союза, США и Арабского мира доля продовольственных товаров значительно ниже промышленной группы. Это объясняется культурой потребления, разницей в формировании цен на промышленные и продовольственные товары, складывающимися десятилетиями товарными потоками.

Также необходимо обозначить влияние колебания валютного курса и его вклад в индекс цен в национальной экономике. Взаимосвязь потребительских цен и прироста среднемесячного курса рубля изучена достаточно подробно (Могилат, 2017; Марсала, 2017; Пономарев, 2016). Индекс потребительских цен по категориям «продовольственные товары», «непродовольственные товары» и «платные услуги» имеет достаточно тесную связь с колебаниями валютного курса. Так, результаты регрессионного анализа (табл. 5) и регрессионного анализа с нулевой константой (табл. 6) показывают, что наибольший эффект переноса выявлен по группе «продовольственные товары», а наименьший – по группе «непродовольственные товары», что подтверждает выводы, сделанные нами ранее.

Таблица 5

**Результат статистических параметров
регрессионного анализа зависимости потребительских цен от валютного курса
[Table 5. The result of the statistical parameters of
the regression analysis of the dependence of consumer prices on the exchange rate]**

Цены	Эффект переноса	Ошибка аппроксимации (R^2)	Нормированный R^2	Стандартная ошибка	Константа
Индекс потребительских цен	0,40	0,80	0,80	12,67	15,07
Индекс цен на продовольственные товары	0,47	0,82	0,82	13,81	12,96
Индекс цен на непродовольственные товары	0,33	0,80	0,80	10,38	12,23
Индекс цен на платные услуги	0,41	0,76	0,76	14,53	20,24

Источник: Марсала Жалуд. Влияние динамики курса валюты на инфляцию в России // Символ науки. 2017. № 03-1. С. 90–94.

Таблица 6

**Результат статистических параметров регрессионного анализа
зависимости потребительских цен от валютного курса с нулевой константой
[Table 6. The result of statistical parameters of the regression analysis of
consumer prices dependence on the exchange rate with a zero constant]**

Цены	Эффект переноса	Ошибка аппроксимации (R^2)	Нормированный R^2	Стандартная ошибка
Индекс потребительских цен	0,53	0,90	0,89	16,21
Индекс цен на продовольственные товары	0,57	0,91	0,90	16,30
Индекс цен на непродовольственные товары	0,43	0,90	0,89	1324
Индекс цен на платные услуги	0,57	0,88	0,87	19,91

Источник: Марсала Жалуд. Влияние динамики курса валюты на инфляцию в России // Символ науки. 2017. № 03-1. С. 94.

Отмечается существенный вклад изменений валютного курса в индекс потребительских цен, так называемый эффект переноса: по продовольственным товарам – 47–57 %, по непродовольственным товарам – 33–43 %, по платным услугам – 41–57 %.

Обсуждение и заключение

В настоящее время Центральный банк Российской Федерации придерживается позиции, что основным звеном передачи влияния всей совокупности изменений экономических показателей, происходящих под действием денежно-кредитной политики, служит инфляционное таргетирование (Тактаров, Григорьева, 2017). Основные факторы, оказывающие воздействие на инфляцию, – это экономическая активность, в том числе и населения, ожидания экономических субъектов, валютный курс, издержки производителей (Могилат, 2017). Однако успех подобного подхода в долгосрочной перспективе ставится под сомнение как в отечественной, так и в зарубежной науке и практике.

Во-первых, существенное влияние инфляционное таргетирование оказывает на объемы промышленного производства. Зарубежные исследования показывают, что в целях стабилизации роста национальной экономики и достижения требуемого уровня ВВП необходимо сочетать эти два подхода (Green, 1996; Bystriakov, 2014). Особенно это актуально, на наш взгляд, в режиме санкционного давления и политики импортозамещения, проводимой в настоящее время в национальной экономике.

Во-вторых, степень влияния Центрального банка на валютный курс должна определяться уровнем эффекта переноса в изменении цен вообще и в уровне потребительских расходов в частности. В нашей стране вклад эффекта переноса очень велик и в контексте национальной экономической безопасности носит определяющую роль в текущий период санкционного давления.

Список литературы

- Быстряков А.Я.* Развитие предпринимательства: проблемы и пути решения // Вестник РУДН. Серия: Экономика. 2013. № 5. С. 145–153.
- Гавриленко А.Е.* Влияние санкций на отдельные отрасли российской экономики // Концепт. 2016. Т. 11. С. 2796–2800. URL: <http://e-koncept.ru/2016/86590.htm>
- Григорьева Л.М., Салмина А.А.* Потребительское поведение и социально-экономическое положение домохозяйств в условиях кризиса // Российские регионы. М.: ТЕИС, 2011. С. 206–231.
- Камышова А.Б.* Денежно-кредитные механизмы стимулирования потребления населения России // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2009. № 4. С. 14–19.
- Камышова А.Б.* Дилемма денежно-кредитной политики России: таргетирование инфляции или валютного курса? // Экономическая теория. 2016. № 4 (137). С. 7–12.
- Кондратов Д.И.* Таргетирование в денежно-кредитной политике Евросоюза: эволюция и результативность. М.: Ин-т Европы РАН; Русский сувенир, 2011. 248 с.
- Марсала Жалуд.* Влияние динамики курса валюты на инфляцию в России // Символ науки. 2017. № 03–1. С. 90–94.
- Могилат А.Н.* Обзор основных каналов трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики и инструментов их анализа в Банке России // Деньги и кредит. 2017. № 9. С. 3–9.
- Петросянец Д.В., Ларионова Ю.С.* Основы функционирования инновационной инфраструктуры в системе национальной экономической безопасности // Региональные проблемы преобразования экономики. 2017. № 7. С. 33–40.
- Пономарев Ю.Ю.* Теоретические и эмпирические аспекты эффекта переноса обменного курса в цены в российской экономике: автореф. ... дис. канд. экон. наук. М.: РАНХИГС, 2016.
- Родин Д.Я., Глухих Л.В., Самойленко М.П.* Новое понимание функционирования кредитного канала и его воздействие на экономический рост // Вопросы экономики. 2014. № 4 (232). С. 24–31.
- Тактаров Г.А., Григорьева Е.М.* Проблемы управления банковскими рисками: макроэкономический подход // Актуальные проблемы развития региона: материалы Международной научно-практической конференции. 2017. С. 156–162.
- Aron J., Macdonald R., Muellbauer J.* Exchange Rate Pass-Through in Developing and Emerging Markets: A Survey of Conceptual, Methodological and Policy Issues, and Selected Empirical Findings // The Journal of Development Studies. 2014. Vol. 50. No. 1. Pp. 101–143.
- Bystriakov A.Y.* Le developpement de l'entrepreneuriat: problemes et solutions // La "Grande Europe" En Devenir – CEMAFI International. 2014. Pp. 253–262.
- Devereux M., Yetman J.* Price adjustment and exchange rate pass-through // Journal of International Money and Finance. 2010. Vol. 29(1). Pp. 181–200.
- Dobrynskaya V.V.* Asymmetric price rigidity and the optimal interest rate defense of the exchange rate: Some evidence for the US // Journal of Policy Modeling. 2008. No. 30(5). Pp. 713–724.
- Green J.* Inflation Targeting: Theory and Policy Implication. IMF Working Paper, WP/96/9. 1996.
- Keynes J.M.* The General Theory of Employment, Interest and Money. London: Macmillan, 1936.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 27 марта 2019

Дата проверки: 28 апреля 2019

Дата принятия к печати: 28 мая 2019

Для цитирования:

Быстряков А.Я., Григорьева Е.М., Савенкова Е.В. Финансовые факторы стимулирования потребительской активности для достижения целей национальной экономической безопасности страны // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2019. Т. 27. № 2. С. 338–352. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-2-338-352>

Сведения об авторах:

Быстряков Александр Яковлевич – доктор экономических наук, профессор, Российский университет дружбы народов. E-mail: bstal@yandex.ru

Григорьева Елена Михайловна – кандидат экономических наук, доцент, Российский университет дружбы народов. E-mail: argooveo@yandex.ru

Савенкова Елена Викторовна – доктор экономических наук, профессор, Российский университет дружбы народов. E-mail: savenkova.rudn@mail.ru

Research article

Financial factors of stimulating consumer activity to achieve the goals of the country's national economic security

Alexander Ya. Bystriakov, Elena M. Grigorieva, Elena V. Savenkova

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

Abstract. In the context of the sanctions regime, the development of the national economy of Russia should be viewed from the angle of national economic security. The modern sanctions regime has begun and is still based on financial restrictions and prohibitions, which affects the need for a specific monetary policy of the country. In this regard, an important aspect of achieving the goals of national economic security are financial factors. As a methodological approach, the paper uses a descriptive approach to assess the relationship between the impact of the different channels of the transmission mechanism (welfare channel, exchange rate pass-through) and economic variables such as consumer demand. The contribution to the consumer price index of each of the three components is estimated: index of food products, index of non-food products and index of paid services. The significance of the contribution of the index of food products is revealed, which is confirmed by the results of regression analysis of the dependence of consumer prices on the exchange rate. The paper proposes a combination of inflation targeting and industrial production targeting to achieve a more significant effect of monetary policy implementation in the conditions of the sanctions regime and for the purposes of national economic security. Also, taking into account the significant contribution of changes in the exchange rate to the consumer price index, it is proposed to pay more attention to the impact of the Bank of Russia on the exchange rate.

Keywords: economic security; transmission channel; consumer spending multiplier; welfare channel; exchange rate pass-through; transfer effect; import substitution

References

- Aron J., Macdonald R., Muellbauer J. (2014). Exchange Rate Pass-Through in Developing and Emerging Markets: A Survey of Conceptual, Methodological and Policy Issues, and Selected Empirical Findings. *The Journal of Development Studies*, 50(1), 101–143.
- Bystriakov A.Ya. (2014). Le developpement de l'entrepreneuriat: problemes et solutions. *La "Grande Europe" En Devenir – CEMAFI International*, 253–262.
- Bystryakov A.Ya. (2013). Razvitie predprinimatelstva: problem i puti resheniya [Entrepreneurship development: problems and solutions]. *RUDN Journal of Economics*, (5), 145–153. (In Russ.)
- Devereux M., Yetman J. (2010). Price adjustment and exchange rate pass-through. *Journal of International Money and Finance*, 29(1), 181–200.
- Dobrynskaya V.V. (2008). Asymmetric price rigidity and the optimal interest rate defense of the exchange rate: Some evidence for the US. *Journal of Policy Modeling*, 30(5), 713–724.
- Gavrilenko A.E. (2016). Vliyanie sankziy na otdelnyye otrasly rossiyskoy ekonomiki [The impact of sanctions on certain sectors of the Russian economy]. *Concept*, 11, 2796–2800. Retrieved from <http://e-koncept.ru/2016/86590.htm>. (In Russ.)
- Green J. (1996). *Inflation Targeting: Theory and Policy Implication*. IMF Working Paper. WP/96/9.
- Grigorieva L.M., Salmina A.A. (2011). Potrebitelskoe povedenie i sotsialno-ekonomicheskoe polozheniye domochozyaystv v usloviyah krizisa [Consumer behavior and socio-economic situation of households in crisis]. *Russian regions* (pp. 206–231). Moscow, TEIS Publ. (In Russ.)
- Kamyshova A.B. (2009). Denezhno-kreditnye mekhanizmy stimulirovaniya potrebleniya naseleeniya Rossii [Monetary mechanisms of stimulation of consumption of the population of Russia]. *Izvestiya Sankt-Petersburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, (4), 14–19. (In Russ.)
- Kamyshova A.B. (2016). Dilemma denezhno-kreditnoy politiki Rossii; targetirovanie inflyzii ili valutnogo kursa? [Russia's monetary policy dilemma: inflation or exchange rate targeting?]. *Ekonomicheskaya teoriya*, 4(137), 7–12. (In Russ.)
- Keynes J.M. (1936). *The General Theory of Employment, Interest and Money*. London, Macmillan.
- Kondratov D.I. (2011) *Targetirovaniye v denezhno-kreditniy politike Evrosoyuza: evoluziya i rezultativnost* [Targeting in the monetary policy of the European Union: evolution and effectiveness]. Moscow, The Institute of Europe RAS, Russkiy souvenir Publ. (In Russ.)
- Marsala Jalud. (2017). Vliyanie dinamiki kursa valuty na inflyaziyu v Rossii [Influence of currency exchange rate dynamics on inflation in Russia]. *Symvol nauki*, (03–1), 90–94. (In Russ.)
- Mogilat A.N. (2017). Obzor osnovnykh kanalov transmissionnogo mekhanizma denezhno-kreditnoy politiki i instrumentov ikh analiza v Banke Rossii [Review of the main channels of monetary policy transmission mechanism and instruments of their analysis in the Bank of Russia]. *Dengi i kredit*, (9), 3–9. (In Russ.)
- Petrosyanets D.V., Larionova Y.S. (2017). Osnovy funkcionirovaniya innovatsionnoy infrastruktury v sisteme nazionalnoy ekonomicheskoy bezopasnosti [Fundamentals of innovative infrastructure functioning in the system of national economic security]. *Regionalniye problemy preobrazovaniya ekonomiki*, (7), 33–40. (In Russ.)
- Ponomarev Y.Y. (2016) *Teoreticheskie i empiricheskiye aspekty effekta perenosa obmennogo kursa v tseny v rossiyskoy ekonomike* [Theoretical and empirical aspects of the effect of exchange rate transfer in prices in the Russian economy] (Abstract of Thesis of Candidate of Economic Sciences). Moscow, RANKHIGS Publ. (In Russ.)
- Rodin D.Y., Glukhikh L.V., Samoylenko M.P. (2014). Novoye ponimaniye funkcionirovaniya kreditnogo kanala i ego vozdeystviye na ekonomicheskoy rost [New understanding of the functioning of the credit channel and its impact on economic growth]. *Voprosy ekonomiki*, 4(232), 24–31. (In Russ.)

Taktarov G.A., Grigorieva E.M. (2017). Problemy upravleniya bankovskimi riskami [Problems of bank risk management: macroeconomic approach]. *Aktualniye problem razvitiya regiona: materialy Mejdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferenzii* (pp. 156–162.). (In Russ.)

Article history:

Received: 27 March 2019

Revised: 28 April 2019

Accepted: 28 May 2019

For citation:

Bystriakov A.Ya., Grigorieva E.M., Savenkova E.V. (2019). Financial factors for stimulating consumer activity to achieve the goals of the country's national economic security. *RUDN Journal of Economics*, 27(2), 338–352. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-2-338-352>

Bio notes:

Alexander Ya. Bystriakov – Dr. Sc. (Econ.), Associate Professor, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: bstal@yandex.ru

Elena M. Grigorieva – Cand. Sc. (Econ.), Associate Professor, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: aroooveo@yandex.ru

Elena V. Savenkova – Dr. Sc. (Econ.), Associate Professor, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: savenkova.rudn@mail.ru

DOI 10.22363/2313-2329-2019-27-2-353-365
УДК 336.027

Научная статья

Деофшоризация экономики России: эволюция подходов и основные приоритеты современного этапа

Е.Н. Смирнов

Государственный университет управления
Российская Федерация, 109542, Москва, Рязанский проспект, 99

В последние годы в российской экономике был проведен ряд мероприятий по деофшоризации, в частности, было развито законодательство по государственным закупкам и в сфере регулирования понятия «контролируемая иностранная компания». Между тем остаются некоторые проблемы, связанные с улучшением социально-экономической ситуации в стране, амнистией капитала и дальнейшим совершенствованием валютного, таможенного и налогового контроля. В статье проанализированы основные направления совершенствования нормативно-правовой базы деофшоризации, особенности ее развития в условиях экономических санкций, а также предложены меры по совершенствованию деофшоризации с учетом повышения прозрачности офшорных схем, степени раскрытия налоговой информации и улучшения инвестиционного климата страны. Сделан вывод, что об эффективной деофшоризации можно будет говорить тогда, когда фискальные и монетарные власти закончат проводить политику, при которой бизнес в стране убыточен и невыгоден. Барьером является и то, что в России нет равных условий конкуренции в плане ведения предпринимательской деятельности с зарубежными странами. Поэтому политика деофшоризации должна быть связана с созданием благоприятных условий развития малого/среднего предпринимательства.

Ключевые слова: офшорный бизнес; офшорные юрисдикции; деофшоризация; бенефициары; вывоз капитала

Введение

В современной науке деофшоризация толкуется двояко. С юридической точки зрения она представляет собой разнообразные механизмы правовой деятельности государства по нейтрализации недобросовестных офшорных резидентов. В экономическом контексте деофшоризацию толкуют как процесс, направленный на исключение вредоносной роли офшоров для бизнеса, снижение объемов денежных средств, которые проводятся через офшорные юрисдикции.

© Смирнов Е.Н., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Президент РФ в своем послании Федеральному собранию РФ 12 декабря 2012 г. впервые обозначил термин «деофшоризация» и предложил общие меры по деофшоризации российской экономики: сокращение практики владения офшорными компаниями активами на территории РФ; повышение степени прозрачности национальной экономики; обеспечение механизмов государственного гарантирования и кредитования; выявление лиц, пользующихся услугами офшорных юрисдикций (Послание..., 2012).

Обзор литературы

В российской и зарубежной литературе проблематика офшорного бизнеса разработана достаточно широко, тогда как вопросы деофшоризации только набирают популярность в исследованиях. В современных изданиях ряд аспектов деофшоризации почти не освещался (например, проблемы деофшоризации в условиях экономических санкций и кризисного состояния экономики). Важна и оценка деофшоризации с позиций корректировки стратегии развития внешнеэкономических связей России.

Среди отечественных ученых наибольший вклад в разработку проблем, исследуемых в настоящей статье, внесли А.А. Артемьев (Артемьев, 2013), А.М. Воронина (Воронина, 2006), А.Н. Захаров (Захаров, 2017), В.Ю. Катасонов (Катасонов, 2014), А.Н. Михайлин (Михайлин, 2018), Н.М. Телюк (Телюк, 2011), Б.А. Хейфец (Хейфец, 2015) и др.

Методы исследования

Для реализации целей и задач настоящего исследования ключевую роль сыграли труды зарубежных и отечественных ученых, посвященные анализу проблематики международного движения капитала, современных тенденций развития офшорного бизнеса и практики антиофшорного регулирования в мировой экономике.

Правовая база деофшоризации

Комплекс мер по деофшоризации экономики реализуется Министерством финансов России, которое вместе с Росфинмониторингом разработало и приняло специальный план противодействия офшорам, предусматривающий разносторонние мероприятия, ключевыми из которых являются введение обязательств для компаний по раскрытию информации о конечных бенефициарах и разработка реестра о них, доступного специальным органам регулирования (Постановление..., 2014).

В марте 2013 г. Федеральная налоговая служба (ФНС) представила первый проект антиофшорного закона, введя в действующее налоговое законодательство два элемента: понятие *конечного бенефициара* и предложение ввести налог на осуществляемые выплаты в офшорные юрисдикции. Впрочем, судьба этого проекта закона неизвестна. Успехом между тем можно считать подписанные Соглашения об избежании двойного налогообложения (СИДН) (со Швейцарией и Кипром) (Соглашение..., 2017).

Правовые основы процессов деофшоризации российской экономики включают три элемента: Федеральный закон (далее – ФЗ) № 376-ФЗ от 24 ноября 2014 г. (основной инструмент политики деофшоризации); начало международного сотрудничества России в сфере обмена налоговой информацией; решение проблем в сфере амнистии капиталов. Закон нацелен, в частности, на разработку мер в сфере налогообложения для иностранных компаний и затронул порядка 2/3 представителей крупного и среднего бизнеса.

В соответствии с указанным законом Налоговый кодекс (НК РФ) был дополнен главой 34, в которой введены новые понятия: *контролируемая иностранная компания (КИК)* – не являющаяся резидентом страны иностранная организация, но находящаяся под контролем; *контролирующее лицо* – лицо, участие которого в КИК не более 25 или 10 %, в том числе если общий удельный вес участия лиц – российских резидентов превышает в данной компании 50 %; *место фактического управления*, которое необходимо для признания организации как налогового резидента; *средневзвешенная ставка*, рассчитываемая индивидуально в каждом конкретном случае.

Введены новые требования – установлен механизм налогообложения прибыли КИК в нашей стране (так, нераспределенная прибыль КИК включается в налогооблагаемую базу компаний, контролирующих КИК) – и ряд новых обязанностей – прибыль КИК должна декларироваться прямо пропорционально долям участия. Налоговые органы должны уведомляться об участии в КИК. Нераспределенная прибыль, подлежащая декларированию, составила 50, 30 и 10 млн руб. в 2015, 2016 и 2017 гг. соответственно.

Позднее принят Закон № 150-ФЗ от 08 июня 2015 г., установивший, что КИК признается также иностранный предприниматель, который контролируется физическим или юридическим лицом – налоговым резидентом РФ.

По мере нововведений изменялась и реакция бизнеса, выразившаяся в репатриации капиталов крупными компаниями, работающими с бюджетными средствами; смене резидентства, но сохранении бизнеса в РФ, владельцами небольших капиталов; «выжидании» представителями среднего бизнеса и физическими лицами (поскольку ввиду многочисленности бенефициаров, эффективных механизмов их раскрытия в России пока нет).

Практическая реализация Закона № 376-ФЗ пока не имеет серьезных подвижек. Необходимо вносить все новые изменения. Так, значимым представляется продолжение борьбы с недобросовестными налогоплательщиками на основе введения норм трансфертного ценообразования. Такая работа началась еще в 2012 г. принятием закона (№ 227-ФЗ от 18 июля 2011 года), основной целью которого явилось совершенствование налогового контроля при применении трансфертных цен. Введен новый механизм налогового регулирования трансфертных цен на базе специального Руководства Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в сфере трансфертного ценообразования для транснациональных корпораций (ТНК) и налоговых органов (принято в 2010 г.) (Ярцева, 2016: 97).

В Налоговом кодексе РФ введен новый раздел V.1, регулирующий, в частности, взаимозависимость лиц для целей налогообложения (налогоплательщик должен уведомлять налоговые органы о «контролируемых» сдел-

ках). Кроме того, налогоплательщик может заключить соглашение о ценообразовании с налоговым органом. Такие соглашения, распространенные в международной практике, позволяют предварительно определить порядок ценообразования для целей налогообложения и спланировать объем начисленных налогов (Кирова, 2011).

Законом № 227-ФЗ предусмотрена и ответственность за неуплату налогов вследствие использования трансфертных цен, нарушений условий соглашения о ценообразовании. Российской спецификой Закона № 227-ФЗ, в отличие от упомянутого Руководства ОЭСР, является следующее: к контролируемым сделкам отнесены сделки между лицами, не являющиеся взаимозависимыми; по каждому виду сделки для налоговых целей предусмотрена сумма доходов, превысив которую сделка признается контролируемой; в качестве приоритета установлено применение методики сопоставимых цен; вводятся штрафы за непредставление информации о контролируемой сделке в налоговые органы. ФНС РФ только в 2013 г. впервые приняла более 4 тыс. уведомлений о контролируемых сделках от налогоплательщиков; заключено 8 соглашений о ценообразовании (В ФНС поступило..., 2014).

В развитие законодательства, регулирующего трансфертное ценообразование, принят Закон № 321-ФЗ от 16.11.2011 г. В соответствии с ним было введено понятие «*консолидированная группа налогоплательщиков (КГН)*» с целью объединить налоговую базу налога на прибыль для компаний, являющихся взаимозависимыми.

При реализации политики деофшоризации необходимо особое внимание уделить противодействию коррупции, что требует, в частности, совершенствования законодательства о государственных закупках. Так, необходимо ограничить участие в госзакупках офшорных компаний. В этой связи необходимо дополнить Закон № 44-ФЗ от 05 апреля 2013 г. (в редакции от 05 апреля 2016 г.) положением о том, что заказчик вправе устанавливать ограничения для российских компаний, зарегистрированных в офшорах (например, при использовании офшорных компаний сумма контракта на поставку для федеральных нужд не может превышать 500 тыс. руб., а для нужд регионов – 250 тыс. руб.).

Необходимо продолжать работу по гармонизации и унификации антиофшорного законодательства с международным правом. Направления в плане BEPS на 2017–2018 гг. предусматривают создание механизмов автоматизированного обмена налоговой информацией и общемирового стандарта отчетности в его рамках – *Automatic Exchange of Information (AEOI)*; глобального инфраструктурного центра (Шелепов, 2016: 38).

Проблематика амнистирования капиталов, в свою очередь, должна синхронизироваться с законом о КИК в части решения вопросов о том, что будет являться объектами амнистии; подлежат ли объекты налогообложению, если активы декларируются; можно ли игнорировать происхождение этих активов.

Следует также особо оговориться и о концепции *мягкой деофшоризации*. В 2013 г. был внесен законопроект № 371173-6, который ранее рассматривался отечественными экономистами как эффективный (Хейфец, 2015). Данный проект закона предусматривал формирование единого реестра националь-

ного бизнеса. В реестр не включаются компании, где удельный вес зарубежных лиц выше 10 % от уставного капитала. Компании со статусом национального бизнеса получают различную государственную поддержку. Несмотря на это, указанный законопроект несовершенен, поскольку, во-первых, в нем просматривается дискриминация иностранного капитала и угроза для зарубежных инвесторов; во-вторых, государственная поддержка при чрезвычайно высокой степени коррумпированности в стране невозможна; в-третьих, государственная поддержка бизнеса не различается для разных отраслей; в-четвертых, в проекте закона есть очередные маневры увода средств в офшоры. Наконец, целесообразно в законопроекте отразить следующее: снизить порог превышения долга перед иностранными лицами; установить максимальный размер роялти для объектов интеллектуальной собственности (товарные знаки); запретить консалтинговые услуги, оказываемые иностранным лицам.

Экономические санкции и деофшоризация

Экономический кризис predetermined необходимость внедрения действенных механизмов государственного регулирования экономики. В частности, на примере анализа государственных закупок подтверждается, что в последние годы наметилась негативная тенденция уменьшения относительной экономии бюджетных средств в результате закупок (в 2012–2014 гг. – до 5 %). Счетная палата РФ выявила около 300 нарушений контрактной системы (Новый закон..., 2015). В связи с этим было сочтено целесообразным введение норм права, которые исключили бы офшорные компании из сферы государственных закупок. В итоге был принят Закон № 227-ФЗ от 13.07.2015 г., однако всех проблем он не решил, поскольку в российском законодательстве нечетко формализовано понятие «офшорная организация», а упоминание офшора встречается лишь в следующих правовых актах: Приказ Министерства финансов № 108-н от 13.11.2007 г. (в ред. от 02.10.2014 г.), Указание Банка России № 1317 от 07.08.2003 г. (ред. от 18.02.2014). Однако эти документы к офшорным компаниям относят лишь лица, зарегистрированные в офшорных юрисдикциях, в то время как офшорную компанию можно определить как зарегистрированную в офшорной юрисдикции, не раскрывающей информацию об этой компании.

Закон № 44-ФЗ предполагает, что офшорная компания не может являться субъектом закупок, и заказчик от такого контракта должен отказаться, тем не менее количество расторгаемых контрактов не уменьшается. Владелец офшора скорее будет регистрировать в России лицо, аффилированное к заказчику. Кроме того, из сферы закупок не исключаются лица, учредители которых – офшорные компании. Нет и запрета на использование субподрядчиков из офшорных компаний. В связи с этим, несмотря на то что целью Закона № 44-ФЗ была заявлена деофшоризация, офшоры не ушли из государственных закупок.

Отметим, что в 2014 г. членство России в ОЭСР было приостановлено, что в перспективе тормозит мобильность в сфере обмена информацией, снижает возможности налогового мониторинга.

Существенный недостаток действующего законодательства – борьба с номинальными учредителями, являющимися гражданами офшора, что позволяет обойти нормы закона. Поэтому данный закон будет эффективным, но только в отношении среднего бизнеса, а крупные компании продолжают действовать по-прежнему.

Вопросы *офшорной амнистии* впервые были подняты в 2014 г. Расширенный по сравнению с амнистией капиталов подход заложен в Законе № 140-ФЗ от 08.06.2015 г. По существу, данный закон обеспечил возможность для граждан России укрепить правовой статус своего имущества – как зарубежного, так и российского.

При амнистии возникают некоторые проблемы и с оценкой активов. Так, законопроект № 642129-6 «О порядке возврата активов в Российскую Федерацию» предусматривает ставку налога на возвращенный капитал в размере 2,5 %, однако бизнес ожидает, что после амнистии ситуация может развиваться самым непредсказуемым образом.

Законодательство предусмотрело проведение второго этапа налоговой амнистии с марта 2018 г. по февраль 2019 г., на котором возможно легализовать нарушения, связанные с законодательством о КИК, а также нарушения по уже закрытым счетам в зарубежных банках (Амнистия капиталов..., 2018).

Проблема чрезмерной офшоризации не решается только принятием законов и их совершенствованием. Гораздо более значимым является смена макроэкономической политики в стране, изменение сложившихся подходов к управлению экономикой. На современном этапе начинают обсуждаться и применяться инструменты импортозамещения и деофшоризации, однако проблема финансирования Правительством РФ зарубежных государств остается. Постепенно офшоризируются государственные резервы в иностранных валютах стран, вводящих антироссийские санкции (около трети резервов вложены в экономики Германии, США и Франции).

В результате антироссийских санкций проблемы деофшоризации вновь актуализировались, потому что вновь усилился вывоз в офшоры капитала (табл. 1), хотя в 2015–2018 гг. и наблюдается снижение оттока капитала. В связи с этим проблема деофшоризации – не только возврат средств из офшоров; для ее решения необходима стратегия стимулирования роста капиталовложений в новейшие технологии, источниками которых могут являться средства из офшорных юрисдикций.

Таблица 1

Чистый вывоз капитала частным сектором в 1994–2018 гг., млрд долл. США
[Table 1. Net capital exports by private sector, 1994–2018, billion USD]

Год	Млрд долл.	Год	Млрд долл.
1994	12,7	2012	53,9
2000	23,1	2014	152,1
2002	7,0	2015	57,1
2006	–43,7	2016	18,5
2008	133,6	2017	25,2
2010	30,8	2018	11,0

Примечание. 2018 г. – оценка.

Источник: составлено автором по (Чистый ввоз/вывоз..., 2018).

Что касается фактора конфиденциальности конечных бенефициаров, то для офшорного бизнеса скоро он не будет играть такой роли, как ранее. Ключевые страны, в том числе и Россия, все больше включаются в процессы международного налогового сотрудничества.

При проведении политики деофшоризации в России на уровне государства наблюдается два противоречивых обстоятельства: во-первых, желание создать эффективный механизм противодействия офшорным схемам; во-вторых, высокие процентные ставки, негативно отражающиеся на механизмах кредитования.

С целью борьбы с высокой инфляцией Банком России проводится политика дефицита денег, что ведет к сужению денежного предложения и секвестру бюджета, а средств на помощь и инвестиции реальному сектору экономики остается значительно меньше (более того, имеется проблема прямых инвестиций их офшоров, что подтверждается данными статистики, приведенными в табл. 2). Таким образом, получаемая валютная выручка от экспорта нефти «проедается» и почти никак не влияет на экономическое развитие. Между тем в условиях санкций наша страна все больше открывает свой рынок азиатским активно развивающимся странам.

Таблица 2

Прямые инвестиции в РФ по ключевым странам-инвесторам в 2017 г., сальдо операций, млн долл. США
[Table 2. Balance of foreign direct investments in Russia by the main countries, 2017, million USD]

Страна	Млн. долл.	Страна	Млн. долл.
Всего по странам, в том числе:	28684		
Кипр	8693	Бермуды	1336
Багамы	6211	Ирландия	889
Люксембург	3378	Франция	854
Сингапур	2703	Джерси	832
Великобритания	2102	Гонконг	573
Швейцария	1511	Германия	470

Примечание. * – участие в капитале, реинвестирование доходов и долговые инструменты.
 Источник: составлено автором по (Прямые инвестиции..., 2018).

Субъекты, занимающиеся проведением политики деофшоризации на современном этапе, представлены в табл. 3.

Регистрировать компанию в офшоре необходимо, учитывая требования указанных ведомств, в противном случае собственник компании рискует быть объявленным недобросовестным налогоплательщиком.

В последние годы Россия и зарубежные страны стремятся к достижению прозрачности офшоров. Наша страна пытается ограничить офшоризацию посредством запрета некоторых видов деятельности для компаний, которые зарегистрированы в офшорах (например, запрет на осуществление государственных закупок у этих компаний).

В России налоговые сборы снижаются быстрее темпов роста ВВП. Между тем проведение политики деофшоризации не особенно пугает бизнес, а в его практике разрабатываются новые схемы по оптимизации налогообложения

(например, широко привлекаются консультационные компания для разработки таких схем) (Инновационная стратегия..., 2013).

Таблица 3

Органы государственной власти, участвующие в реализации политики деофшоризации
[Table 3. Public authorities participating in implementation of policy of deoffshorization]

Орган	Функции
Федеральная налоговая служба (ФНС)	Наиболее активно вовлечена в процесс деофшоризации, поскольку вывоз капитала в офшоры означает для бюджета недополученные налоги. ФНС внимательно анализирует сделки с участием взаимозависимых лиц, офшорных компаний, сделки по трансфертным ценам и бартерные сделки
Банк России	Прибыль, недополученная банковским сектором вследствие офшоризации капитала, является серьезным мотивом, чтобы проверить сделки резидентов с зарубежными лицами, сотрудничать с офшорными банками и регулировать валютные операции
Федеральная таможенная служба (ФТС)	ФТС получила широкие полномочия, поскольку путем создания офшорной компании при импорте товаров можно существенно экономить на таможенных платежах. Кроме того, организован информационный обмен ФТС и ФНС
Федеральная служба финансово-бюджетного надзора (Росфиннадзор)	Участвует в деофшоризации в части регулирования валютных операций, поскольку нарушения валютного законодательства, обнаруженные Росфиннадзором, могут явиться поводом начала уголовного производства.
Федеральная служба финансового мониторинга (Росфинмониторинг)	Установление ограничений на отмывание незаконно полученных денежных средств. Росфинмониторинг не имеет широких полномочий, но ее представители могут добиваться приостановки операций со счетами банков-резидентов, если вызовет подозрение происхождение средств

Источник: составлено автором.

Отечественное законодательство является наиболее коррупционным, поэтому налаживаемый международный обмен налоговой информацией пока не будет иметь значимого эффекта. Механизмы международного сотрудничества должны быть направлены на противодействие применению серых схем оптимизации налогообложения. Это особенно важно с учетом того, что ряд офшоров постепенно «обеляется» (Белиз, Каймановы острова). Ряд офшоров все еще проводят недобросовестные операции, но число их постепенно снижается (в основном это офшоры, расположенные в Карибском бассейне).

Ввиду активного проведения политики деофшоризации наблюдается видоизменение офшорных схем, применяемых российскими участниками бизнеса. После того, как интерес к Кипру снизился, клиентам, в частности, предлагается вариант холдинговой структуры, состоящей из двух уровней. На первом из них – компания, в стране которой Россия заключила СИДН (поэтому для дивидендов предусмотрена пониженная ставка, а для роялти и займов – нулевая). На втором – компания, которая обеспечивает конфиденциальность владельца. Эта компания будет находиться в стране с благоприятным правовым климатом (Мальта, Великобритания) и обеспечивать максимальную анонимность (например, в ОАЭ отсутствует публичный реестр бенефициаров, поэтому почти невозможно определить собственников компании, зарегистрированной в офшоре).

Меры по деофшоризации российской экономики

На раннем этапе деофшоризации стало ясно, что применение только запретов для офшоров неэффективно и необходимо прежде всего улучшать деловой климат страны, гарантии защиты прав собственности. Было обозначено два основных направления работы: 1) повышение прозрачности офшорных схем и степени раскрытия налоговой информации; 2) улучшение инвестиционного климата, повышение привлекательности национальной экономики для инвесторов (Лапина, 2015).

Деофшоризация должна достичь следующих целей: 1) перемещение хозяйственных операций под российскую юрисдикцию; 2) ограничение деятельности нерезидентов в значимых отраслях (например, в топливно-энергетическом комплексе); нейтрализация деятельности офшорных компаний, используемых для оптимизации налогообложения. Результаты политики деофшоризации во многом зависят от эффективности взаимодействия контролирующих и правоохранительных органов, которое пока еще, к сожалению, далеко от идеала.

Заключение

Проведенный нами анализ показал, что наиболее действенным представляется следующий комплекс мер по деофшоризации экономики РФ:

– *общее улучшение экономической ситуации в стране и ее инвестиционного климата*, что может быть реализовано за счет совершенствования налоговой системы, повышения размера амортизационной премии и налоговых вычетов на приобретение недвижимости;

– *оптимизация государственного контроля*, что будет ограничивать сроки валютных операций; формирование надежного механизма информирования о нарушениях валютного законодательства; усложнение регистрации банков в офшорах; введение электронной отчетности банков; активное участие России в Международном соглашении об автоматизированном обмене налоговыми данными; расширение номенклатуры товаров, которые реализуются в Таможенном союзе, что необходимо для более точного определения таможенной стоимости; введение оптимального налогового регулирования, которое будет способствовать притоку дополнительных сборов в бюджет;

– *введение солидарной ответственности для управляющих офшорными компаниями, статус которых будет доказан, а также обязательное раскрытие конечного бенефициара*. В нашей стране офшорные компании используются в основном как гарант обеспечения конфиденциальности ввиду высокого уровня коррупции в органах государственной власти, а также существующей практики рейдерских атак, что делает фактически незащищенным частный бизнес;

– *амнистия для капиталов в офшорах*, однако это достигается по мере роста доверия к налоговой системе. Зарубежная практика амнистирования была достаточно эффективна (Мировая экономика..., 2017), но в России многие средства находятся на личных счетах, что затрудняет процессы амнистирования. Механизмы амнистии, кроме этого, должны учитывать особенности ведения бизнеса в России и опасность разрастания теневого сектора экономики;

– разработка мероприятий возврата в страну незаконно выведенных средств. У России пока нет возможностей, чтобы репатриировать капитал официальным путем, поэтому в лучшем случае счета офшорных компаний «замораживаются»;

– совершенствование межправительственного сотрудничества на уровне правоохранительных органов по вопросам офшорного бизнеса (уже заключен ряд таких соглашений с некоторыми странами);

– ужесточение ответственности для российского бизнеса, например, доначисление налогов в том случае, если будет установлен факт существования офшорной компании;

– совершенствование межведомственного информационного обеспечения/контроля над миграцией капитала в офшоры;

– осторожная оптимизация процессов утечки капитала из России, поскольку, если активно ограничивать офшорную деятельность, то отток инвестиций за рубеж, равно как и репатриация капитала в экономику страны, замедлятся, поэтому эффект для чистого притока прямых инвестиций останется нулевым (нейтральным).

Список литературы

- Амнистия капиталов: воспользоваться ли вторым шансом? Налоговый обзор от экспертов PwC. Февраль 2018. Вып. 6. URL: <https://www.pwc.ru/ru/tax-consulting-services/assets/legislation/tax-flash-report-2018-6-rus.pdf> (дата обращения: 24.09.2018).
- Артемов А.А. Офшоризация российского бизнеса: причины и пути преодоления // Вестник Тверского государственного университета. 2013. № 3. С. 9–16.
- В ФНС поступило более 4,6 тыс. уведомлений о контролируемых сделках. 25.02.2014. URL: <https://www.klerk.ru/buh/news/358896/> (дата обращения: 12.05.2018).
- Воронина А.М. Эволюция офшорного бизнеса // Финансы и кредит. 2006. № 7 (139). С. 21–26.
- Захаров А.Н., Старовая Ю. «Бегство» капитала как одно из последствий глобализации // Мировое и национальное хозяйство. 2017. № 1 (140). С. 6.
- Инновационная стратегия развития России в условиях усиления международной конкуренции: монография / под ред. Л.А. Толстолесовой. Новосибирск: СибАК, 2013. 172 с.
- Катасонов В.Ю. Экономика от лукавого // Экономические стратегии. 2014. Т. 16. № 4 (120). С. 58–67.
- Кирова О.А., Колпашиников И.М. Соглашение о ценообразовании для целей налогообложения. Pro et Contra // Налоговая политика и практика. 2011. № 12 (108). С. 55–58.
- Латина С.Б. Деофшоризация российской экономики: сущность и способы противодействия // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2015. № 1. С. 26–27.
- Мировая экономика и международные экономические отношения: учебник для академического бакалавриата / В.В. Поляков и др.; под ред. В.В. Полякова, Е.Н. Смирнова, Р.К. Щенина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2017. 363 с.
- Михайлин А.Н., Смирнов Е.Н. Эволюция и современный этап функционирования офшорных зон в зарубежной и российской практике // Вестник евразийской науки. 2018. Т. 10. № 5. С. 36.
- Новый закон о контрактной системе не сделал госзакупки более эффективными: экономия по итогам 2014 г. снизилась на 2 %. 23.04.2015. URL: http://www.ach.gov.ru/press_center/news/21438 (дата обращения: 16.04.2018).
- Послание Президента РФ Федеральному собранию от 12.12.2012. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138990/ (дата обращения: 16.08.2018).

- Постановление Правительства РФ от 30 апреля 2014 г. № 2672п-П13. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70554930/#ixzz5UfA5j6KT> (дата обращения: 20.09.2018).
- Прямые инвестиции в РФ: операции по инструментам и странам-партнерам / Банк России. 09.10.2018. URL: <http://www.cbr.ru/statistics/?PrId=svs> (дата обращения: 16.10.2018).
- Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Кипр об избежании двойного налогообложения в отношении налогов на доходы и капитал (ред. от 07.10.2010, с изм. и доп. от 01.01.2017). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23908/ (дата обращения: 20.09.2018).
- Телюк Н.М.* Холдинговая компания как инструмент налоговой оптимизации в транснациональной группе // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2011. № 1. С. 40–50.
- Хейфец Б.А.* Политика деофшоризации: промежуточные результаты // Общество и экономика. 2015. № 1–2. С. 89–105.
- Чистый ввоз/вывоз капитала частным сектором / Банк России. 09.10.2018. URL: <http://www.cbr.ru/statistics/?PrId=svs> (дата обращения: 16.10.2018).
- Шелепов А.В.* Проект BEPS: глобальное сотрудничество в сфере налогообложения // Вестник международных организаций. 2016. № 4. С. 36–59.
- Ярцева Н.М., Горовой Е.В.* План BEPS: новые правила администрирования трансфертного ценообразования // Российский внешнеэкономический вестник. 2016. № 10. С. 93–103.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 28 января 2019

Дата проверки: 10 марта 2019

Дата принятия к печати: 12 апреля 2019

Для цитирования:

Смирнов Е.Н. Деофшоризация экономики России: эволюция подходов и основные приоритеты современного этапа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2019. Т. 27. № 2. С. 353–365. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-2-353-365>

Сведения об авторе:

Смирнов Евгений Николаевич – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической теории и мировой экономики Государственного университета управления. E-mail: smirnov_en@mail.ru

Research article

Deoffshorization of economy of the Russian Federation: evolution of approaches and main priorities of the present stage

Evgenii N. Smirnov

State University of Management
99 Ryazansky prospect, Moscow, 109542, Russian Federation

Abstract. In recent years in the Russian economy a number of actions for deoffshorization was held, in particular, there was developed a legislation on government procurement and also about activity of the controlled foreign companies. At the same time, there is a num-

ber of the problems connected with improvement of an economic situation in the country, amnesty of the capital and further improvement of currency, customs and tax control. In the article are analysed the main directions of improvement of a regulatory framework of deoffshorization, feature of its development in the conditions of economic sanctions and also are proposed measures for improvement of deoffshorization taking into account increase in transparency of offshore schemes, extents of disclosure of tax information and improvement of investment climate of the country. The author came to a conclusion that it will be possible to speak about effective deoffshorization when the fiscal and monetary authorities will not proceed the policy at that business in our country is unprofitable and unprofitable. A barrier is also that in Russia there are no equal conditions of the competition in respect of conducting business activity to foreign countries. Therefore the policy deoffshorization has to be connected with creating favorable conditions for development of small and medium business.

Keywords: offshore business; offshore jurisdictions; deoffshorization; beneficiaries; export of the capital

References

- Artem'ev A.A. (2013). Ofshorizaciya rossijskogo biznesa: prichiny i puti preodoleniya [Offshorization of the Russian business: reasons and ways of overcoming]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta*, (3), 9–16. (In Russ.)
- Bank Rossii. (2018, October 9). *Chisty'j vvoz/vy'voz kapitala chastny'm sektorom [Net import/export of capital by private sector]*. Retrieved from <http://www.cbr.ru/statistics/?PrId=svs>. (In Russ.)
- Bank Rossii. (2018, October 9). *Pryamy'e investicii v RF: operacii po instrumentam i stranam-partneram [Direct investments in the Russian Federation: transactions of tools and partner countries]*. Retrieved from <http://www.cbr.ru/statistics/?PrId=svs>. (In Russ.)
- Katasonov V.Yu. (2014). Ekonomika ot lukavogo [Economy from the evil]. *Ekonomicheskie strategii*, 4(120), 58–67. (In Russ.)
- Kirova O.A., Kolpashnikov I.M. (2011). Soglashenie o cenoobrazovanii dlya celej nalogooblozheniya. Pro et Contra [Agreement on pricing for taxation. Pro et Contra]. *Nalogoovaya politika i praktika*, 12(108), 55–58. (In Russ.)
- Lapina S.B. (2015). Deoffshorizaciya rossijskoj e'konomiki: sushhnost' i sposoby' protivodejstviya [Deoffshorization of the Russian economy: essence and ways of counteraction]. *Vestnik Akademii e'konomicheskoy bezopasnosti MVD Rossii*, (1), 26–27. (In Russ.)
- Mikhaylin A.N., Smirnov E.N. (2018). Evolyuciya i sovremennyy etap funkcionirovaniya ofshornyh zon v zarubezhnoj i rossijskoj praktike [Evolution and the present stage of functioning of offshore zones in foreign and Russian practice]. *Vestnik evrazijskoj nauki*, (5), 36. (In Russ.)
- Novy'j zakon o kontraktnoj sisteme ne sdelał goszakupki bolee e'ffektivny'mi: e'konomiya po itogam 2014 g. snizilas' na 2% [The new law on a contract system did not make state procurement more effective: economy following the results of 2014 decreased by 2%]. (2015, April 23). Retrieved from http://www.ach.gov.ru/press_center/news/21438. (In Russ.)
- Polyakov V.V., Smirnov E.N., Shhenin R.K. (Eds.). (2017). *Mirovaya e'konomika i mezhdunarodny'e e'konomicheskie otnosheniya: uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata: 2-e izd., pererab. i dop. [World economy and international economic relations: textbook for academic baccalaureate: 2nd edition]*. Moscow, Yurajt Publ. (In Russ.)
- Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu sobraniyu [Message of the Russian President to Federal Assembly]. (2012, December 12). Retrieved from http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138990/. (In Russ.)
- Postanovlenie Pravitel'stva RF No. 2672p-P13 [Resolution of the Government of the Russian Federation No. 2672p-P13]. (2014, April 30). Retrieved from <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70554930/#ixzz5UfA5j6KT>. (In Russ.)

- PwC. (2018, February). *Amnistiya kapitalov: vospol'zovat'sya li vtory'm shansom? Nalogovyj obzor ot e'kspertov PwC* [Amnesty of the capitals: whether to use the second chance? The tax review from experts of PwC] (vol. 6). Retrieved from <https://www.pwc.ru/ru/tax-consulting-services/assets/legislation/tax-flash-report-2018-6-rus.pdf>. (In Russ.)
- Shelepov A.V. (2016). Proekt BEPS: global'noe sotrudnichestvo v sfere nalogooblozheniya [BEPS project: global cooperation in the sphere of taxation]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizacij*, (4), 36–59. (In Russ.)
- Soglasenie mezhdru Pravitel'stvom Rossijskoj Federacii i Pravitel'stvom Respubliki Kipr ob izbezhanii dvojnogo nalogooblozheniya v otnoshenii nalogov na doxody' i capital* (red. ot 07.10.2010, s izm. i dop. ot 01.01.2017) [The agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Cyprus on avoidance of double taxation concerning taxes on income and the capital]. Retrieved from http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23908/. (In Russ.)
- Telyuk N.M. (2011). Holdingovaya kompaniya kak instrument nalogovoj optimizacii v transnacional'noj grupe [Holding company as the instrument of tax optimization in transnational group]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ekonomika*, (1), 40–50. (In Russ.)
- Tolstolesova L.A. (Ed.). (2013). *Innovacionnaya strategiya razvitiya Rossii v usloviyax usileniya mezhdunarodnoj konkurencii: monografiya* [Innovative strategy of development for Russia in the conditions of strengthening of the international competition: monograph]. Novosibirsk, SibAK Publ. (In Russ.)
- V FNS postupilo bolee 4,6 ty's. uvedomlenij o kontroliruemy'x sdelkax* [More than 4.6 thousand notices of controlled transactions came to FTS]. (2014, February 25). Retrieved from <https://www.klerk.ru/buh/news/358896/>. (In Russ.)
- Voronina A.M. (2006). Evolyuciya ofshornogo biznesa [Evolution of offshore business]. *Finansy i kredit*, 7(139), 21–26. (In Russ.)
- Xejfecz B.A. (2015). Politika deoffshorizacii: promezhutochny'e rezul'taty' [Policy of deoffshorization: intermediate results]. *Obshhestvo i e'konomika*, (1–2), 89–105. (In Russ.)
- Yarceva N.M., Gorovoj E.V. (2016). Plan BEPS: novy'e pravila administrirovaniya transfertnogo cenoobrazovaniya [Plan of BEPS: new rules of administration of transfer pricing]. *Rossijskij vneshnee'konomicheskij vestnik*, (10), 93–103. (In Russ.)
- Zaharov A.N. (2017). “Begstvo” kapitala kak odno iz posledstvij globalizacii [“Flight” of the capital as one of globalization consequences]. *Mirovoe i nacional'noe hozyajstvo*, 1(140), 6. (In Russ.)

Article history:

Received: 28 January 2019

Revised: 10 March 2019

Accepted: 12 April 2019

For citation:

Smirnov E.N. (2019). Deoffshorization of economy of the Russian Federation: evolution of approaches and main priorities of the present stage. *RUDN Journal of Economics*, 27(2), 353–365. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-2-353-365>

Bio note:

Evgenii N. Smirnov – Doctor of Economic Sciences, Professor, Economic Theory and World Economy Department, State University of Management. E-mail: smirnov_en@mail.ru

DOI 10.22363/2313-2329-2019-27-2-366-374
UDC 339.9:330.32

Research article

The impact of the Turn to the East Policy on foreign direct investment in the Russian Far East

Han-Sol Lee

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

Abstract. This study aims to measure the effectiveness of Russia's Turn to the East Policy, addressed by the federal government in 2012, on the economic development of the underdeveloped Far Eastern regions, in terms of foreign direct investment (FDI) inflows data. To do so, this paper analyzed the results of the representative policy mechanisms – designed to promote the Far Eastern investments – of the Turn to the East Policy, comprised of the Eastern Economic Forum (EEF), Advanced Special Economic Zones (ASEZs), and Vladivostok Free Ports (VFPs), based on the secondary data from the governmental organizations. From the study, in spite of the previous contentions on those policy mechanisms amongst policymakers, we elucidate the incremental growing FDI – majorly contributed by the East Asian countries: China, Japan, and South Korea – propensity in the Far East. The three Eastern Asian countries promote investments in the Russian Far East for different eco-political purposes. And it further analyzed that for Russia, despite the remarkable magnitude of Chinese and Japanese FDI compared to South Korea, South Korea is still the most attractive partner, in terms of lack of threats: The Chinese expansionism, and the Kuril Island dispute with Japan.

Keywords: Russia's Turn to the East Policy; Russia – East Asia Economic Cooperation; Eurasian economy; Asia-Pacific economy; foreign direct investment

Introduction

In 2012, the Russian Federation formalized the Turn to the East Policy by announcing “Measures to Implement the Russian Federation Foreign Policy”. The main objective of the policy is developing the backward Far Eastern and Siberian regions by cooperating with Asia-Pacific countries. The Russia's continuous trends of the low economic growth, since the financial crisis in 2014, caused by the Western sanctions and the limitations on the previous quantitative economic growth model, motivated the country to search for the new economic growth engine besides resource industries by cooperating with the Eastern Asian countries, for instance, China, Japan, and South Korea, which achieved the remarkable economic growth. In accordance with the policy, the federal government implemented the policy mechanisms to develop the Far Eastern economy by attracting

© Lee H.-S., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

investments: Eastern Economic Forum (EEC), Advanced Special Economic Zones (ASEZs), Vladivostok Free Ports (VFPs), and Far Eastern Hectare (FEH). In this study, we investigate the impact of those policies on the economy of the Russian Far East particularly in terms of foreign direct investment (FDI) inflows based on the secondary data from the Central Bank of Russian Federation, Consulate General of the Republic of Korea in Vladivostok, Far East Development Corporation (FEDC), EEC, and FEH.

Literature review

Amongst all research topics on FDI, analyzing the determinant factors of FDI in emerging markets, where in spite of the fast-growing economy, investors should still embrace high risks of unpredictability, instability, and turbulence in recipient countries, was the major issue. A substantial number of previous studies explored the determinant factors of BRICS countries. Those studies are in line with given that no other than but economic factors are the most significant on FDI inflows in BRICS countries as the most investors in those countries highly seeks for market opportunities. On the empirical study on BRICS and MINT countries showed that market size, infrastructure availability, and trade openness are significant factors, while natural resources availability and institutional quality are insignificant factors in attracting FDI (Asongu, Akpan, Isihak, 2018). Other researchers also stated that due to the high attractiveness of markets – the wide domestic market, cheap labor, the wealth of natural resources – the corruption level is insignificant on FDI inflows (Gasanova, Medvedev, Komotskiy, 2017). In the study by Masron, Naseem and Wahab proved that Institutional Quality (IQ), the non-economic factor would mere but not must improve FDI in BRICS countries (Masron, Naseem, Wahab, 2018).

On the other hand, some studies devoted to analyzing the Russian FDI as a single subject. In the study on regional level analysis of the Russia, (Mariev, Drapkin, Chukavina, Heiko, 2016) stated that the gross domestic product of the investor's country, the gross domestic product per capita in the recipient region, the distance from the investor to Moscow, the openness of the region, the economic situation in the region, the innovative capacity of the region, and the foreign direct investment of the previous period significantly determine the FDI in the Russia but the distance from the recipient region to Moscow matters in the western part of Russia only while does not in the eastern part (remote regions). Besides, N. Zakharov found the common negative relationship between the corruption measured by the bribery taking, the freedom of journalism, and the investments, in spite of the different influence depending on company types: bigger for private companies while smaller for public companies (Zakharov, 2019).

The EEC: a platform for attracting the investments in the Russian Far East

The Russian Far Eastern development entails enormous financial supports. Thereby, the Eastern Economic Forum, the international platform attracting investments in the Far East, was established by Decree No. 250 of President Vladimir

Putin in 2015. Since 2015, the forum has been held every year in Vladivostok. The main objectives of the forum are prospecting economic potentials of the Far East, providing investment opportunities in Advanced Special Economic Zones and Vladivostok Free Ports, and building economic, political, and cultural ties with Asia Pacific countries. The summits of Russia, South Korea, China, Japan, and Mongolia have been attended the forum and addressed keynotes. Given that forum is one of the three major economic forums hosted by the federal government along with Saint Petersburg International Economic Forum and Sochi Economic Forum, and thus by considering the importance on it, the president Putin attended the form in every year (Table 1).

Table 1

The status of national representative attendees in the EEC by each year

Year	Major summit attendees
2015	President Vladimir Putin (Russia)
2016	President Vladimir Putin (Russia), President Park Geun-hye (South Korea), Prime Minister Shinzo Abe (Japan)
2017	President Vladimir Putin (Russia), President Moon Jae-in (South Korea), Prime Minister Shinzo Abe (Japan), President Battulga Khaltmaa (Mongolia)
2018	President Vladimir Putin (Russia), President Xi Jinping (China), Prime Minister Shinzo Abe (Japan), President Battulga Khaltmaa (Mongolia), Prime Minister Lee Nak-yeon (South Korea)

Source: composed by author based on the yearly EEC result reports.

Table 2

The key results of Eastern Economic Forum in each year

Year	MOU (number)	The number of participants
2015	1.8 trillion rubles (109)	<ul style="list-style-type: none"> ● 2,500 participants from 32 countries ● 550 journalists
2016	1.63 trillion rubles (201)	<ul style="list-style-type: none"> ● 3,500 participants from 56 countries ● 1,100 journalists ● 246 participants from Japan, 227 participants from China, 128 participants from South Korea ● 207 participants from Russian enterprises, 94 participants from foreign enterprises
2017	2.496 trillion rubles (217)	<ul style="list-style-type: none"> ● 6,000 participants from 60 countries ● 1,094 of journalists ● 240 participants from Russian enterprises, 103 participants from foreign enterprises
2018	3.108 trillion rubes (220)	<ul style="list-style-type: none"> ● 6,000 participants from 60 countries ● 1,357 journalists ● 1,096 participants from China, 570 participants from Japan, 335 participants from South Korea, 12 participants from North Korea ● 383 participants from Russian enterprises, 340 participants from foreign enterprises

Source: composed by author based on the yearly EEC result reports.

The number of participants to EEC continuously increased in each year, and, in the latest forum, approximately 6,000 participants attended from 60 countries.

The most significant number of attendees from three East Asian countries: China, Japan, and South Korea. Besides, in 2018, 12 attendees from North Korea participated in the forum for the first time as inter-North-South Korean relations eased. The number of participants of both national and foreign enterprises increased. While, in 2016, the participants of foreign enterprises were less than half of national enterprises, the number of the participants of the national and foreign enterprise became almost equal in 2018. In terms of Memorandum of Understanding (MOU), the total amount of 9.043 trillion rubles were concluded for the four years during the forums (Table 2).

The overview of FDI inflows in the ASEZs and VFPs in the Russian Far East

As a means to promoting investments, 18 areas in the Far East were designated as ASEZ based on the Federal Law No. 473-FL from the effectuation of the law from 2015 to 2018. Besides, in accordance with the Federal Law No. 212, 16 districts in Vladivostok and 6 districts in Khabarovsk, Sakhalin, Chukotka, Kamchatka were designated as VFP from the effectuation of the law from 2015 to 2018. The companies entering in those areas and districts could benefit from tax breaks and simplified administrations. By connecting ASEZs – production bases, and FPVs – a logistic-hub, it is expected to create synergy effects (Far East Development Corporation, 2018a, 2018b). The Table 3 shows that since 2012, FDI balance of payments (BoP) in the Far East has been increasing year on year, only excluding the year 2017. From 2012 to 2017, the average growth rate is 95%. In 2016, for the first time, the FDI BoP was over \$ 10 billion. The FDI percentage in the Far East of the total has been increased compared with in 2012 and the economic importance of the regions has been grown. In 2017, the FDI BoP in the Far-Eastern Federal District was the third out of the eight districts. The average for the six years is 6.2 % but, during the recent three years, it is above than that.

Table 3

**The FDI BoP in the Russian Far East
(millions US dollars)**

Year	2012	2013	2014	2015	2016	2017
FDI	563	1,392	5,055	7,077	10,385	8,157
The percentage of the total (%)	4.7%	4.0%	5.6%	7.9%	8.4%	6.8%

Source: The Central Bank of the Russian Federation (2018).

According to the report published by the Consulate General of the Republic of Korea in Vladivostok, Russia, from the effectuation the federal law to 31 December, 2017, 212 companies, expected to invest 2.181 trillion rubles, completed the procedures to move in the ASEZ. The number of foreign enterprises is 22, expected to invest 164.5 billion rubles. 15 enterprises are from East Asian countries: China, South Korea, and Japan. China, whose investment is 80.9% of the total, is the largest investor (Table 4).

On the other hand, 432 companies, expected to invest 365 billion rubles, concluded an agreement on FPV by December 31, 2017. 26 foreign enterprises, estimated to invest 75 billion rubles, entered in the districts. 21 enterprises are invested by East Asian countries: China (12), South Korea (5), and Japan (4). Japan – the largest investor – invested 62,312 million rubles, 83.3% of the total (Table 5).

Table 4

The expected FDI in ASEZ (hundred million Russian rubles)		
Country	The number of enterprises	Expected investments
South Korea	3	13.4
China	9	1316.1
Japan	3	28.6
Australia	2	106.4
Vietnam	1	160
Singapore	1	18.7
Israel	1	1.1
Lithuania	1	0.77
Netherlands	1	0.462
Total	22	1645.532

Source: The Consulate General of the Republic of Korea in Vladivostok, Russia (2018).

Table 5

The expected FDI in FPV (million Russian rubles)		
Country	The number of enterprises	Expected investments
South Korea	5	3,091
China	12	8,374.10
Japan	4	62312
Singapore	1	174.9
UK	1	140.3
UK, Mexico, USA	1	233.5
India	1	496.6
Total	26	74,822

Source: The Consulate General of the Republic of Korea in Vladivostok, Russia (2018).

Especially, recently, three East Asian countries – China, Japan, and South Korea – in earnest initiated FDI projects in the Russian Far East with political and economic purposes in their mind. In 2013, Chinese President Xi Jinping publicized the new political initiative, One Belt One Road (OBOR), designed to secure a stable energy and resource transportation by jointly advocating the safety of ener-

gy pipelines as a means to enhancing the interconnection of energy infrastructure and expanding and improving power networks across national borders between countries in the cooperation. And, China stated that Russia, the resource-abundant country, as one of the key countries for energy cooperation. In December 2015, the bilateral economic cooperation between the two countries was promoted in earnest by signing on a memorandum on China-Russia economic cooperation in the Russian Far East (Yang, Lee, Im, 2017).

In the meantime, since 2016, Japan, one of the countries which have been involved in Western sanctions, has been taken the decisive action on the bilateral economic cooperation with an intent to return to the four islands of the Kuril peninsula. Japan dispatched more delegations (Japan – 246; China – 227) than China to the second EEF, and it was the largest among the 56 participating countries.

Besides, the heavy economic dependency on USA and China and the improvement of the inter-Korea's relations spurred South Korea to initiate the New Northern Policy aiming to expand economic cooperation with the Northern countries, for instance, Russia, Ukraine, Belarus, Central Asian countries, and the northeast region of China, to diversify economic partners and create new economic opportunities.

However, the economic cooperation with China and Japan has some risks for Russia; historically, the Russian Far East has been threatened by the Chinese expansionism, which perennially requiring Russia to assert the ownership of the regions (Gabue, Spivak, 2016; Blakkisrud, 2018); and the Japanese investments heavily rest in the premises of returning the four islands of the Kuril peninsula. On the contrary, given that by cooperating with Russia, South Korea could leverage Russia for the inter-Korea-relations and also create new economic values, exceptionally, South Korea does not hold any risk-factors or threats to Russia.

In addition, to increase inflows of populations in the Far East, the federal government enacted the Federal Law No. 119-FL on the Far Eastern Hectare in 2016. According to the law, every citizen of the Russian Federation, migrating to the Far East, is given the right to receive a free land plot of up to 1 hectare. The new law is expected to resolve the demographic problems of the low population density and persistent outflows of the population in the Far East and to contribute on increasing attractiveness for investors of the regions.¹

Conclusion

To promote the economic growth in the Far East in accordance with Russia's 2012 Turn to the East Policy, the federal government consecutively enforced special policies – EEC, ASEZ, and VPF – to attract investments in the regions by creating favorable business environments. In this study, we examined the effectiveness of these policies based on the yearly EEC round-up reports from 2015 to 2018 and the FDI data in ASEZ and VPF by 2017. From the study, we draw the following significant conclusions.

Firstly, we found that all three separate policies interactively functioned under the unified mechanism of the Turn to East Policy and positively contributed to

---

¹ Ministry for the Development of the Russian Far East. (n.d.). 'Far Eastern Hectare'. URL: <https://eng.minvr.ru/activity/razvitie-msp-i-konkurentsii/dalnevostochnyy-gektar/> (accessed: 10 December 2018).

attracting the investments in the Russian Far East. EEC, an investment platform, provides the information to potential investors on lucrative and promising business opportunities in the Russian Far East under the government's guarantee, while ASEZs, production bases, and VPFs, a logistic hub, by offering benefits, for instance, a tax break, and simplified administrations, contributes to the execution of MOUs concluded in the EEC.

Secondly, Russia's Turn to the East Policy mechanisms are effectively implementing, as considering that from 2012 to 2017, the Far East's nominal FDI and its percentage had been on a rising trend in general. In 2017, the Far Eastern Federal District was the third out of the eight federal districts in terms of the FDI BoP. Besides, given that the increasing number of the participants and concluded MOUs in the EEC in every year, this rising trend of FDI is expected to be continued in the future.

Thirdly, the investments of the three East Asian countries – China, South Korea, and Japan – in ASEZs and VFPs are remarkably greater than other foreign investors by following their own governmental policies on the economic cooperation with Russia. In ASEZs and VFPs, China and Japan, respectively, are expected to be the largest investors. However, given that historically, the Russian Far East has been threatened by the Chinese expansionism, while the Japanese economic cooperation is based on the resolution of the territorial dispute on the Kuril island. Thereby, Russia, for the economic cooperation with China and Japan, has to carry the risk of being a zero-sum game. On the contrary, in spite of the most sluggish South Korean investments in the Russian Far East compared to China and Japan, in terms of a strategy, South Korea is the only partner which can lead the economic cooperation to a positive-sum game by leveraging the South Korea – Russia economic cooperation for the inter-Korean relations.

Some demonstrated skepticism on the Turn to the East Policy. It could be argued that what has been achieved over the past years on the economic development of the Russian Far East is unremarkable. However, this study manifests the incremental but positive trends in the Russian Far East in terms of the investments. In this manner, to compass the intended goals on the economy of the Russian Far East, the yielded small fruits by the policy needs to be seen with a long-term vision (Blakkisrud, 2018).

References

- Asongu S., Akpan U.S., Isihak, S.R. (2018). Determinants of foreign direct investment in fast-growing economies: evidence from the BRICS and MINT countries. *Financial Innovation*, 4(1), 26.
- Blakkisrud H. (2017). An Asian Pivot Starts at Home: The Russian Far East in Russian Regional Policy. In Blakkisrud, H., Rowe, E. W. (Eds.), *Russia's turn to the east: Domestic policymaking and regional cooperation* (pp. 11–30). doi.org/10.1007/978-3-319-69790-1_2
- Far East Development Corporation. (2018a). *ASEZ (Advanced Special Economic Zone)*. Retrieved from <https://erdc.ru/en/about-tor/>
- Far East Development Corporation. (2018b). *FPV (Free Port of Vladivostok)*. Retrieved from <https://erdc.ru/en/about-spv/>
- Gabuev A., Spivak V. (2016). *Should Russia Be Afraid of Chinese Plans in the Far East?* Carnegie Moscow Center. Retrieved from <https://carnegie.ru/commentary/63740>

- Gasanova A., Medvedev A.N., Komotskiy E.I. (2017). The assessment of corruption impact on the inflow of foreign direct investment. *AIP Conference Proceedings*, 1836(1), 020011. AIP Publishing.
- Mariev O.S., Drapkin I.M., Chukavina K.V., Rachinger Heiko. (2016). Determinants of FDI inflows: the case of Russian regions. *Economika regiona [Economy of region]*, 12(4), 1244–1252.
- Masron T.A., Naseem N.A.M., Wahab E.A.A. (2018). Institutional Quality in Attracting Foreign Direct Investment to Small Countries. *Malaysian Journal of Economic Studies*, 55(2), 267–284.
- The Central Bank of Russian Federation. (2018). *Inward Direct Investment in the Russian Federation by Region of Resident's Registration*. Retrieved from www.cbr.ru/vfs/eng/statistics/credit_statistics/direct_investment/dir-inv_reg-in_e.xlsx
- The Consulate General of the Republic of Korea in Vladivostok, Russia. (2018). 2018 선도개발구역 및 블라디보스톡 자유항 제도 [2018 Leading Development Zone and Vladivostok Freeport System]. (In Korean.)
- Yang E.S., Lee J.L., Im J.Y. (2017). 중국·일본의 러시아 극동지역 석유·가스 자원 활용 전략 [Strategies for Utilizing Oil and Gas Resources in the Russian Far East, China and Japan]. *World Energy Market Insight*, (17–18), 3–17. (In Korean.)
- Zakharov N. (2019). Does corruption hinder investment? Evidence from Russian regions. *European Journal of Political Economy*, 56(C), 39–61. DOI: 10.1016/j.ejpolco.2018.06.005

Article history:

Received: 02 March 2019

Revised: 07 April 2019

Accepted: 14 May 2019

For citation:

Lee H.-S. (2019). The impact of the Turn to the East Policy on foreign direct investment in the Russian Far East. *RUDN Journal of Economics*, 27(2), 366–374. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-2-366-374>

Bio note:

Han-Sol Lee – PhD student, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University).
E-mail: hansol900217@gmail.com

Научная статья

Влияние политики «Поворот на Восток» на прямые иностранные инвестиции на Дальнем Востоке

Х.-С. Ли

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Целью исследования является оценка эффективности политики России «Поворот на Восток: развитие Сибири и Дальнего Востока в условиях усиления азиатского вектора внешней политики России», принятой федеральным правительством в 2012 году в

рамках экономического развития слаборазвитых регионов Дальнего Востока, на основе данных о притоке прямых иностранных инвестиций (ПИИ). Для этого на базе вторичных данных правительственных организаций были проанализированы результаты работы наиболее характерных политических механизмов, разработанных для продвижения дальневосточных инвестиций в рамках политики «Поворота на Восток», которые включают Восточный экономический форум (ВЭФ), Территорию опережающего развития (ТОР) и Свободный порт Владивосток (СПВ). Вопреки предыдущим спорам о вышперечисленных политических механизмах среди представителей правительственных структур, настоящее исследование свидетельствует об увеличении ПИИ, основная доля которых приходится на страны Восточной Азии – Китай, Японию и Южную Корею, чье присутствие четко ощущается на Дальнем Востоке. Указанные страны Восточной Азии поощряют инвестиции в Дальний Восток России в различных экполитических целях. Кроме того, можно заключить, что для России, несмотря на крупные масштабы китайских и японских ПИИ по сравнению с корейскими, Южная Корея по-прежнему является наиболее привлекательным партнером, благодаря отсутствию геополитических опасностей, таких как китайский экспансионизм и спор о Курильских островах с Японией.

Ключевые слова: Россия в восточной политике; экономическое сотрудничество; Россия – Восточная Азия; евразийская экономика; экономика Азиатско-Тихоокеанского региона; прямые иностранные инвестиции

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 02 марта 2019

Дата проверки: 07 апреля 2019

Дата принятия к печати: 14 мая 2019

Для цитирования:

Lee H.-S. The impact of the Turn to the East Policy on foreign direct investment in the Russian Far East (Влияние политики «Поворот на Восток» на прямые иностранные инвестиции на Дальнем Востоке) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2019. Т. 27. № 2. С. 366–374. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-2-366-374>

Сведения об авторе:

Ли Хан-Сол – аспирант, Российский университет дружбы народов. E-mail: hansol900217@gmail.com

DOI 10.22363/2313-2329-2019-27-2-375-385
УДК 339.924

Научная статья

Классификация интеграционных объединений по степени развития единого транспортного пространства

М.С. Комов

Российский университет транспорта
Российская Федерация, 127994, Москва, ул. Образцова, д. 9, стр. 9

В современных условиях развития интеграционных процессов в мировой экономике особое значение придается транспортной сфере. Формирование единого транспортного пространства в регионах создает дополнительные возможности для экономического развития интегрирующихся стран. Вместе с тем в литературе уделено недостаточно внимания определению сущности единого транспортного пространства (ЕТП) и вопросам классификации интеграционных объединений по степени его развития, поэтому возникает необходимость в разработке такой классификации. В статье обоснована целесообразность классификации интеграционных объединений по степени развития единого транспортного пространства. Разработана авторская формально-логическая классификация, в основе которой выделены четыре базовых типа ЕТП: транспортно-логистический – обеспечивает положительный мультипликатор интегрированного роста экономик для всех стран-участниц; инновационно-логистический и таможенно-логистический – вызывают поляризацию в действии мультипликатора интегрированного роста экономик (в частности, возможны как положительные, так и отрицательные темпы роста значений ВВП стран-участниц); индустриально-логистический – обеспечивает нулевой мультипликатор интегрированного роста экономик для всех стран-участниц. В заключении делается вывод о возможности унификации и гармонизации транспортного пространства в практике интеграционных объединений на основе разработанной классификации.

Ключевые слова: классификация; интеграция; единое транспортное пространство; интеграционное объединение

Введение

Активизация процессов экономической интеграции в международных масштабах характеризуется развитием феномена «многоэлементных соединений» территориально сопряженных государств. Речь идет об интеграционных объединениях, отличающихся процессами переплетения многих фаз деятельности, направленными на достижение эффекта вовлечения в хозяйственный оборот территорий других районов, стран или их групп. Действие эффекта создает мультипликатор интегрированного роста экономики, форми-

руемый мерой умножающего воздействия обратной положительной связи дополнительных транспортных связей на выходную величину ВВП интегрированных стран. Однако этот мультипликатор показывает максимальное количество рыночной стоимости (которую может создать дополнительно произведенный конечный товар или услуга) только в условиях единого транспортного пространства (Balassa, 1961; Naas, 1958; Lindberg, 1953; Wallace, 1990).

Учитывая, что темпы роста совокупных значений ВВП интеграционных объединений (включая Европейский союз, МЕРКОСУР и др.) по прогнозам замедлятся к 2024 г. до 3 % (при 3,8 % в 2018 г.), для современных исследователей характерен поиск резервов их прироста за счет единого транспортного пространства (ЕТП) (Григорьева, 2018; Satty M. Putt, 2018).

Существующий интерес объясняется тем, что создаются возможности для дополнительного роста производства товаров или услуг, каждая единица которых может создать новую рыночную стоимость. Однако процент прироста максимизируется в процессе эволюционных изменений единого транспортного пространства – от наиболее простых форм к более сложным (по определенному признаку или критерию) (Комов, 2018).

Обзор литературы

Изучением проблем функционирования единого транспортного пространства занимается достаточно широкий круг экономистов, таких как Е.А. Королева, Е.В. Филатова (Королева, 2017), О.Н. Деняк (Деняк, 2015), которые определяют развитие этого пространства, исходя из различных действий, направленных на уничтожение границ транспортного обеспечения для приращивания совокупных значений ВВП стран – участниц интеграционных объединений.

Например, О.Н. Деняк, Е.А. Королева, В.К. Андреев, С.В. Андреев, идентифицируют транспортное пространство как систему путей сообщения, применительно к которым технические действия в системах управления транспортом могут влиять на объемы экспорта и общую рыночную стоимость всех готовых товаров и услуг, произведенных на территории стран-участниц в течение года (Деняк, 2015; Королева, 2017; Андреев, 2017).

А.Н. Карачев определяет это пространство как технические сооружения и устройства для перемещения товаров и услуг, а также коммерческо-правовые инструменты, которые расширяют доступ национальных поставщиков на зарубежные рынки (Карачев, 2004).

Е.А. Королева, Е.В. Филатова (Королева, 2017), Б.М. Лapidус, Д.А. Мачерет (Лapidус, Мачерет, 2012), О.Н. Ларин (Ларин, 2017) рассматривают соответствующее пространство как транспортное обеспечение территориально сопряженных государств, которое создает основу для роста национальных экономик (за счет расширения и укрепления связей, вовлечения в хозяйственный оборот новых территорий). При этом Б.М. Лapidус и Д.А. Мачерет указывают на проблемы разработки оптимальных классификационных критериев в отношении единого транспортного пространства таких государств, учитывая целесообразность его разбивки в соответствии с особенно-

стями расширения и укрепления связей и эффектами мультипликации интегрированного роста экономик (Satty M. Putt, 2018).

Таким образом, предмет сознательного стремления исследователей – это процесс выработки научных знаний в отношении классифицирования интеграционных объединений по степени развития единого транспортного пространства. В частности, И.И. Макашина и Е.В. Филатова отмечают, что хотя логика описания процессов унификации и гармонизации транспортного пространства в практике интеграционных объединений размыта и разнообразна, ее определяет эволюция взаимодействия стран-участников в направлении увеличения протяженности тех или иных транспортных объектов (технологических элементов) (Макашина, 2017).

Классификация единого транспортного пространства: базовые типы

Вопросы развития транспорта ежегодно вносятся в повестку обсуждения проблем всех интеграционных объединений. При этом отсутствие устойчивой классификации единого транспортного пространства не позволяет наилучшим образом описывать его, отражать современные трудности и использовать результаты в практических целях.

Таким образом, исследование целесообразно начать с классификации основных интеграционных объединений, в которых ЕТП в данный момент функционирует, а именно: Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Евразийский экономический союз (ЕАЭС), ЕС (в том числе Еврозона), Экономическое сообщество западноафриканских государств (ЭКОВАС), субрегиональный торгово-экономический союз МЕРКОСУР, Сообщество развития Юга Африки (САДК), Южно-Азиатская ассоциация регионального сотрудничества (СААРК).

Деление такого пространства возможно по результатам эволюции, идентифицированным исходя из: 1) конечных явлений разнонаправленного усложнения среды взаимодействия государств-членов; 2) мультипликации интегрированного роста экономики (то есть основанием деления могут быть результативные темпы роста совокупных значений ВВП). Предложим авторскую формально-логическую классификацию интеграционных объединений по степени развития единого транспортного пространства.

В основу классификации положены базовые типы единого транспортного пространства: 1) транспортно-логистический, обеспечивающий положительный мультипликатор интегрированного роста экономик для всех стран-участниц; 2) инновационно-логистический и таможенно-логистический, вызывающие поляризацию в действии мультипликатора интегрированного роста экономик (в частности, возможны как положительные, так и отрицательные темпы роста значений ВВП стран-участниц); 3) индустриально-логистический, обеспечивающий нулевой мультипликатор интегрированного роста экономик для всех стран-участниц (Satty M. Putt, 2018).

Транспортно-логистический тип ЕТП ориентирован на взаимодействие в сферах припортового хранения, сопровождения и доставки нефти и других

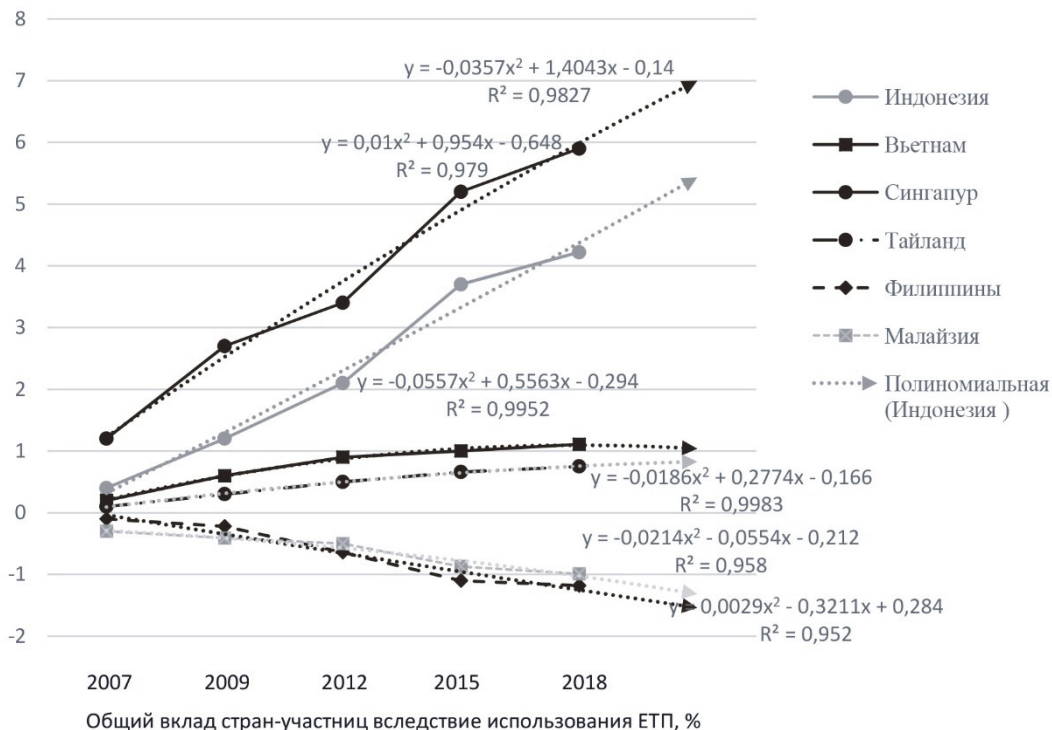
грузов, осуществляемое с целью прироста значений ВВП от устранения структурных диспропорций на транспорте. Данный тип пространства сформировался только в арабских государствах Персидского залива (характерен для ССАГПЗ). Так, с 2011 г. Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива инициировал расширение ЕТП ССАГПЗ за счет развития грузовых и пассажирских железнодорожных маршрутов (в частности, утвержден проект GCC Railway Network общей стоимостью 106,2 млрд долл. США). Вместе с тем активная реализация проектов, включая Makkah-Madina Railway Link и Emirates Railway Project (стоимостью 25,6 млрд долл. США), ведется преимущественно в ОАЭ. В то же время соответствующие проекты в Бахрейне, Омане, Саудовской Аравии и Кувейте находятся на стадии проектирования. Кроме того, в связи с действием меморандума по борьбе с терроризмом остановлено возведение железнодорожного моста Катар – Бахрейн и закольцовка железных дорог GCC Railway Network. Развитие единых автотранспортных и железнодорожных сетей ограничено климатическими особенностями (в том числе наличием сезона дождей). Таким образом, к базовым объектам транспортного пространства эти страны относят морские гавани (Satty M. Putt, 2018).

До 2014 г. единое морское транспортное пространство стран – участниц ССАГПЗ отличалось структурными диспропорциями в отношении: 1) производственных основных и вспомогательных подразделений, ориентированных на ограниченные группы специализированных судов; 2) тоннажной специфики, лимитируемой подходной способностью фарватера. Так, до 2014 г. среди всех портов ССАГПЗ безопасный подходной фарватер для супертанкеров до класса FSO и развитую производственную инфраструктуру имели только несколько портов. Ряд объектов морского транспортного пространства не были оборудованы контейнерными терминалами и терминалами для приема рефрижераторных контейнеровозов, контейнеровозов с негабаритными и опасными грузами.

С целью ликвидации диспропорций в 2014 г. было инициировано подписание меморандума о взаимопонимании и сотрудничестве на уровне портовых администраций стран-участниц (исключая порты Катара в связи с санкциями в рамках меморандума по борьбе с терроризмом), а также согласованы технологическо-технические стандарты развития ЕТП в акваториях Персидского залива и Красного моря.

Инновационно-логистический тип ЕТП (характерен для АСЕАН) действует на основе официальных протоколов, разрешающих свободное перемещение приоритетных грузов. Такой тип ЕТП ориентирован на взаимодействие в сферах хранения, сопровождения и доставки грузов приоритетных отраслей, осуществляется с целью прироста ВВП от повышения конкурентоспособности и эффективности других отраслей экономики. Специфичным является то, что положительные темпы роста ВВП от использования ЕТП характерны для наиболее развитых государств – участниц АСЕАН, таких как Сингапур, Вьетнам, Индонезия и Таиланд (рис. 1). В остальных случаях использование ЕСП отрицательно влияет на результаты производственной деятельности отраслей страны-участника вследствие снижения конкурентоспособности продукции приоритетных отраслей.

Развитие единых автотранспортных и железнодорожных сетей ограничено спецификой географического положения АСЕАН и геологическими катаклизмами. Например, на Филиппинах всего 17 % асфальтированных дорог и только одна пассажирская железнодорожная линия Манила – Сан-Фернандо – Легаспи – Албай. Во Вьетнаме 19 % дорог имеют твердое асфальтовое покрытие, а магистралью грузовой сети является однопутный Ханой – Хошимин.

Рис. 1. Распределение мультипликации интегрированного роста экономики АСЕАН вследствие использования ЕТП*

[Figure. 1.] Distribution of animation of ASEAN integrated economic growth as a consequence of the use of a single transport space

Примечание. * – в связи с низким техническим оснащением в ЕТП не включены объекты Брунея, Камбоджи, Лаоса и Мьянмы.

Источник: разработано автором на основе (Satty M. Putt, 2018).

Так, на основе официальных протоколов Морского форума АСЕАН с 2007 г. созданы морские коридоры ЕТП Юго-Восточной Азии для перевозки приоритетных грузов, к которым отнесены отрасли электроники и электротехники, высокие технологии и другие, инновационность которых подтверждена агентствами по технологиям, науке и исследованиям стран-участниц (согласно правилам происхождения товаров, которые способствовали бы динамической торговле в АСЕАН). В рамках морских коридоров применяется частичная либерализация торгового режима (на основе Соглашения об общем эффективном преференциальном тарифе 1992 г.). В ЕТП задействованы грузовые терминалы морских гаваней: Сингапур, Кай Меп, Хошимин и Вунгтау (Вьетнам), Лаем Чабанг (Тайланд), Манила (Филиппины), Джакарта и Сурабая (Индонезия) (Satty M. Putt, 2018).

Таможенно-логистический тип ЕТП сформировался на основе стандартизированной системы законов, действующих во всех странах интеграционных объединений (характерен для ЕС и формируется в ЕАЭС). Такие ЕТП ориентированы на комплексное взаимодействие в сферах услуг, связанных с транспортным оформлением грузов, деятельностью транспортных компаний и складских комплексов, и предусматривают прирост ВВП от развития единой транспортной сети (в том числе от расширения доступа поставщиков транспортных услуг на новые рынки). Например, в ЕС ЕТП начало свое формирование с развития Трансевропейской транспортной сети (TEN), горизонтальной и вертикальной интеграции национальных транспортных систем (за счет диверсификации транспортных коридоров, формирования стыковых трансграничных участков транспортной сети и развития мультимодальных объектов) (Бондарев, 2017; Satty M. Putt, 2018). Характерными примерами являются: Евротоннель под Ла-Маншем (мультимодальный объект, соединяющий автомобильное и железнодорожное сообщение Англии и Франции); мосты и тоннели через проливы Большой Бельт (мультимодальный объект, соединяющий автомобильное и железнодорожное сообщение, острова Фюн и Зеландия, Дания); мост-тоннель Эресунн (мультимодальный объект, соединяющий автомобильное сообщение Дании и Швеции) и другие (Зуенко, 2016). Аналогичным образом сегодня развивается евразийская транспортная сеть, где базовое внимание уделяется диверсификации транспортных коридоров, обеспечивающих выход к морским портам (на Балтийском и Черном морях, Дальнем Востоке, в Персидском заливе), и формированию стыковых трансграничных участков транспортной сети (Зуенко, 2017; Баева, 2018).

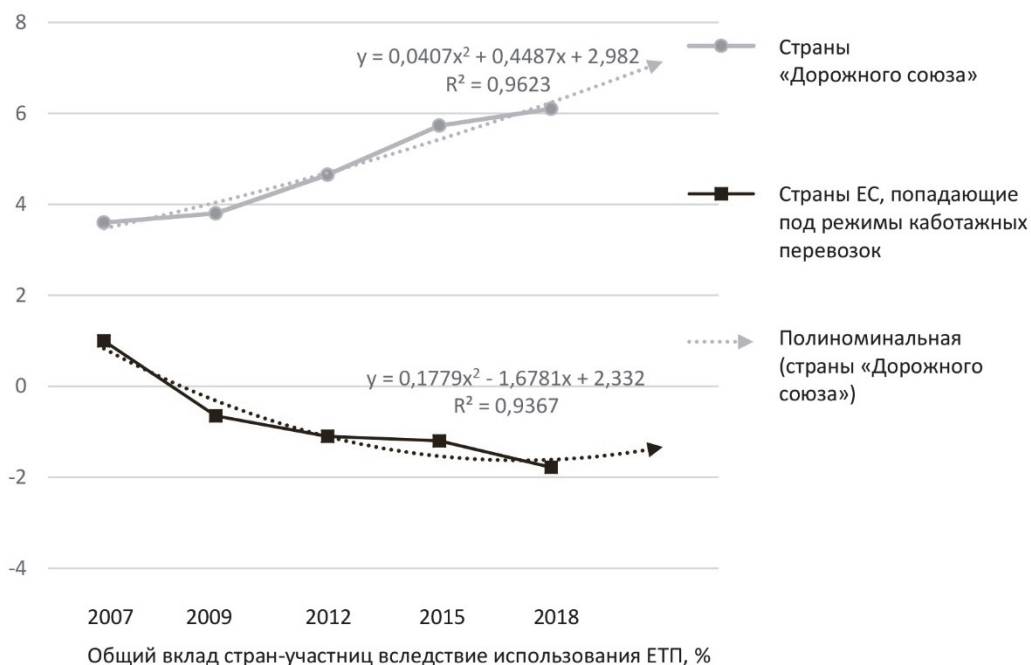
Следует отметить, что ЕТП ЕС характеризуются более сложной экономической и правовой спецификой (в сравнении с формирующимся ЕТП ЕАЭС), поскольку интеграционное объединение построено на взаимодействии по принципу общего рынка и экономической конвергенции стран-участников. Вместе с тем специфика эксплуатации таможенно-логистических ЕТП одинакова. Такое пространство использует транспорт как носителя процесса интеграции. Он обеспечивает общее функционирование интеграционных объединений как взаимосвязанного целого. При этом автотранспортное пространство доступно для поставщиков транспортных услуг, однако формируется в рамках особых технических условий и режимов, что обеспечивает поляризованный эффект мультипликации интегрированного роста экономики (Комов, 2018).

Например, в ЕС действуют режимы внутреннего транзита «Дорожный союз» для Западных стран Евросоюза и режимы каботажных перевозок для более дешевых перевозчиков из Восточной Европы (регулируемые регламентом Европейского парламента и Совета ЕС № 1072/2009). В результате формируется поляризованное распределение мультипликации (рис. 2) (Satty M. Putt, 2018).

В ЕАЭС учет соответствующих эффектов не производился. Тем не менее в его ЕТП также предусмотрены программы поэтапной либерализации выполнения перевозчиками (зарегистрированными на территории одного из государств-членов) автомобильных перевозок грузов между пунктами, расположенными на территории другого государства-члена, на период с 2016 по

2025 г. (разделы IV–V программы, которой также предусмотрены режимы каботажных перевозок). В РФ режим каботажных перевозок станет доступным только после внесения изменений в ст. 7 Федерального закона «О государственном контроле за осуществлением международных автомобильных перевозок и об ответственности за нарушение порядка их выполнения».

Индустриально-логистический тип ЕТП на данный момент характерен для ЭКОВАС, САДК, СААРК и МЕРКОСУР. Хотя пространства разнообразны по среде взаимодействия, они ориентированы на интеграцию промышленных и логистических сфер (от добычи или производства сырья до реализации готовой продукции) с целью прироста ВВП от индивидуального усиления позиций государств-участниц в формировании транспортной политики интеграционного объединения и использования экспорта транспортных услуг как источника доходов. Соответствующая индивидуализация целей приводит к внутренним конфликтам, многообразным административным и экономическим барьерам. Такая особенность не позволяет достигнуть прироста ВВП и целостности в эксплуатации транспортного пространства. Например, за 1995–2016 гг. 16 % введенных Аргентиной и 3 % введенных Бразилией, Парагваем и Уругваем антидемпинговых мер – это меры против стран – участниц МЕРКОСУР (Баева, 2018).

Рис.2. Распределение мультипликации интегрированного роста экономики ЕС вследствие использования ЕТП

[Figure 2. Distribution of the animation of the integrated growth of the EU economy as a result of the use of a single transport space]

Источник: разработано автором на основе (Satty M. Putt, 2018).

Этот тип ЕТП формируют интеграционные группировки государств со слабыми, неравномерными уровнями экономического развития. Таким образом, развитие транспортных объектов здесь минимально. Например, в ЭКОВАС

и САДК основу ЕТП составляют несколько трансконтинентальных магистралей, а именно: Транссахарская (соединяет Алжир и Лагос (Нигерия)) и Транссахельская (соединяет Дакар (Сенегал) и Нджаменой (Чад)), некоторые транс-африканские магистрали в стадии строительства (магистраль Лагос (Нигерия) – Момбаса (Кения), магистраль Лагос (Нигерия) – Нуакшот (Мавритания), Каир (Египет) – Габороне (Ботсвана)). Инициированы проекты по строительству железных дорог (Мали – Нигер, Того – Буркина-Фасо) и их объединению в единую сеть. Однако 80 % магистральных и железнодорожных проектов приостановлены в связи с политической нестабильностью в районах строительства и дефицитом транспортных средств. В МЕРКОСУР и СААРК входят страны, имеющие разные уровни экономического развития, закономерно, что и основа ЕТП развита слабо и неравномерно (Баева, 2018). Например, страны – участницы МЕРКОСУР не имеют автотранспортных сообщений (развиты только автомагистрали, шоссе и дороги местного значения). Венесуэла не имеет железнодорожной связи с соседней Бразилией (где отсутствует железнодорожный международный транспорт). В Уругвае железнодорожное сообщение развито слабо (60 % железнодорожных веток недействующие). В СААРК наименее развиты транспортные объекты в Непале, Бутане и Пакистане (страны имеют небольшое количество стыковых трансграничных участков транспортной сети). В Непале основная трасса Катманду – Покхара нуждается в капитальном ремонте, а в Бутане нет железных дорог и водных путей (основные перевозки осуществляются через дорожную сеть, которая группируется вокруг главной трассы Пхунчолинг – Трашиганге) (Satty M.Putt, 2018).

Заключение

На основе анализа транспортных систем крупнейших интеграционных союзов в статье разработана классификация интеграционных объединений по степени развития единого транспортного пространства, выделены его базовые типы: транспортно-логистический, инновационно-логистический, таможенно-логистический, индустриально-логистический. Она дает возможность унификации и гармонизации транспортного пространства в практике интеграционных объединений.

Список литературы

- Андреев В.К., Андреев С.В.* Перспективы и этапы формирования единого транспортного пространства в ЕАЭС и СНГ // *Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право.* 2017. № 2 (11). С. 50–59.
- Баева М.А., Кнобель А.Ю., Зайцев Ю.К., Лощенко А.Н.* Влияние защитных мер в интеграционных объединениях на международную торговлю / *Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.* М.: Дело, 2018. 111 с.
- Бондарев И.И.* Трудности развития интеграционных объединений (на примере ЕАЭС и МЕРКОСУР) // *Экономика, управление, финансы: материалы VII Междунар. науч. конф.* (Краснодар, февраль 2017 г.). Краснодар: Новация, 2017. С. 14–17.

- Григорьева И.* Мировой экономике грозит замедление: темпы ее роста снизятся до 3,2 %. 2018. URL: <https://iz.ru/795273/inna-grigoreva/mirovoi-ekonomike-grozit-zamedlenie-tempy-ee-rosta-sniziatsia-do-32> (дата обращения: 15.01.2019).
- Деняк О.А., Королева Е.А.* Факторы развития региональных транспортных систем // Логистика: современные тенденции развития: материалы XIV Международной научно-практической конференции (9–10 апреля 2015 г.). СПб., 2015. С. 146–148.
- Зуенко И.Ю., Зубань С.В.* Китай и ЕАЭС: динамика трансграничного движения товаров и будущее евразийской интеграции // Таможенная политика России на Дальнем востоке. 2017. № 2 (79). С. 5–24.
- Зуенко И.Ю., Зубань С.В.* Трансконтинентальный транзит Азия – Европа // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 7 (60). С. 70–76.
- Карачев А.Н.* Логистика размещения торговых предприятий: автореф. дис. канд. экон. наук. СПб., 2004. 20 с.
- Комов М.С.* Роль транспорта в развитии региональных интеграционных процессов в мировой экономике // Региональные проблемы преобразования экономики. 2018. № 8 (94). С. 192–199.
- Королева Е.А., Филатова Е.В.* Транспортное пространство: сущность и структура // Transport business in Russia. 2017. № 3. С. 31–33.
- Лapidус Б.М., Мачерет Д.А.* Экономика транспортного пространства: методологические основы // Вестник научно-исследовательского института железнодорожного транспорта. Вып. 2. М.: Научно-исследовательский институт железнодорожного транспорта, 2012.
- Ларин О.Н.* Перспективы интеграции транспортных систем Евразийского экономического союза // Проблемы национальной стратегии. 2017. № 4 (43). URL: <https://riss.ru/images/pdf/journal/2017/4/11.pdf> (дата обращения: 07.12.2018).
- Макашина И.И., Филатова Е.В.* Конкурентоспособность образовательных услуг морского университета как фактор качественного функционирования транспортного пространства // Труд и социальные отношения. 2017. № 4. С. 45–50.
- Balassa V.* The Theory of Economic Integration. London, 1961. 326 p.
- Haas E.B.* The Uniting of Europe: Political, Social and Economic Forces, 1950–1957. Stanford University Press, 1958. 278 p.
- Lindberg L.* The Political Dynamics of European Economic Integration. Stanford, 1953. 372 p.
- Satty M. Putt.* Transport: the establishment of a single transport space within integration groupings // Research reports, International Firm Ernst and Young. London, 2018. 670 p.
- Wallace W.* The Dynamics of European Integration. London, 1990. 323 p.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 30 марта 2019

Дата проверки: 30 апреля 2019

Дата принятия к печати: 31 мая 2019

Для цитирования:

Комов М.С. Классификация интеграционных объединений по степени развития единого транспортного пространства // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2019. Т. 27. № 2. С. 375–385. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-2-375-385>

Сведения об авторе:

Комов Михаил Сергеевич – кандидат экономических наук, доцент, Российский университет транспорта (МИИТ). E-mail: komovms@mail.ru

Classification of integration associations according to the degree of development of a single transport space

Mikhail S. Komov

Russian University of Transport
9 Obraztsova St., bldg. 9, Moscow, 127994, Russian Federation

Abstract. In modern conditions of development of integration processes in the world economy, special importance is attached to the transport sector. The formation of a single transport space (STS) in the regions creates additional opportunities for the economic development of the integrating countries. At the same time, the literature does not pay enough attention to the definition of the essence of the single transport space and the classification of integration associations according to the degree of its development. Therefore, there is a need to develop such a classification. The article substantiates the expediency of classification of integration associations according to the degree of development of a single transport space. The author's formal-logical classification is developed, which is based on three basic types of a single transport space: transport and logistics type provide a positive multiplier of integrated economic growth for all participating countries; innovative-logistic and customs-logistic types cause polarization in the action of the multiplier of integrated economic growth (in particular, both positive and negative growth rates of GDP values of the participating countries are possible); industrial and logistics type provide a zero multiplier of integrated economic growth for all participating countries. The conclusion is made about the possibility of unification and harmonization of transport space in the practice of integration associations on the basis of the developed classification.

Keywords: classification; integration; single transport space; integration association

References

- Andreev V.K. (2017). Perspektivy i ehtapy formirovaniya edinogo transportnogo prostranstva v EAEHS i SNG [Prospects and stages of formation of a single transport space in the EAEU and the CIS]. *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo evrazijskih gosudarstv: politika, ehkonomika, parvo*, (11), 50–59. (In Russ.)
- Baeva M.A., Knobel' A.Y., Zajcev Y.K., Loshchenkova A.N. (2018). *Vliyanie zashchitnykh mer v integracionnykh ob'edineniyah na mezhdunarodnuyu trgovlyu [Impact of protective measures in integration associations on international trade]*. Moscow, Delo Publ. (In Russ.)
- Balassa B. (1961). *The Theory of Economic Integration*. London.
- Bondarev I.I. (2017). Trudnosti razvitiya integracionnykh ob'edinenij (na primere EAEHS i MERKOSUR) [Difficulties in the development of integration associations (a case study of the EAEU and MERCOSUR)]. *Ehkonomika, upravlenie, finansy: materialy VII Mezhdunar. nauch. konf. (Krasnodar, fevral' 2017)* (pp. 14–17). Krasnodar, Novaciya Publ. (In Russ.)
- Denyak O.A. (2015). Faktory razvitiya regional'nykh transportnykh sistem [Factors in the development of regional transport systems]. *Logistika: sovremennye tendencii razvitiya: materialy XIV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (9–10 aprelya 2015)* (pp. 146–148). Saint Petersburg. (In Russ.)

- Grigor'eva I. (2015). *Mirovoj ehkonomike grozit zamedlenie: tempy ee rosta snizyatsya do 3,2%* [The world economy faces a slowdown: its growth rate will fall to 3.2%]. Retrieved from <https://iz.ru/795273/inna-grigoreva/mirovoi-ekonomike-grozit-zamedlenie-tempy-ee-rosta-sniziatsia-do-32>. (In Russ.)
- Haas E.B. (1958). *The Uniting of Europe: Political, Social and Economic Forces: 1950–1957*. Stanford University Press.
- Karachev A.N. (2004) *Logistika razmeshcheniya torgovyh predpriyatij* [The logistics of placing of commercial enterprises] (abstract of Thesis of Candidate of Economic Sciences). Saint Petersburg. (In Russ.)
- Komov M.S. (2018). Rol' transporta v razvitii regional'nyh integracionnyh processov v mirovoj ehkonomike [The role of transport in the development of regional integration processes in the world economy]. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ehkonomiki*, 8(94), 192–199. (In Russ.)
- Koroleva E.A. (2017). Transportnoe prostranstvo: sushchnost' i struktura [Transport space: nature and structure]. *Transport business in Russia*, (3), 31–33. (In Russ.)
- Lapidus B.M., Macheret D.A. (2012). Ehkonomika transportnogo prostranstva: metodologicheskie osnovy [Transport space economics: methodological basis]. *Vestnik nauchno-issledovatel'skogo instituta zhelezodorozhnogo transporta*, (2). Moscow, Nauchno-issledovatel'skij institut zhelezodorozhnogo transporta. (In Russ.)
- Larin O.N. (2017). Perspektivy integracii transportnyh sistem Evrazijskogo ehkonomicheskogo soyuza [Prospects of integration of transport systems of the Eurasian Economic Union]. *Problemy nacional'noj strategii*, 4(43). Retrieved from <https://riss.ru/images/pdf/journal/2017/4/11.pdf>. (In Russ.)
- Lindberg L. (1953). *The Political Dynamics of European Economic Integration*. Stanford.
- Makashina I.I. (2017). Konkurentosposobnost' obrazovatel'nyh uslug morskogo universiteta kak faktor kachestvennogo funkcionirovaniya transportnogo prostranstva [Competitiveness of educational services of Maritime University as a factor of quality functioning of transport space]. *Trud i social'nye otnosheniya*, (4), 45–50. (In Russ.)
- Satty M. Putt. (2018). *Transport: the establishment of a single transport space within integration groupings*. Research reports, International Firm Ernst and Young. London.
- Wallace W. (1990). *The Dynamics of European Integration*. London.
- Zuenko I.Y., Zuban' S.V. (2016). Transkontinental'nyj tranzit Aziya – Evropa [Transcontinental transit Asia – Europe]. *Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 7(60), 70–76. (In Russ.)
- Zuenko I.Y., Zuban' S.V. (2017). Kitaj i EAES: dinamika transgranichnogo dvizheniya tovarov i budushchee evrazijskoj integracii [China and the EAEU: dynamics of cross-border movement of goods and the future of Eurasian integration]. *Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem vostoke*, 2(79), 5–24. (In Russ.)

Article history:

Received: 30 March 2019

Revised: 30 April 2019

Accepted: 31 May 2019

For citation:

Komov M.S. (2019). Classification of integration associations according to the degree of development of a single transport space. *RUDN Journal of Economics*, 27(2), 375–385. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-2-375-385>

Bio note:

Mikhail S. Komov – Cand. Sc. (Econ.), Associate Professor, Russian University of Transport (МИИТ). E-mail: komovms@mail.ru

DOI 10.22363/2313-2329-2019-27-2-386-400
УДК 339

Научная статья

ЕС в системе торговых интересов США

Ю.А. Коновалова¹, С.А. Ушанов²

¹Российский университет дружбы народов

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

²ООО «Эрнст энд Янг»

Российская Федерация, 115035, Москва, Садовническая набережная, д. 77, стр. 1

В статье рассматриваются торговые связи США со странами ЕС. Предпринята попытка выявить характерные особенности американо-европейских связей не только с позиции географии, динамики и структуры взаимной торговли, но и с позиции устоявшихся тенденций, выражающихся в критическом превалировании наиболее узкого числа развитых участников интеграции во взаимной торговле с США по сравнению с большинством членов ЕС. Авторами предложены термин «экономический анаморфоз» и его определение, заключающееся в ярко выраженной диспропорции и критическом превалировании веса ряда партнеров в системе двусторонних отношений, когда в качестве одного из партнеров выступает региональная экономическая интеграция и интенсивность торгово-экономических связей сосредоточена на небольшом числе стран – участников интеграции, оттягивающих на себя подавляющую долю потоков товаров, услуг, капиталов и т.д. Данная диспропорция рассматривается как следствие непропорционального значения участников в системе внешнеэкономических интересов партнера; ЕС не рассматривается как целостный субъект со стороны США, здесь применяется дедуктивный метод оценки конкурентных преимуществ каждого отдельного участника интеграции. Эффект экономического анаморфоза в отношении США и ЕС наблюдается как во взаимной торговле, так и в инвестиционном сотрудничестве.

Ключевые слова: внешняя торговля; США; прямые иностранные инвестиции; диспропорция; товарооборот; структура; география; специализация; ЕС

Введение

Глобализация мировой экономики, сопровождаемая усилением взаимозависимости национальных экономик, обострением конкуренции, усилением неравномерности развития и воздействия внешних факторов на государства, привела к серьезным изменениям мирового политического и экономического ландшафта. В качестве связующего звена в процессах развития и интенсификации отношений между субъектами мирового хозяйства сегодня выступают транснациональные корпорации (ТНК), деятельность которых зна-

чительным образом расширилась в конце XX – начале XXI в. и не ограничена внутренним рынком.

Одновременно с усилением влияния ТНК на мировое хозяйство происходило сближение стран по региональному принципу – расширение ЕС, появление Евразийского экономического союза (ЕАЭС), предпосылки создания Транстихоокеанского партнерства (ТТП) и Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП). Однако голосование Великобритании за выход из ЕС, по мнению экспертов, свидетельствует о реверсивных тенденциях в глобализационном процессе и его конце. Свидетельством конца глобализации в первую очередь является рост протекционизма. По мнению профессора В.Б. Кондратьева (ИМЭМО имени Е.М. Примакова РАН), в данном случае следует говорить не о конце глобализации, а о ее новой модели, которая характеризуется изменением сложившихся ранее пропорций (Кондратьев, 2018).

Нынешний кризис глобализации исходит, по мнению американского экономиста Д. Родрика (Родрик, 2014), из подъема общественно-политических сил антиглобалистского толка, выступающих за укрепление позиций суверенных государств на международной арене. Свобода передвижения товаров и капиталов через национальные границы, множество заключенных соглашений о свободной торговле в итоге спровоцировали пренебрежительное отношение к любым международно закрепленным правилам и принципам, ставя во главу угла национальные интересы и практику имплементации политики протекционизма.

Первые предпосылки торможения процесса глобализации и изменения экономического и политического ландшафта проявились в 2007–2009 гг., когда множество стран вынуждены были прибегнуть к использованию протекционистских мер в стремлении защитить национальных производителей от внешней конкуренции. Утрата взаимного доверия между странами – членами ВТО мешает выработке и принятию новых правил международной торговли, отражающих современные тенденции. Отсюда – тупик в переговорном процессе Дохийского раунда.

Параллельный процесс – это приостановка появления и расширения региональных экономических интеграций, свидетельством чего является полная остановка расширения ЕС, отсутствие предпосылок к расширению и поэтапному углублению Североамериканской зоны свободной торговли (НАФТА) и фактический пересмотр сотрудничества в рамках данной зоны свободной торговли, выход США из ТТП, угрозы выхода США из ВТО и фиаско переговорного процесса по созданию ТТИП между ЕС и США. Здесь следует отметить, что значительные изменения в экономических и политических отношениях США и ЕС являются следствием прихода к власти в США Д. Трампа, новой администрации и смены внешнеполитического и экономического курса страны. Обострение геополитической обстановки трансатлантического сотрудничества исходит из президентской повестки возвращения могущества американской экономики, исправления «дисбаланса в мировой торговле» и провозглашения курса на отмену свободной торговли и введения протекционизма.

США и ЕС имеют самую большую в мире зону разносторонних внешнеэкономических связей. Партнеры занимают ключевые позиции на мировых рынках товаров и услуг, ведущие позиции в международных экономических и финансовых организациях. Несмотря на вес интеграционной группировки в торгово-экономических связях США, разнонаправленные тенденции в данном сотрудничестве усиливаются. Актуальными видятся определение особенностей торгово-экономических связей США и ЕС в складывающихся условиях неопределенности и оценка перспективы их дальнейшего сотрудничества. Проведение данного исследования представляется наиболее целесообразным с точки зрения изучения экономических интересов одного из партнеров, в частности США.

Обзор литературы

Масштабы и вес американской экономики и экономики ЕС в системе международных экономических отношений оправдывают повышенный к ним интерес со стороны научного сообщества. Данным субъектам мирового хозяйства посвящено достаточно много работ как зарубежных, так и отечественных ученых, в том числе большое количество работ освещают особенности торгово-экономических связей данных масштабных игроков. Среди российских ученых, чьи работы посвящены особенностям участия США и ЕС в международных экономических отношениях, можно выделить С.И. Беленчука (Беленчук, 2013), А.Ю. Давыдова (Давыдов, 2008), Р.И. Зименкова (Зименков, 2015), Е.Г. Комкову (Комкова, 2018), Н.Б. Кондратьеву (Кондратьева, 2017), А.Н. Спартака (Спартак, 2016), В.Б. Супян (Супян, 2018). Указанные ученые также уделяют большое внимание проблемам и перспективам создания ТТИП.

Внешняя торговля товарами США со странами ЕС

По оценке Всемирного банка, в 2017 г. на США и ЕС пришлось 45,44 % мирового ВВП, или 36,66 трлн долл. (ЕС – 17,27 трлн долл., США – 19,39 трлн долл.)¹. Степень участия данных субъектов мирового хозяйства в международных экономических отношениях также может быть охарактеризована их весом в международной торговле: в частности, в 2017 г. на США приходилось 8,7 % мирового экспорта товаров, 13,4 % мирового импорта товаров, 14,4 % мирового экспорта коммерческих услуг, 10,2 % мирового импорта коммерческих услуг. Лишь немногие страны ЕС-28 входят в ТОП-10 лидеров торговли товарами и услугами (Германия, Нидерланды, Франция, Италия, Бельгия, Ирландия). Без учета внутриинтеграционной торговли на ЕС пришлось 15,4 % мирового экспорта товаров, 14,8 % мирового импорта товаров, 24,9 % мирового экспорта коммерческих услуг, 21,1 % мирового импорта коммерческих услуг².

¹ Официальный сайт Всемирного банка. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.МКТР.CD> (дата обращения: 08.02.2019).

² Официальный сайт Всемирной торговой организации. World trade statistical review – 2018. URL: https://www.wto.org/english/res_e/status_e/wts2018_e/wts2018_e.pdf (дата обращения: 08.02.2019).

США и ЕС наряду с глобальным лидерством обладают самой развитой системой торгово-экономических связей. ЕС является стратегическим партнером США – на него приходится 18 % американского экспорта товаров и 19 % импорта. Общей характерной особенностью американской торговли со странами – членами ЕС является отрицательный торговый баланс по торговле товарами (–153 млрд долл.) и положительный торговый баланс по торговле услугами (54,3 млрд долл.). В 2000–2017 гг. товарооборот между США и ЕС по торговле товарами увеличился в 1,86 раза, а по услугам – в 2,39 раза (Глущенко, 2011). С 2000 по 2017 г. объем американского экспорта товаров в ЕС увеличился с 165,8 до 284,7 млрд долл., экспорт услуг – с 93,4 до 239,8 млрд долл. Импорт товаров из ЕС в США увеличился с 222,1 до 437,7 млрд долл., импорт услуг – 84,2 до 188,5 млрд долл.³

Американский товарный экспорт в ЕС в среднем в 1,6 раза меньше импорта; отрицательное сальдо торгового баланса торговли товарами США с ЕС формируется за счет торговли с Францией, Германией, Ирландией и Италией – на них приходится 98 % отрицательного торгового сальдо торговли товарами по состоянию на 2017 г.

Доминирование отдельных стран ЕС в географии внешней торговли и формировании дефицита торговли товарами США свидетельствует о неоднородном социально-экономическом развитии членов интеграции, участии секторов в формировании ВВП членов интеграции, весе в мировой экономике и положении на мировых рынках товаров и услуг, о различиях в уровне развития производственных сил, уровне технологичности и капиталоемкости производимой и экспортируемой продукции, а также конкурентоспособности производимой и экспортируемой продукции, способной удовлетворить и увеличить спрос со стороны не менее развитых партнеров.

Устойчивое положительное торговое сальдо торговли товарами формируется у США с такими странами ЕС, как Бельгия, Люксембург, Нидерланды, Великобритания (2015–2016 гг.).

Данные, отражающие товарную структуру американского экспорта, предоставляются Бюро экономического анализа (БЭА) США с 2003 по 2017 г. Динамика и география американского экспорта по странам ЕС свидетельствует о том, что из 28 экономик региональной экономической интеграции преобладающими потребителями американской продукции являются только четыре страны: Великобритания (20 %), Германия (19 %), Франция (12 %) и Италия (6 %). Из расчета, что в 2017 г. товарный экспорт США составил 1551,4 млрд долл., на страны ЕС пришлось 284,7 млрд долл., или 18,3 %.

В структуре товарного экспорта США в ЕС доминируют капитальные товары (за исключением продукции машиностроения): с 2003 по 2017 г. их доля сократилась с 45,4 до 38,9 %. Одновременно с этим произошло увеличение экспорта промышленной продукции и материалов: с 20,7 до 25,3 %.

---

³ Официальный сайт Бюро экономического анализа, Департамент торговли США. International trade in goods and services. URL: <https://www.bea.gov/data/intl-trade-investment/international-trade-goods-and-services> (дата обращения: 08.02.2019).

Экспорт потребительских товаров (за исключением продуктов питания и продукции автомобилестроения) увеличился с 17 до 20,2 %⁴.

Таблица 1

Товарная структура американского экспорта в страны ЕС с 2003 по 2017 г. (млрд долл./%)
[Table 1. American export of goods structure to EU countries from 2003 to 2017 (bln US/%)]

	2003	2005	2010	2015	2016	2017
Экспорт товаров США в ЕС	153,1	188,1	242,8	273,7	271,1	284,7/18,3
Продукты питания, корма и напитки	5,8	6,4	8,7	12,3	11,5	11,5/0,7
Промышленная продукция и материалы	31,6	42,9	66,3	67,6	62,2	71,8/4,6
Капитальные товары, за исключением продукции автомобилестроения	69,5	82,3	89,2	10,2	105,3	110,8/7,1
Продукция автомобилестроения (автомобили, части и узлы, моторы)	10,0	11,6	11,4	17,0	17,7	17,7/1,1
Потребительские товары, за исключением продуктов питания и продукции автомобилестроения	26,1	35,5	48,9	59,9	60,4	57,6/3,7
Другая продукция	8,6	8,2	10,8	10,2	9,5	9,6/0,6
Немонетарное золото	1,3	1,1	7,2	4,0	4,3	5,4/0,3
Всего экспорт товаров США	730,4	913,0	1290,2	1510,7	1455,7	1551,4/100

Источник: составлено автором по данным Бюро экономического анализа США, Департамент торговли США. International data. URL: https://www.bea.gov/international/bp_web/tb_download_type_modern.cfm?list=1&RowID=0 (дата обращения: 15.01.2019).

Оценка Еврокомиссии американского экспорта в ЕС говорит о том, что 82,3 % в его структуре приходится на продукцию обрабатывающей промышленности (22,1 % – химическая продукция, 12,0 % – фармацевтическая продукция, 43,6 % – продукция машиностроения и транспортное оборудование, 11,4 % – другая промышленная продукция, 0,4 и 0,2 % – текстиль и одежда соответственно); 8,4 % приходится на топливо и минеральные продукты.

География европейских поставок в США отражает ту же тенденцию, что и в случае с экспортом, – превалирование небольшого числа участников

⁴ В группу капитальных товаров, по данным БЭА США, входят электрогенераторы, оборудование для бурения нефтяных скважин и добычи сырья, промышленное и сервисное оборудование, сельскохозяйственное машиностроение и оборудование, компьютеры, периферийные устройства и полупроводники, телекоммуникационное оборудование, бизнес-оборудование и машины, научное и медицинское машиностроение и оборудование, транспортное оборудование, гражданское авиастроение и двигатели, железнодорожное транспортное оборудование, емкости, космические аппараты, двигатели и части.

В группу промышленной продукции и материалов входят хлопок (включая хлопковый пух), другие сельскохозяйственные материалы, уголь и сопряженное топливо, нефть и другие продукты, газ природный, ядерное топливо, электроэнергия, сталеплавильные продукты и ферросплавы, продукция из железа и стали, цветные и другие металлы, готовые металлические формы, бумага и сопряженные продукты, химическая продукция (не включая фармацевтическую продукцию), промышленные текстильные волокна, пряжа, ткань, другая несельскохозяйственная продукция, древесина и продукция из нее, строительные материалы.

интеграции: Франции (11 %), Германии (27 %), Италии (11 %), Великобритании (12 %). На данные страны приходится 61 % всего импорта, поступающего в США из ЕС (2017 г.). Основу импортных поставок также составляют капитальные товары, доля которых увеличилась с 26 до 28 %; доля потребительских товаров сократилась с 28,2 до 27,9 %; продукции автомобилестроения – с 16 до 14 %; промышленной продукции и материалов – с 18 до 16 %; немонетарного золота – с 0,29 до 0,05 %; доля продуктов питания, напитков и кормов и другой продукции – увеличились с 4 до 6 %.

Таблица 2

Товарная структура американского импорта из страны ЕС с 2003 по 2017 г. (млрд долл./%)
[Table 2. American import of goods structure from EU countries from 2003 to 2017 (bln US/%)]

	2003	2005	2010	2015	2016	2017
Импорт товаров США	247,9	312,9	324,2	430,7	419,1	437,7/18,5
Продукты питания, корма и напитки	12,3	15,5	17,7	23,8	24,7	26,3/1,1
Промышленная продукция и материалы	46,6	72,3	69,5	69,9	66,8	70,9/3,0
Капитальные товары, за исключением продукции автомобилестроения	66,5	86,8	87,9	122,7	118,1	126,5/5,3
Продукция автомобилестроения (автомобили, части и узлы, моторы)	39,6	44,5	35,7	67,1	61,8	62,5/2,6
Потребительские товары, за исключением продуктов питания и продукции автомобилестроения	69,9	79,2	92,7	120,8	119,7	122,3/5,2
Другая продукция	12,1	14,3	20,3	26,1	27,6	28,8/1,2
Немонетарное золото	0,72	0,063	0,36	0,27	0,23	0,21/0,0
Всего импорт товаров США	1272,0	1695,8	1938,9	2272,6	2208,2	2361,4/100

Источник: составлено автором по данным Бюро экономического анализа США, Департамент торговли США. International data. URL: https://www.bea.gov/international/bp_web/tb_download_type_modern.cfm?list=1&RowID=0 (дата обращения: 15.01.2019).

Оценка Еврокомиссии также показывает, что в 2017 г. 87,1 % поставок ЕС в США приходится на продукцию обрабатывающей промышленности, из которых 22,5 % – продукция химической промышленности, 13 % – фармацевтическая продукция, 44,4 % – продукция машиностроения и транспортное оборудование, 20 % – транспортное оборудование. Доля топлива и минеральной продукции – 4,6 %⁵.

Структура экспорта и импорта США с Германией, Францией, Италией, Бельгией, Великобританией, Нидерландами и Люксембургом как с государствами, на которые приходится большая доля экспортно-импортных операций с США, характеризуется превалированием трех товарных групп – капитальных товаров, промышленной продукции и материалов, потребительских

⁵ Официальный сайт Евростата. Статистика международной торговли товарами между США и ЕС. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/USA-EU_-_international_trade_in_goods_statistics (дата обращения: 20.01.2019).

товаров. Продукция автомобилестроения значительно выражена по сравнению с другими странами в экспортно-импортных поставках США и Германии. Продукты питания, напитки и корма преобладают в торговле США с Италией и Бельгией. Основу торговли США со странами ЕС составляет продукция вторичного сектора экономики и более 50 % поставок в структуре продукции обрабатывающей промышленности составляет продукция машиностроения.

Внешняя торговля услугами США со странами ЕС

В противовес американско-европейской торговле товарами стоит торговля услугами, география и динамика которой держит торговый баланс торговли услугами США и ЕС в положительной плоскости.

В 2003–2017 гг. доля ЕС в американском экспорте услуг сократилась с 34,6 до 30,8 %, в импорте услуг в США доля ЕС сократилась с 38,4 до 35,3 %: в 2003 г. экспорт услуг из США в ЕС составил 100,5 млрд долл., импорт – 93,0 млрд долл., в 2017 г. экспорт составил 239,8 млрд долл., импорт – 188,5 млрд долл.

Структура экспорта американских услуг характеризуется превалированием поездок, на них приходится в общей структуре американского экспорта услуг 26 %, 21 % приходится на частные поездки, финансовые услуги занимают 13,6 %, на транспортные приходится 11 %, поступления за использование прав интеллектуальной собственности составляют 16,4 %, профессиональные и управленческие консультационные услуги – 10 %, другие бизнес-услуги – 19,7 % (из которых 10 % – профессиональные и управленческие консультационные услуги).

Динамика американского экспорта услуг в страны ЕС с 2003 по 2017 г. свидетельствует о более чем двукратном росте поставок услуг в страны – члены интеграции – с 100,5 до 239,8 млрд долл., с одновременным сокращением доли стран ЕС в общем экспорте услуг США (с 34,6 до 30,7 %).

Страны Еврозоны традиционно занимают доминирующее положение в системе торгово-экономических связей как США, так и других стран. Более того, вес именно 19 экономик увеличился параллельно с ростом абсолютных показателей (с 60,3 до 154,9 млрд долл. и с 60 до 64,6 % в географии экспорта услуг США в страны ЕС). Характерной особенностью экспорта американских услуг в страны Еврозоны, в частности, является значительное перераспределение веса стран внутри «группы 19» с 2003 по 2017 г., а именно: с одновременным ростом абсолютных показателей экспорта услуг в Бельгию, Францию, Германию, Италию, Нидерланды, доли этих стран сократились за указанный период с 2,7 до 2,3 %, с 10,8 до 8 %, с 16,7 до 13,1 %, с 5,6 до 3,8 %, с 7,5 до 7,1 % соответственно. Шестикратное увеличение экспорта американских услуг в Люксембург (с 1,1 до 6,6 млрд долл.) сопровождалось удвоением доли данной страны с 1,09 до 2,75 %. Самое значительное изменение произошло в динамике веса других стран Еврозоны – с 15,2 до 27,2 % (при четырехкратном росте абсолютного экспорта с 15,3 до 65,3 млрд долл.).

В составе американских услуг, потребляемых ЕС, как и в случае с общеамериканскими тенденциями, превалируют другие услуги – на них при-

ходится 26 %, на втором месте платежи за использование прав интеллектуальной собственности – 21 %, вес финансовых услуг практически не изменился и с незначительными колебаниями за 14 лет остался на уровне 13 %, вес транспортных услуг сократился с 12,7 до 10,7 %, туристические услуги, включая образование, сегодня составляют 16 %, вес государственных, страховых, телекоммуникационных, компьютерных и информационных услуг и услуг по обслуживанию и ремонту оборудования – незначительный и также держится тенденции к сокращению⁶.

Таблица 3

Структура и динамика американского экспорта и импорта услуг с ЕС с 2003 по 2017 г. (млрд долл.)
[Table 3. Structure and dynamics of American trade of services with EU from 2003 to 2017 (bln US)]

	2003	2005	2010	2015	2016	2017
Экспорт услуг США в ЕС – всего	100,5	130,8	179,2	228,4	231,2	239,8
Техническое обслуживание и ремонт	н/д	н/д	4,4	6,9	8,2	8,7
Транспортные услуги	12,8	17,1	21,8	26,4	25,1	25,7
Поездки (включая образование)	19,2	25,5	30,8	42,4	40,3	40,2
Страховые услуги	2,9	2,3	3,5	4,3	3,9	4,3
Финансовые услуги	н/д	н/д	25,2	30,7	30,2	33,4
Платежи за использование прав интеллектуальной собственности	25,7	33,8	42,6	49,5	50,2	50,4
Телекоммуникационные, компьютерные и информационные услуги	н/д	н/д	9,6	11,4	11,4	12,1
Другие бизнес-услуги	н/д	н/д	39,7	55,4	60,6	63,4
Государственные услуги	1,1	1,0	1,3	1,3	1,2	1,4
Импорт услуг США из ЕС – всего	93,0	114,7	143,6	174,0	176,4	188,5
Техническое обслуживание и ремонт	н/д	н/д	3,2	3,8	4,1	н/д
Транспортные услуги	20,6	28,4	26,8	33,9	33,8	35,3
Поездки (включая образование)	21,4	27,6	26,1	34,6	37,0	42,5
Страховые услуги	9,8	9,7	12,7	10,9	10,8	11,2
Финансовые услуги	н/д	н/д	7,9	12,8	12,1	12,9
Платежи за использование прав интеллектуальной собственности	8,0	10,6	14,9	18,0	18,8	22,0
Телекоммуникационные, компьютерные и информационные услуги	н/д	н/д	9,3	8,7	9,1	10,5
Другие бизнес-услуги	н/д	н/д	30,8	43,2	42,3	42,1
Государственные услуги	8,6	9,2	11,7	7,8	8,1	н/д

Источник: составлено автором по данным Бюро экономического анализа США, Департамент торговли США. International data. URL: https://www.bea.gov/international/bp_web/tb_download_type_modern.cfm?list=1&RowID=0 (дата обращения: 15.01.2019).

Динамика экспорта американских услуг отражает понижательную тенденцию веса каждого из видов услуг, более того, сама структура американ-

⁶ Официальный сайт Бюро экономического анализа, Департамент торговли США. International trade in goods and services. URL: <https://www.bea.gov/data/intl-trade-investment/international-trade-goods-and-services> (дата обращения: 20.01.2019).

ской торговли услугами также не статична: если в 2003 г. такие услуги, как техническое обслуживание и ремонт, финансовые услуги, телекоммуникационные, компьютерные и информационные услуги и другие бизнес-услуги не выделялись в отдельные категории, то к 2010 г. они уже присутствуют в классификации услуг внешней торговли США.

Вес потребления услуг ЕС США за 14 лет претерпел понижающую тенденцию – с 38,4 до 35 %. В американском импорте услуг доли стран – членов интеграции распределены следующим образом: Еврозона (2003 г. – 24,0 %, 2017 г. – 22,3 %); Бельгия (2003 г. – 0,86 %, 2017 г. – 0,92 %); Франция (2003 г. – 4,2 %, 2017 г. – 3,3 %); Германия (2003 г. – 8,5 %, 2017 г. – 6,4 %); Италия (2003 г. – 2,7 %, 2017 г. – 2 %); Люксембург (2003 г. – 0,16 %, 2017 г. – 0,3 %); Нидерланды (2003 г. – 2,7 %, 2017 г. – 2,07 %); Великобритания (2003 г. – 12,2 %, 2017 г. – 10,4 %).

Более 60 % приходится на страны Еврозоны. Здесь также прослеживается понижающая тенденция по основным странам ЕС – поставщикам услуг: Франция (с 11 до 9,4 %), Германия (с 22,2 до 18,4 %), Италия (с 7,1 до 6,5 %), Нидерланды (с 7,1 до 5,9 %). Вес Бельгии увеличился очень незначительно – с 2,3 до 2,7 %, Люксембурга – с 0,4 до 1 %. Положительная динамика прослеживается по всем остальным странам Еврозоны – с 12,3 до 19,7 %. Основным поставщиком услуг в США среди стран ЕС является Великобритания, на нее приходится 29,5 % (2003 г. – 31,8 %)⁷.

Профицит торговли услугами США с ЕС (2017 г.) составил 242,7 млрд долл., товарооборот – 428,3 млрд долл., абсолютным лидером в географии данного товарооборота является Великобритания, на нее приходится 122,3 млрд долл. из указанных 428,3 млрд долл. (или 29,5 %). Роль и значение Великобритании в структуре американской торговли услугами обосновывается тем, что Лондон, в частности, является одним из старейших мировых финансовых центров. Потенциально вес страны значительным образом может возрасти в торговле услугами с США после выхода Королевства из Европейского союза, поскольку ограничения, сдерживающие американо-английскую торговлю услугами, впрочем, как и товарами, будут устранены.

Анализ структуры внешней торговли США услугами с ЕС (на примере Великобритании, Германии и Франции как основных партнеров) показывает, что в структуре экспорта услуг в Великобританию преобладают финансовые услуги – 22 %; другие услуги и туристические услуги, включая образование, – по 18 %; поступления от использования прав интеллектуальной собственности – 14 %; транспортные услуги – 11 %. Импорт услуг из Великобритании представлен относительно равномерным распределением веса услуг: транспортные услуги – 15 % в 2017 г., туристические услуги, включая образование, – 17,9 % в 2017 г., финансовые услуги – 16,8 % в 2017 г., 26 % приходится на другие бизнес-услуги.

В торговле услугами с Германией более 25 % экспорта приходилось на другие бизнес-услуги; доля туристических услуг, включая образовательные,

⁷ Официальный сайт Бюро экономического анализа, Департамент торговли США. International trade in goods and services. URL: <https://www.bea.gov/data/intl-trade-investment/international-trade-goods-and-services> (дата обращения: 20.01.2019).

не изменилась – 20,3 %; платежи за использование объектов интеллектуальной собственности – 19 %; транспортные и финансовые услуги – остались на уровне 15 и 8 % соответственно. Вес импорта транспортных услуг из Германии составил 23 %; платежей за использование объектов интеллектуальной собственности – 20,3 %; других бизнес-услуг – 18,7 %; государственных услуг – 13,8 %.

Американо-французская торговля услугами характеризуется превалированием туристических услуг, включая образование, в американском экспорте во Францию – 25 %; поступления от экспорта объектов интеллектуальной собственности – 14 %; строительные и ремонтные работы – 9,8 %; другие бизнес-услуги – 20,8 %. В структуре американского импорта услуг из Франции 30 % приходится на туристические и образовательные услуги (2017 г.). Второе место занимают транспортные услуги – 25 %, платежи от использования объектов интеллектуальной собственности сократилась до 15 %; другие бизнес-услуги – 14 %⁸.

В условиях обостряющейся конкуренции на товарных рынках в последние десятилетия США стали активно использовать торговлю научно-техническими знаниями, включающую продажу патентов, лицензий, товарных знаков, промышленных образцов и т.п., для укрепления своих позиций в мировой экономике (Зименков, 2015).

Интеллектуальная собственность является одним из наиболее дорогостоящих активов в коммерческих операциях. Объективной основой этой тенденции стала фрагментация производственного процесса и создание глобальных цепочек добавленной стоимости при активном участии ТНК. Практически любое технологически сложное изделие, а часто и обычный товар широкого потребления, включает в себя материальные и нематериальные элементы (научно-технические разработки, дизайн, программное обеспечение и др.), созданные в разных странах.

Важными показателями уровня развития инновационного потенциала любой страны являются масштабы патентования (Кузнецова, 2013). В 2016 г. в мире было зафиксировано 3,1 млн патентных заявок, 42,8 % (1,3 млн) из которых пришлось на Китай, 19,4 % (605,5 тыс. ед.) – на США, 10,2 % (318,3 тыс.) – на Японию, 6,7 % (208,8 тыс. ед.) – на Республику Корея, 5,1 % (159,3 тыс.) – на Европейский патентный офис, 15,8 % – другие страны.

Большинство китайских заявок относятся к производству электрооборудования, машиностроению и энергетике, компьютерному оборудованию; немецкие патентные заявки специализируются на транспорте и транспортном оборудовании, электрооборудовании, машиностроении и энергетике, а также на медицинской продукции; большая часть американских патентных заявок исходит из сферы компьютерных технологий, цифровой связи, медицинского оборудования и продукции.

Большая часть патентных заявок, приходится на ТНК, в частности:

- Китай: 4123 – ZTE, 3692 – Huawei Technologies, 1673 – BOE Technology;
- США: 2466 – Qualcomm, 1742 – Hewlett-Packard, 1692 – Intel;

⁸ Официальный сайт Бюро экономического анализа, Департамент торговли США. International trade in goods and services. URL: <https://www.bea.gov/data/intl-trade-investment/international-trade-goods-and-services> (дата обращения: 20.01.2019).

– Япония: 2053 – Mitsubishi Electric, 1665 – Sony;

– Республика Корея: 1888 – LG Electronics, 1672 – Samsung Electronics⁹.

В 2016 г. в мире было зафиксировано 9,7 млн заявок на товарные знаки: 37,9 % пришлось на Китай, 5,6 % – на США, 4,6 % – на Японию, 3,8 % – на Европейское бюро по интеллектуальной собственности, 3,2 % – на Индию, 44,9 % – на другие страны. Китайские заявки на товарные знаки преимущественно лежат в области сельского хозяйства, НИОКР и технологий, легкой промышленности; Франция в 2016 г. подала большее число заявок по НИОКР и технологиям, досугу и образованию, а также бизнес-услугам; Германия – заявки в области НИОКР и технологий, досуга и образования, здравоохранения; США – НИОКР и технологии, досуг и образование, здравоохранение.

США и Германия являются лидерами по числу заявок на товарные знаки через использование Мадридской системы. В 2016 г. США подали 7730 заявок на товарные знаки, Германия – 7544 заявки, Франция – 4124 заявки, Китай – 3820 заявок, Италия – 3079 заявок.

Здесь также стоит отметить, что в структуре американо-немецкой торговли услугами именно поступления и платежи за использование прав интеллектуальной собственности занимают 19 % (в экспорте услуг из США в Германию) и 20,3 % (в импорте услуг из Германии в США).

В 2016 г. всего в мире было зафиксировано 1,2 млн заявок на промышленные образцы, 52,4 % из которых приходится на Китай, 8,4 % – на Европейское бюро по интеллектуальной собственности, 5,6 % – на Республику Корея, 4,5 % – на Германию, 3,7 % – на Турцию, 25,4 % – на другие страны.

В 2016 г. Германия подала больше всего заявок на промышленные образцы в легкой промышленности и производстве текстиля, мебели и товаров для дома, а также рекламной продукции; Италия – на промышленные образцы в легкой промышленности, производстве мебели и товаров для дома, строительстве; Великобритания – в производстве мебели и товаров для дома, легкой промышленности, инструментов и машин; США – на промышленные образцы в сфере ИКТ и аудио- и видеопродукции, легкой промышленности и средств упаковки¹⁰.

Экспорт американских патентов и лицензий в промышленный сектор иностранных государств позволяет американским ТНК в значительной степени ускорить процесс экспансии новых рынков, а также частично покрыть затраты на НИОКР. Поскольку поставка готовых изделий (прямой экспорт) сопряжена с рядом издержек, рассмотренных нами ранее, американские ТНК могут использовать продажу лицензий на право производства своей продукции. Лицензионное соглашение также может включать условие о покупке у американского лицензиара оборудования и узлов для производства продукции по лицензии. Как правило, большая часть лицензионных соглашений США монополизирована американскими ТНК, и подавляющую часть лицензионной торговли проводят материнские компании, а не зарубежные филиалы. Распространенной формой лицензионных соглашений являются контракты на использование товарного знака – франчайзинга.

⁹ Официальный сайт Всемирной организации интеллектуальной собственности. Факты и цифры – 2017. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_943_2017.pdf (дата обращения: 20.01.2019).

¹⁰ Там же.

«Эффект экономического анаморфоза» (вместо заключения)

Выявлено, что страны ЕС являются основными партнерами США в торговле товарами и услугами. Постранный анализ торговой статистики США с данной региональной интеграционной группировкой показывает, что вес ряда стран для США в качестве торговых партнеров зачастую выше, чем вес подавляющего большинства участников союза. Данная тенденция превалирования меньшинства в политическом плане, например, называется диктатурой (или господством меньшинства), описывает роль и вес небольшого числа участников в функционировании сложных систем. Для США выделение, в частности, Великобритании, Франции, Германии, Италии и Ирландии обосновывается комплексом факторов, формирующих их конкурентные преимущества как в мировом разрезе, так и в региональном.

Торговля товарами США со странами ЕС носит дефицитный характер, поскольку 98 % торговли приходится на четыре государства – Францию, Германию, Италию и Ирландию. Устойчивое положительное торговое сальдо торговли товарами формируется у США с Бельгией, Люксембургом, Нидерландами, Великобританией (2015–2016 гг.).

Основу товарного обмена между США и ЕС составляет продукция обрабатывающей промышленности (более 80 %, по данным Еврокомиссии, и более 50 %, по данным БЭА), с превалированием в ее составе высоко- и средне-технологичной продукции (химическая и фармацевтическая продукция, продукция машиностроения, транспортное оборудование).

В структуре товарооборота США со странами ЕС прослеживается та же тенденция превалирования веса одних участников интеграции над другими: из 28 стран ЕС на Францию, Италию, Германию и Великобританию приходится 60 % товарооборота (или 433 из 722,4 млрд долл.).

Страны ЕС являются основными поставщиками и потребителями услуг США (30,8 % экспорта американских услуг и более 35 % импорта). Наиболее востребованы другие бизнес-услуги, туристические и транспортные услуги, платежи и сборы за использование прав интеллектуальной собственности.

Критическое превалирование нескольких стран ЕС над другими в системе не только торговых, но и инвестиционных отношений США со странами группировки (как было выявлено нами в предыдущих работах), хорошо заметно при математическом сравнении показателей и их графическом отображении, например на географической карте, где фактором, визуально увеличивающим объем одних стран и сокращающим других, является объем экспорта или импорта товаров, услуг или ПИИ, что можно сравнить с эффектом анаморфоза, когда по сравнению с большинством сравниваемых участников позиции отдельных игроков значительно превалируют и данная тенденция носит постоянный характер.

В связи с этим можно ввести понятие «экономический анаморфоз» или «эффект экономического анаморфоза», сущность которого заключается в ярко выраженной диспропорции веса партнеров друг для друга в системе двусторонних отношений, когда в качестве одного из партнеров выступает региональная экономическая интеграция и интенсивность торгово-экономических

связей сосредоточена на небольшом числе стран – членов интеграции, отягивающих на себя подавляющую долю потоков товаров, услуг, капиталов и т.д. Это значит, что не все участники региональной экономической интеграции в совокупности имеют значение для третьей страны, а только те, которые обладают рядом специфических конкурентных преимуществ по сравнению с остальными участниками интеграции.

Соотношение абсолютных и относительных показателей отдельных стран ЕС (5–6 стран) в системе торгово-экономических отношений США свидетельствует именно о неравнозначности восприятия других участников региональной экономической интеграции в сравнении с превалирующим меньшинством. Это может свидетельствовать также о том, что не только в практическом выражении, но и на теоретическом уровне возникает необходимость пересмотра объективности восприятия и учета субъектов мирового хозяйства друг другом, а именно: внешнеэкономические интересы опираются на дедуктивный подход в выборе партнера, на его качественные характеристики и конкурентоспособность.

Список литературы

- Беленчук С.И.* Международная торговля: переход к перманентной неустойчивости // *Обозреватель – Observer*. 2013. № 2 (277). С. 58–65.
- Глуценко Ю.Н.* Состояние, проблемы и перспективы сотрудничества США и ЕС в экономической сфере // *Проблемы национальной стратегии*. 2011. № 4 (9). С. 146–161.
- Давыдов А.Ю.* США и страны ЕС: торговля и инвестиции // *Современная Европа*. 2008. № 1. С. 30–42.
- Зименков Р.И.* Новые явления в зарубежной деятельности американских ТНК // *Россия и Америка в XXI веке*. 2015. № 1. С. 7.
- Комкова Е.Г.* Вокруг переговоров по пересмотру соглашения НАФТА // *Россия и Америка в XXI веке*. 2018. № 1. С. 9.
- Кондратьев В.Б.* Новый этап глобализации: особенности и перспективы // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62. № 6. С. 5–17.
- Кондратьева Н.Б.* Трансатлантическое партнерство ЕС – США: перспективы // *Мировая экономика и международные отношения*. 2017. Т. 61. № 8. С. 5–13.
- Кузнецова Г.В.* Международная торговля объектами интеллектуальной собственности // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2013. № 8. С. 35–47.
- Родрик Д.* Парадокс глобализации: демократия и будущее мировой экономики // *Экономическая социология*. 2014. Т. 15. № 2. С. 65–74.
- Спартак А.Н.* Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство: возможные эффекты для России и ЕАЭС // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2016. № 6. С. 3–17.
- Супян В.Б.* Экономика США в XXI веке: вызовы и тенденции развития. М.: Весь мир, 2018. С. 424.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 07 марта 2019

Дата проверки: 15 апреля 2019

Дата принятия к печати: 20 мая 2019

Для цитирования:

Коновалова Ю.А., Ушанов С.А. ЕС в системе торговых интересов США // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2019. Т. 27. № 2. С. 386–400. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-2-386-400>

Сведения об авторах:

Коновалова Юлия Александровна – кандидат экономических наук, ассистент, Российский университет дружбы народов. E-mail: konovalova-yua@rudn.ru

Ушанов Степан Андреевич – эксперт в отделе расследования финансового мошенничества и содействия в спорных ситуациях, ООО «Эрнст энд Янг». E-mail: UshanovSA@gmail.com

Research article

EU in the system of trade interests of USA

Yulia A. Konovalova¹, Stepan A. Ushanov²

¹Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

²Ernst and Young
77 Sadovnicheskaya naberezhnaya, bldg. 1, Moscow, 115035, Russian Federation

Abstract. Article is dedicated to the trade and economic links of USA and EU. The authors tried to find out key features and characteristics of these cooperation. The result of the investigation and the analysis is development of the term “economic anamorphosis”, the concept of which is the critical domination of the weight and share of limited list of partners in the system of bilateral cooperation, when one of the partners is regional economic integration, and the biggest share of trade, capital, human and other flows is attracted by these determined limited list of countries. Such situation can be estimated as disproportion of partner's estimation and evaluation by each other. It means that economic integration is estimated not as the complex partner and subject of the global economy but with the using of deduction method.

Keywords: foreign trade; USA; foreign direct investment; disproportion; trade turnover; structure; geography; specialization; European Union

References

- Belenchuk S.I. (2013). Mezhdunarodnaja trgovlja: perehod k permanentnoj neustojchivosti [International trade: shifting to the phase of permanent instability]. *Obozrevatel' – Observer*, 2(277), 58–65. (In Russ.)
- Glushhenko Ju.N. (2011). Sostojanie, problemy i perspektivy sotrudnichestva SShA i ES v jekonomicheskoy sfere [Conditions, Problems and Prospects of Economic Cooperation between the United States and the European Union]. *Problemy nacional'noj strategii*, 4(9), 146–161. (In Russ.)
- Komkova E.G. (2018). Vokrug peregovorov po peresmotru soglasheniya NAFTA [Crucial time in NAFTA re-negotiation]. *Rossija i Amerika v XXI veke*, (1), 9. (In Russ.)

- Kondrat'ev V.B. (2018). Novyj jetap globalizacii: osobennosti i perspektivy [New level of globalization: key features and perspectives]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*, 62(6), 5–17. (In Russ.)
- Kondrat'eva N.B. (2017). Transatlanticheskoe partnerstvo ES – SShA: perspektivy [The EU – US Transatlantic partnership: prospects]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*, 61(8), 5–13. (In Russ.)
- Kuznecova G.V. (2013). Mezhdunarodnaja trgovlja ob''ektami intellektual'noj sobstvennosti [International trade of intellectual property]. *Rossijskij vneshnejekonomicheskij vestnik*, (8), 35–47. (In Russ.)
- Rodrik D. (2014). Paradoks globalizacii: demokratiya i budushhee mirovoj jekonomiki [The Globalization Paradox: Democracy and the Future of the World Economy]. *Jekonomicheskaja sociologija*, 15(2), 65–74. (In Russ.)
- Spartak A.N. (2016). Transatlanticheskoe torgovoe i investicionnoe partnerstvo: vozmozhnye jeffekty dlja Rossii i EAJeS [Transatlantic Trade and Investment Partnership: possible impacts on Russia and the Eurasian Economic Union]. *Rossijskij vneshnejekonomicheskij vestnik*, (6), 3–17. (In Russ.)
- Supjan V.B. (2018). Jekonomika SShA v XXI veke: vyzovy i tendencii razvitija [USA economy in XXI century: challenges and tendencies of development] (p. 424). Moscow, Ves' mir Publ. (In Russ.)
- Zimenkov R.I. (2015). Novye javlenija v zarubezhnoj dejatel'nosti amerikanskih TNK [New phenomena in foreign activity of American TNC's]. *Rossija i Amerika v XXI veke*, (1), 7. (In Russ.)

Article history:

Received: 07 March 2019

Revised: 15 April 2019

Accepted: 20 May 2019

For citation:

Konovalova Yu.A., Ushanov S.A. (2019). EU in the system of trade interests of USA. *RUDN Journal of Economics*, 27(2), 386–400. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-2-386-400>

Bio notes:

Yulia A. Konovalova – Candidate of Science (in Economics), an assistant of the International Economic Relations Department, Peoples Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: konovalova_yua@pfur.ru

Stepan A. Ushanov – an expert in the Department of Investigation of Financial Fraud and Assistance in Disputable Situations, Ernst and Young. E-mail: UshanovSA@gmail.com

К авторам журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика»

Общие сведения и тематика журнала

Редакция журнала «Вестник РУДН. Серия: Экономика» приглашает к сотрудничеству авторов – преподавателей, научных работников, аспирантов.

Журнал выходит 4 раза в год – в марте, июне, сентябре и декабре.

Портфель со статьями в очередной номер «Вестника» формируется постоянно, по мере их поступления. С момента поступления статьи в редакцию до выхода журнала из типографии проходит примерно 3–4 месяца. Плата за публикацию не взимается. Важнейшее условие публикации – качественная статья, оформленная в строгом соответствии с требованиями «Вестника».

Журнал публикует статьи в следующих рубриках:

- вопросы экономической теории;
- продвижение экономических реформ в России и странах СНГ;
- экономическая интеграция и глобализация;
- экономика развитых и развивающихся стран;
- валютно-финансовые проблемы;
- экономика отраслевых рынков;
- вопросы менеджмента и маркетинга;
- междисциплинарные исследования;
- методика и методология преподавания экономических дисциплин;
- экономические обзоры;
- аналитическая информация и статистика;
- рецензии и пр.

Общие требования, предъявляемые к статьям

При подготовке рукописи для направления в редакцию авторам следует руководствоваться следующими правилами, составленными с учетом требований российских и международных ассоциаций и организаций, в том числе принципов и правил COPE (Committee on Publication Ethics), CSE (Council of Science Editors), EASE (European Association of Science Editors), указаний АНРИ (Ассоциация научных редакторов и издателей) и требований ВАК (Высшая аттестационная комиссия).

1. РУКОПИСЬ

Направляется в редакцию в электронном варианте через online-форму (<http://journals.rudn.ru>). Загружаемый в систему файл со статьей должен быть

представлен в формате Microsoft Word (иметь расширение *.doc, *.docx, или *.rtf).

1.1. Объем полного текста рукописи (оригинальные исследования, лекции, обзоры), в том числе таблицы и список литературы, не должен превышать 25 000 знаков (с учетом пробелов). Количество знаков в тексте можно узнать через меню Word («Файл» – «Просмотреть свойства документа» – «Статистика»). В случае, когда превышающий нормативы объем статьи, по мнению автора, оправдан и не может быть уменьшен, решение о публикации принимается на заседании редколлегии по рекомендации рецензента

1.2. Формат текста рукописи. Текст должен быть напечатан шрифтом Times New Roman, иметь размер 14 pt и междустрочный интервал 1,5 pt. Отступы с каждой стороны страницы 2 см. Выделения в тексте можно проводить ТОЛЬКО курсивом или полужирным начертанием букв, но НЕ подчеркиванием. Из текста необходимо удалить все повторяющиеся пробелы и лишние разрывы строк (в автоматическом режиме через сервис Microsoft Word «Найти и заменить»).

1.3. Файл с текстом статьи, загружаемый в форму для подачи рукописей, должен содержать всю информацию для публикации (в том числе рисунки и таблицы).

2. СТРУКТУРА РУКОПИСИ

Структура текста должна соответствовать приведенному ниже шаблону (может меняться в зависимости от типа работы).

2.1. Русскоязычная аннотация

Название статьи. Название статьи должно содержать и полноценно отражать предмет и тему статьи, а также основную цель (вопрос), поставленную автором для раскрытия темы.

Копирайт, год, автор(ы) (имя, фамилия)

Авторы. При написании авторов статьи фамилию следует указывать после инициалов имени и отчества (П.С. Иванов, С.И. Петров, И.П. Сидоров).

Учреждения. Необходимо привести официальное ПОЛНОЕ название учреждения (без сокращений). После названия учреждения через запятую необходимо написать название города, страны. Если в написании рукописи принимали участие авторы из разных учреждений, необходимо соотнести названия учреждений и ФИО авторов путем добавления цифровых индексов в верхнем регистре перед названиями учреждений и после ФИО соответствующих авторов.

Аннотация статьи должна быть (если работа оригинальная) структурированной: актуальность, цель, материалы и методы, результаты, заключение; содержать основные положения, изложенные в работе; отражать взгляд автора на обсуждаемую в рукописи проблему с учетом проанализированного материала и полученных результатов; позволять читателю понять уникальность данной статьи (исследования или обзора) – чем эта статья отличается от аналогичных работ. Объем текста аннотации должен быть в пределах 200–300 слов.

Ключевые слова. Необходимо указать ключевые слова – от 3 до 10, способствующие индексированию статьи в поисковых системах. Ключевые слова должны попарно соответствовать на русском и английском языках.

2.2. Англоязычная аннотация

Article title. Англоязычное название должно быть грамотно с точки зрения английского языка, при этом по смыслу полностью соответствовать русскоязычному названию.

Author names. ФИО необходимо писать в соответствии с заграничным паспортом или так же, как в ранее опубликованных в зарубежных журналах статьях. Авторам, публикующимся впервые и не имеющим заграничного паспорта, следует воспользоваться стандартом транслитерации BSI (см. ниже).

Affiliation. Необходимо указывать ОФИЦИАЛЬНОЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЕ НАЗВАНИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ. Наиболее полный список названий учреждений и их официальной англоязычной версии можно найти на сайте РУНЭБ eLibrary.ru

Abstract. Англоязычная версия аннотации статьи должна по смыслу и структуре (Aim, Materials and Methods, Results, Conclusions) полностью соответствовать русскоязычной, быть грамотной с точки зрения английского языка и также включать 200–300 слов.

Keywords. Необходимо указать ключевые слова – от 3 до 10, способствующие индексированию статьи в поисковых системах. Ключевые слова должны попарно соответствовать на русском и английском языках.

2.3. Полный текст (на русском, английском, немецком, французском, испанском или последовательно на нескольких языках) должен быть структурированным по разделам. Структура полного текста рукописи, посвященной описанию результатов оригинальных исследований, должна соответствовать общепринятому шаблону и содержать разделы:

- введение (обоснование);
- обзор литературы;
- методы и подходы;
- результаты;
- выводы/заключение.

2.4. Дополнительная информация (на русском, английском или обоих языках)

Информация о конфликте интересов. Авторы должны раскрыть потенциальные и явные конфликты интересов, связанные с рукописью. Конфликтом интересов может считаться любая ситуация (финансовые отношения, служба или работа в учреждениях, имеющих финансовый или политический интерес к публикуемым материалам, должностные обязанности и др.), способная повлиять на автора рукописи и привести к сокрытию, искажению данных, изменению их трактовки.

Наличие конфликта интересов у одного или нескольких авторов НЕ является поводом для отказа в публикации статьи. Выявленное редакцией сокрытие потенциальных и явных конфликтов интересов со стороны авторов может стать причиной отказа в рассмотрении и публикации рукописи.

Информация о финансировании. Необходимо указывать источник финансирования как научной работы, так и процесса публикации статьи (фонд, коммерческая или государственная организация, частное лицо и др.). Указывать размер финансирования не требуется.

Благодарности. Авторы могут выразить благодарности людям и организациям, способствовавшим публикации статьи в журнале, но не являющимся ее авторами.

Информация о вкладе каждого автора (и лиц, указанных в разделе «Благодарности»). Пример: Участие авторов: Иванов И.И. – концепция и дизайн исследования; Петров П.П. – сбор и обработка материалов; Сидоров С.С. – анализ полученных данных, написание текста.

2.5. Библиографический список

Ссылки на источники в *пристатейном списке литературы* должны быть отсортированы по алфавиту и соответствовать ссылкам в тексте статьи, где их следует приводить в круглых скобках в формате «(Автор, дата)».

В списке литературы приводятся только опубликованные материалы (ссылки на Интернет-ресурсы допускаются).

Следует избегать самоцитирования, за исключением случаев, когда оно представляется необходимым (например, если нет других источников информации или настоящая работа проведена на основе либо в продолжение цитируемых исследований). Самоцитирование желательно ограничить тремя ссылками.

Все источники в списке литературы следует оформить в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008.

Подробные правила оформления библиографии можно найти в специальном разделе «Оформление библиографии».

2.6. References

Дополнительный список литературы в романском алфавите (References) необходимо приводить для соответствия публикуемых работ требованиям международных баз данных.

Список источников в References должен полностью соответствовать таковому в «Списке литературы». В отличие от «Списка литературы», русскоязычные источники в References следует привести в их латиноязычном эквиваленте – они должны быть написаны буквами романского алфавита:

– исходно русскоязычные источники (и их части), у которых существует официальный перевод на английский (или другой язык, использующий романский алфавит), должны быть приведены в переводе;

– источники (или части библиографического описания), для которых перевод не существует, должны быть приведены в транслитерации (см. ниже).

Все источники в References следует оформлять в стиле APA.

Статья на русском языке:

– авторы (транслитерация);

– заглавие статьи (транслитерация);

– [перевод заглавия статьи на английский язык в квадратных скобках];

- название источника (транслитерация, курсивом);
- [перевод названия источника на английский язык (для журналов можно не давать)];
- выходные данные только цифровые (без обозначения тома, номера и страниц словами – Vol., No., Pp. – на английском языке).

Пример:

Ivanov A. (2004). *Economicheskiiy krizis [Economic crisis]. Economika, 2(8), 17–36.*

Статья на английском, французском, немецком и других языках (латиница):

- авторы (англ., фр., нем. и др. яз.);
- заглавие статьи (англ., фр., нем. и др. яз.);
- название источника (англ., фр., нем. и др. яз., курсивом);
- выходные данные;
- если статья имеет DOI, обязательно (!) указать.

Примеры:

Author A.A., Author B.B., Author C.C. (2015). Title of article. *Title of Journal, 10(4), 53–57.* DOI: 10.3768/10832750.2013.88703

Author A.A., Author B.B., Author C.C. (2015). Title of article. *Title of Journal, 10(4).* DOI: 10.3768/10832750.2013.88703. Available at: название интернет-ресурса (accessed: 00.00.0000).

Подробные правила оформления библиографии можно найти на сайте журнала в специальном разделе «Оформление библиографии».

2.7. Контактная информация

Необходимо последовательно указать контактную информацию ВСЕХ АВТОРОВ. Раздел должен содержать следующие данные о каждом авторе:

- ФИО (полностью);
- ученая степень, ученое звание, должность, структурное подразделение и полное наименование организации (основного места работы);
- почтовый рабочий адрес (с индексом и указанием страны), адрес электронной почты, номер рабочего телефона (с кодом города), номер мобильного телефона (необходим для оперативной связи с автором, он не будет размещен в опубликованном варианте рукописи или передан третьим лицам);
- идентификаторы ORCID iD (см. подробнее – <http://orcid.org/>), eLIBRARY SPIN-код (см. подробнее – http://elibrary.ru/projects/science_index/author_tutorial.asp), SCOPUS ID (см. подробнее – <https://www.scopus.com/freelookup/form/author.uri>).

3. АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК И ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ

При публикации статьи часть или вся информация должна быть дублирована на английский язык или транслитерирована (написана латинскими буквами). При транслитерации рекомендуется использовать стандарт BSI (British Standard Institute, UK). Для транслитерации текста в соответствии со стандартом BSI можно воспользоваться ссылкой <http://ru.translit.ru/?account=bsi>

4. ТАБЛИЦЫ

Следует помещать в текст статьи, они должны иметь нумерованный заголовок и четко обозначенные графы, удобные и понятные для чтения. Данные таблицы должны соответствовать цифрам в тексте, однако не должны дублировать представленную в нем информацию. Ссылки на таблицы в тексте обязательны.

Каждую таблицу в тексте вместе с нумерованным заголовком следует привести дважды – в русскоязычном и англоязычном вариантах. Сначала следует привести русскоязычную версию нумерованного заголовка и таблицы. Сразу за ними следует поместить англоязычную версию нумерованного заголовка и таблицы, при этом номер заголовка и данные в таблице (но не текст!) должны совпадать. При создании англоязычного варианта таблицы и заголовка не следует использовать транслитерацию – необходимо давать полноценный перевод на английский.

Текст англоязычного варианта заголовка таблицы может не точно совпадать с текстом русскоязычного варианта, особенно в тех случаях, когда целесообразно в заголовке дать дополнительные пояснения к содержанию таблицы.

5. РИСУНКИ

Объем графического материала минимальный (за исключением работ, где это оправдано характером исследования). Каждый рисунок должен сопровождаться нумерованной подрисуночной подписью. Ссылки на рисунки в тексте обязательны.

Нумерованную подрисуночную подпись следует дать дважды – на русском и английском языках. Обе подрисуночные подписи следует располагать непосредственно под изображением, англоязычную версию подрисуночной подписи следует ставить сразу после русскоязычной. Подрисуночная подпись на английском языке при необходимости может содержать более детальное пояснение иллюстрируемых данных, чем русскоязычная. Пример: Рис. 1. Динамика показателей изучаемых процессов [Figure 1. Dynamics of indicators of studied processes].

При наличии текста на изображении (например, в случае текстовых схем), кроме оригинального рисунка, в рукопись следует вставить его копию, содержащую англоязычный вариант всего русскоязычного текста. Если на изображении мало текстовых элементов (например, только единицы измерения и подписи осей графика), допустимо не делать его англоязычную копию, а дублировать текст на английском непосредственно на оригинальном изображении.

Иллюстрации (графики, диаграммы, схемы, чертежи), рисованные средствами MS Office, должны быть контрастными и четкими. Иллюстрации должны быть выполнены в отдельном файле и сохранены как изображение (в форматах *.jpeg, *.bmp, *.gif), а затем помещены в файл рукописи как цельный рисунок. Недопустимо нанесение средствами MS Word каких-либо элементов поверх вставленного в файл рукописи рисунка (стрелки, подписи) ввиду большого риска их потери на этапах редактирования и верстки.

Фотографии, скриншоты (отпечатки экранов мониторов) и другие нерисованные иллюстрации необходимо не только вставлять в текст рукописи, но и загружать отдельно в специальном разделе формы для подачи статьи в виде файлов формата *.jpeg, *.bmp, *.gif (*.doc и *.docx – если на изображение нанесены дополнительные пометки). Разрешение изображения должно быть больше 300 dpi.

Файлу изображения необходимо присвоить название, соответствующее номеру рисунка в тексте. В описании файла следует отдельно привести подписочную подпись, которая должна соответствовать названию фотографии, помещаемой в текст (пример: Рис. 1. Сеченов Иван Михайлович).

Если в рукописи приводятся рисунки, ранее опубликованные в других изданиях (даже если их элементы переведены с иностранного на русский язык), автор обязан предоставить в редакцию разрешение правообладателя на публикацию данного изображения в другом журнале (с правильным указанием соответствующего журнала), в противном случае это будет считаться плагиатом (см. подробно раздел «Этика научных публикаций»).

6. СОКРАЩЕНИЯ

Все используемые аббревиатуры и символы необходимо расшифровать в примечаниях к таблицам и рисункам с указанием использованных статистических критериев (методов) и параметров статистической вариабельности (стандартное отклонение, стандартная ошибка среднего и проч.). Статистическую достоверность/недостоверность различий данных, представленных в таблицах, рекомендуется обозначать надстрочными символами *, **, †, ††, ‡, ‡‡ и т.п.

7. СООТВЕТСТВИЕ НОРМАМ ЭТИКИ

Для публикации результатов экспериментальных исследований с участием людей необходимо указать, подписывали ли участники исследования информированное согласие, был ли протокол исследования одобрен этическим комитетом (с приведением названия соответствующей организации, ее расположения, номера протокола и даты заседания комитета). Подробно принципы публикационной этики, которыми при работе руководствуется редакция, изложены на сайте журнала в разделе «Этические принципы журнала».

8. СОПРОВОДИТЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

При подаче рукописи в редакцию журнала необходимо дополнительно загрузить файлы, содержащие сканированные изображения заполненных и заверенных сопроводительных документов (в форматах *.pdf или *.jpg).

В число обязательных документов входит сопроводительное письмо, подписанное всеми авторами статьи (или несколько писем, в совокупности содержащие подписи всех авторов рукописи).

В случае, когда авторы рукописи работают в разных учреждениях, городах, странах, можно представить несколько сопроводительных писем; при этом в редакции журнала должны оказаться подписи ВСЕХ АВТОРОВ рукописи.

Для статей студентов, магистрантов и аспирантов без ученой степени сопроводительное письмо должно быть оформлено на официальном бланке факультета/института и заверено у руководителя факультета/института и научного руководителя.

Подготовка статьи

При передаче рукописи в редакцию на рассмотрение авторам необходимо согласиться со всеми следующими пунктами. Рукопись может быть возвращена авторам, если она им не соответствует.

1. *Отсутствие плагиата в тексте.* Авторы гарантируют, что статья целиком или частично не была раньше опубликована, а также не находится на рассмотрении и в процессе публикации в другом издании. Если рукопись ранее была подана для рассмотрения в другие издания, но не была принята к публикации, обязательно укажите это в сопроводительном письме, в противном случае редакция может неверно истолковать результаты проверки текста на наличие неправомерных заимствований и отклонить рукопись.

2. *Правильный формат.* Отправляемый файл рукописи имеет формат Microsoft Word или RTF – *.doc, *.docx, *.rtf. При оформлении рукописи соблюдены все требования редакции по оформлению текста, рукопись отформатирована в соответствии с указаниями официального сайта журнала.

3. *Сопроводительные документы.* Авторы подготовили для передачи в редакцию сопроводительное письмо и обязуются загрузить его на сайт журнала на Шаге 4 в процессе отправки рукописи.

Бланк заказа периодических изданий

АБОНЕМЕНТ на газету
(индекс издания)

Вестник РУДН.
 Серия: Экономика

(наименование издания)

Количество комплектов	<input type="text"/>
------------------------------	----------------------

На 2019 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>

Куда

(почтовый индекс) (адрес)

Кому _____

(фамилия, инициалы)

Линия отреза

<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	ДОСТАВОЧНАЯ	<input type="text" value="36431"/>
ПВ	место	литер	КАРТОЧКА	<small>(индекс издания)</small>

на газету **Вестник РУДН.**
 журнал **Серия: Экономика**

(наименование издания)

Стоимость	подписки	руб.	Количество комплектов	<input type="text"/>
	каталожная	руб.		
	пере-адресовки	руб.		

На 2019 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>

<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	город
<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	село
почтовый индекс		область								
код улицы		район								
дом		корпус		квартира		фамилия, инициалы				

Бланк заказа периодических изданий

АБОНЕМЕНТ на газету
 журнал (индекс издания)

Вестник РУДН.

Серия: _____
 (наименование издания)

Количество комплектов	<input type="text"/>
-----------------------	----------------------

На 2019 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>

Куда
 (почтовый индекс) _____ (адрес)

Кому _____
 (фамилия, инициалы)

Линия отреза

ДОСТАВОЧНАЯ
КАРТОЧКА (индекс издания)

ПВ	место	литер
----	-------	-------

на газету Вестник РУДН.
 журнал _____ Серия: _____
 (наименование издания)

Стоимость	подписки	руб.	Количество комплектов	<input type="text"/>
	каталожная	руб.		
	пере-адресовки	руб.		

На 2019 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>

<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>				
город															
село															
почтовый индекс						область									
район															
код улицы						улица									
дом				корпус				квартира				фамилия, инициалы			